

A romantic couple in a dimly lit room. The woman has long, wavy brown hair and blue eyes, looking directly at the camera. The man has dark hair and a beard, looking down at her. They are both wearing dark clothing. The background is dark with warm, glowing light from chandeliers.

Даниэль Ли

Контракт

НА ОТЦОВСТВО

Даниель Ли

Контракт на отцовство

«Автор»

2026

Ли Д.

Контракт на отцовство / Д. Ли — «Автор», 2026

БЕСПЛАТНО Шесть лет назад для бизнесмена Марка Соколова она была лишь красивой студенткой и ярким летним эпизодом. Жесткий прагматик, он предложил ей комфортный статус любовницы без обязательств. Для Алины же эти отношения были первой глубокой влюбленностью, которую растоптали одним холодным разговором. Она ушла, забрав с собой разбитое сердце и тайну, о которой он так и не узнал. Спустя шесть лет они встречаются вновь. Теперь Алина - успешный руководитель проектов в сфере IT, воспитывающая пятилетнюю дочь. Марк не догадывается, кто приедет в Петербург защищать перед ним крупный контракт. И тем более не подозревает, что каждый день Алина отводит в детский сад девочку с его пронзительными серо-зелеными глазами. Они думали, что поставили в прошлом точку. Но настоящая история только начинается.

© Ли Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой праздник. Встреча	5
Глава 2. Иллюзия сказки	10
Глава 3. Холодный душ	15
Глава 4. Две полоски	18
Глава 5. Закрытое сердце	21
Глава 6. Точка невозврата	23
Глава 7. Закаленная сталь. Спустя шесть лет	26
Глава 8. Назад в прошлое	29
Глава 9. Призраки прошлого	32
Глава 10. Встреча через время	36
Глава 11. Ложь во спасение	39
Глава 12. Чужая территория	42
Глава 13. Нарушение субординации	44
Глава 14. Капитуляция и побег	47
Глава 15. Тень сомнения	51
Глава 16. Сухие факты	53
Глава 17. Троянский конь	55
Глава 18. Глаза в глаза	57
Глава 19. Вскрытые раны	60
Глава 20. Контракт на отцовство	63
Глава 21. Здравствуй, папа	65
Глава 22. Возвращение	67
Глава 23. Удар исподтишка	70
Глава 24. Связанные руки	72
Глава 25. Надёжный тыл	74
Глава 26. Шах и мат	77
Глава 27. Тихие дни	80
Глава 28. Точка	82
Глава 29. Настоящая семья	84
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Даниель Ли

Контракт на отцовство

Глава 1. Чужой праздник. Встреча

«Прошлое никогда не умирает. Оно даже не прошло». Уильям Фолкнер

Санкт-Петербург утонул в тягучем мареве белых ночей. Конец июня выдался по-настоящему жарким, и даже сейчас, когда стрелки часов неумолимо приближались к полуночи, город и не думал остывать. Воздух дрожал от духоты, смешанной с запахом нагретого за день асфальта, невской воды и сладковатого аромата цветущих лип. В панорамных окнах фешенебельного ресторана при одном из самых дорогих отелей города отражалось жемчужно-серое небо. Внутри царила совершенно иная атмосфера: спасительная прохлада кондиционеров, приглушенный теплый свет хрустальных люстр, звон тонкого стекла и ненавязчивый, мягкий джаз, который вживую играл квартет на небольшой сцене.

Для двадцатилетней Алины Логиновой этот вечер должен был стать приятным путешествием в школьное прошлое и встречей с людьми, с которыми связаны лучшие воспоминания. Но вместо ожидаемой ностальгии он принес лишь легкое разочарование. Поддавшись на уговоры бывшей школьной подруги, Алина приехала на эту встречу выпускников специально из Москвы, где успешно заканчивала третий курс МГУ.

— Алина, ну ты посмотри на Игнатова! — прошептала прямо над ухом Рита, та самая подруга, с которой они когда-то делили одну парту. Рита поправила глубокое декольте своего слишком блестящего для такого места платья и кивнула в сторону барной стойки. — Стал заместителем начальника отдела в папиной фирме. Машина, квартира на Крестовском. И смотрит только на тебя!

Алина перевела взгляд на Пашу Игнатова. Тот действительно смотрел на нее в упор, нервно поправляя узел галстука. В школе Паша был неплохим парнем, но сейчас его попытки выглядеть солидным бизнесменом вызывали лишь снисходительную улыбку. Ну какой серьезный делец в двадцать-то лет? Все они здесь были детьми обеспеченных родителей — престижная гимназия в центре Петербурга других просто не принимала. Алина прекрасно понимала: всё, чего добились ее бывшие одноклассники за эти три года, было исключительно заслугой их семей, заботливо пристроивших своих чад набираться опыта параллельно с учебой.

— Рит, мы не виделись три года, — тихо ответила Алина, покачивая в руке бокал с шампанским. Пузырьки лениво поднимались со дна, искрясь в свете ламп. — Мне совершенно не интересно, какая у него машина. Мы общались с ним буквально пять минут, и всё это время он только и делал, что жаловался на пробки и цены на бензин. Это же просто скучно.

— Ой, какие мы стали столичные и разборчивые! — фыркнула Рита, впрочем, без особой злобы. — Ты всё еще ждешь принца. А их, дорогая моя, разбирают еще на подлете к ЗАГСу. К тому моменту, как эти принцы доходят до нас, они либо старые и страшные, либо уже глубоко женатые.

Алина лишь улыбнулась, отпивая ледяное вино. Она не искала принца с замком и титулом, но в свои двадцать лет всё еще отчаянно верила в искру, в ту самую книжную химию. Ей хотелось, чтобы рядом был человек, с которым можно до самого утра говорить обо всем на свете, забыв о времени, а не выслушивать унылые сводки о расходе топлива. Она поправила темные волосы, струящиеся по плечам безупречными волнами. Ее летящее темно-синее платье из тонкого шелка не кричало о сексуальности, но идеально подчеркивало тонкую талию. Алина чувствовала себя красивой, молодой, живой, но... абсолютно чужой на этом празднике.

Ее одноклассники словно застряли в прошлом, пытаясь доказать друг другу, кто добился большего успеха за эти смешные три года.

В отличие от них, Алина не купалась в родительских деньгах. Вся ее семья состояла из мамы, которая, дотянув дочь до выпуска из элитной гимназии и проводив на московский поезд, облегченно выдохнула: «Ну всё, доча. Всё, что могла, я сделала, дальше сама». И со спокойной совестью ушла строить новую жизнь с новым мужчиной. Да, они не были бедными в классическом понимании, но и богачами их назвать было трудно. Мать находила деньги на учебу, приличную одежду и проживание, но излишества вроде личного автомобиля или купленной квартиры были им совершенно не по карману. Поэтому Алина слишком хорошо знала истинную цену всей этой золотой мишуры.

Да, когда-то, при жизни отца, они тоже могли причислить себя к элите. Обучение в этой гимназии было как раз наследием тех времен. Но после его смерти всё изменилось: набегали кредиторы, быстро нашлись те, кто под шумок оттяпал большую часть бизнеса. Мама Алины не смогла отстоять имущество целиком, но всё же сумела сохранить кое-какие активы — только ради того, чтобы дочери не пришлось переводиться в школу попроще. Эта история стала хорошим уроком. Алина рано поняла: если за твоей спиной нет надежного тыла, пробиваться будет в сотню раз сложнее. Поэтому сейчас она упорно училась, рассчитывая только на себя, чтобы в дальнейшем суметь ухватить эту жизнь хотя бы за край.

На другом конце огромного зала ресторана, в закрытой VIP-зоне, отгороженной от остальной публики массивными бархатными портьерами, тоже праздновали. Но масштаб здесь был совершенно иным.

Двадцатидевятилетний Марк Соколов сидел в глубоком кожаном кресле, расслабленно вытянув длинные ноги. Верхняя пуговица его безупречно сшитого на заказ темно-графитового пиджака была расстегнута, галстук отсутствовал. В его серо-зеленых глазах плескалась усталая удовлетворенность хищника, который только что загнал самую крупную добычу в своей жизни. Но где-то глубже, под этой победительной позой, ворочалась тягучая, царапающая пустота. Он шел к этой сделке два года, выжимая себя и конкурентов досуха, а сейчас, когда многомиллионный контракт был подписан, обещанной эйфории почему-то не было. Только гул в голове и желание оказаться где угодно, но не здесь.

— Ну, Марк Анатольевич, с победой! — густым басом пророкотал Роман, его старший партнер и вице-президент компании. Сорокалетний мужчина с намечающейся сединой на висках радостно поднял тяжелый стакан с янтарным виски. — Мы порвали этот тендер, как тузик грелку. Конкуренты до сих пор, наверное, валерьянку литрами пьют.

— Это только начало, Рома, — Марк заставил себя усмехнуться, чокаясь с партнером. Звон тяжелого хрусталя потонул в гуле голосов корпоративной элиты. — Завтра начнем аудит их активов. Расслабляться рано.

Он произнес это на автомате. Адреналин гонки уже отпустил, оставив после себя лишь ноющую тяжесть в висках от сигарного дыма, парфюма и чужого шума.

— Завтра будет завтра. А сегодня, мой юный друг, ты должен праздновать, — Роман отпил виски и выразительно повел бровью в сторону противоположного конца стола. — Тем более, кое-кто из отдела маркетинга весь вечер глаз с тебя не сводит.

Марк лениво скользнул взглядом в указанном направлении. Кира. Высокая, эффектная блондинка с дипломом европейской бизнес-школы. Поймав его взгляд, она растянула губы в идеальной, отрепетированной перед зеркалом улыбке и чуть приподняла бокал. Красивая. Умная. И до зубовного скрежета предсказуемая, синтетическая.

Он знал наперед каждое ее слово, каждый томный вздох и жест, который она сделает, если он пригласит ее сегодня к себе в номер. Марк был богат, чертовски хорош собой, и женщины никогда не были для него проблемой. Но именно эта фальшивая легкость и готовность играть

по заранее написанному корпоративному сценарию вызывали у него сейчас почти физическое отторжение. Ему до одури надоели выверенные реакции.

— Кира — отличный специалист, Рома. Пусть им и остается, — сухо отрезал Марк, со стуком ставя стакан на стол.

Спертый воздух помещения начал неприятно пульсировать в висках. Ему физически требовалось выйти из этого зала, чтобы сбросить с себя липкое оцепенение. Коротко кивнув партнеру, Марк поднялся и, решительно раздвинув плотные бархатные портьеры, шагнул в основной зал.

В эту же самую секунду Алина, окончательно устав от назойливых попыток Игнатова вытащить ее на танцпол, сбежала из-за своего столика.

— Я на минутку, носик припудрить, — бросила она Рите.

Алина направилась напрямик к холлу, где спасительно темнел выход на открытую летнюю террасу. Ей жизненно необходимо было глотнуть свежего ночного воздуха, чтобы окончательно не задохнуться в этой атмосфере чужого тщеславия и фальши.

Она шла быстро, почти стремительно, ловко лавируя между столиками. Сосредоточенно глядя себе под ноги, чтобы не оступиться на высоких шпильках, Алина попросту не заметила высокого мужчину, который резко вышел из-за бархатной драпировки прямо ей наперерез.

Столкновение было неизбежным.

Алина глухо охнула, с размаху влетев в чужое плечо. Удар вышел довольно чувствительным. Бокал с остатками шампанского опасно накренился, но сильная мужская рука мгновенно перехватила ее за запястье, не дав вину пролиться на шелк. Вторая ладонь легла ей на талию, удерживая равновесие.

— Осторожнее, — раздался сверху низкий, чуть хриловатый голос с легкой усмешкой.

Алина резко вскинула голову и замерла. Внутри словно оборвалась струна. В каком-нибудь любовном романе обязательно написали бы, что «сердце пропустило удар», что, в принципе, было недалеко от правды.

На нее смотрели глаза удивительного серо-зеленого оттенка. В них не было пьяного блеска или мужской снисходительности, только острый, сканирующий интерес. Мужчина был высок, гораздо выше Паши или любого из ее одноклассников, и явно старше. Лицо с точеными скулами и легкой тенью щетины казалось сошедшим с обложки журнала, но в нем была жизнь, была дерзость, которой так не хватало Алине весь этот вечер.

— Простите, — выдохнула она. Кожа на талии под его широкой ладонью вдруг стала обжигающе горячей. — Я вас не заметила.

— Трудно заметить препятствие, когда убегаешь так стремительно.

Марк не спешил убирать руку. Он смотрел в эти распахнутые, немыслимо синие глаза и с удивлением понимал, что раздражение последних часов отступает. Девушка перед ним была действительно красива. Не той выверенной, пластиковой красотой, которой блистала Кира, а живой, настоящей. В ее взгляде не было того въедливого, оценивающего прищура, с которым женщины обычно взвешивали его полезность и статус. Только искреннее смущение и... что-то настолько естественное, от чего у Марка проснулся забытый, почти юношеский азарт. Впервые за долгое время ему не нужно было играть роль генерального директора.

Алина чуть повела плечом, намекая, что его рука всё еще крепко держит ее. Марк всё понял и нехотя разжал пальцы.

— Здесь слишком душно, — попыталась оправдаться Алина, чувствуя себя немного глупо под его пристальным взглядом. — Я просто хотела выйти на террасу.

— Там ничуть не лучше, — Марк мягко, но безапелляционно забрал из ее пальцев бокал и поставил его на поднос проходившего мимо официанта. — К тому же пить вино в одиночестве — это преступление против летней ночи. Я Марк.

Он протянул руку.

— Алина. Она вложила свои пальцы в его ладонь. Короткое прикосновение снова пустило колючий ток по нервам. Она прекрасно понимала, что играет с огнем. Этот мужчина явно был не из ее мира. Но сейчас, глядя на его чуть насмешливую улыбку, ей меньше всего хотелось возвращаться к Паше Игнатову.

— Что празднуете, Алина? — Марк чуть склонил голову. — На акулу бизнеса, отмечающую удачный контракт, вы не похожи.

— Встреча выпускников, — она слегка поморщилась. — Пытаемся делать вид, что мы всё те же, хотя на самом деле нам не о чем говорить. А вы? Акула бизнеса?

— Сегодня — да, — он усмехнулся, и эта улыбка мгновенно преобразила его лицо. — Но акулам тоже нужен отдых. Позвольте угостить вас коктейлем, который действительно стоит того, чтобы его пить в такую ночь?

Алина должна была отказаться. Вернуться к столику, поймать такси и уехать домой. Но она посмотрела в его серо-зеленые глаза и поняла, что не хочет уходить.

— Позволю.

Они переместились за барную стойку. Марк не спрашивал, что она любит, он просто кивнул бармену, и через пару минут перед ней стоял высокий бокал с чем-то ледяным и в меру терпким. Они разговорились. Так легко и непринужденно, словно знали друг друга много лет.

Алина смеялась его шуткам, рассказывала о Москве, о том, как тяжело давалась первая сессия, и как странно чувствовать себя гостьей в родном городе. Марк слушал ее, не перебивая, с жадным вниманием. Его поражала ее искренность. Она не пыталась казаться старше или опытнее, не спрашивала, чем он руководит и сколько у него нулей на счету. Для нее он был просто Марком — интересным, чертовски притягательным собеседником.

Музыка на сцене сменилась. Джаз-банд заиграл медленную, тягучую мелодию с солирующим саксофоном, который словно рвал душу наизнанку.

— Я не люблю танцевать, — вдруг сказал Марк, глядя прямо ей в глаза. — Обычно это скучная обязаловка. Но сейчас, если вы откажетесь, я буду крайне разочарован.

Алина не ответила. Она просто соскользнула с высокого барного стула и протянула руку.

Когда они вышли на небольшой танцпол, Марк властно притянул ее к себе. Его правая рука легла на ее спину, согревая сквозь тонкий шелк платья, а левая переплела их пальцы. Алина положила голову ему на плечо, вдыхая аромат сандала. Мир вокруг словно потерял резкость. Исчезла Рита, испарился Паша с его машинами, растворились корпоративные партнеры. Осталась только мелодия, полумрак зала и сбивающее с ног притяжение.

Марк танцевал так же, как жил — уверенно, ведя ее за собой. Он чувствовал легкую дрожь в ее пальцах и то, как часто колотится ее сердце. Ему было двадцать девять, он насквозь пропитался цинизмом, но сейчас, обнимая эту девушку, чувствовал, что теряет хваленый контроль.

— Знаешь, — прошептал он, впервые переходя на «ты» и наклоняясь к самому ее уху. — Здесь действительно слишком шумно. И я снял номер в этом отеле, чтобы не ехать через весь город после банкета.

Он не спрашивал — он констатировал факт. И ждал ее решения.

Алина замерла. Девочки из хороших семей не пьют коктейли с незнакомыми мужчинами, не прижимаются к ним на танцполе и уж тем более не идут к ним в номера. Эти правила она знала наизусть. Но Марк больше не казался ей чужим. Начитавшись романов, она была уверена: такие встречи не бывают случайными. Это начало чего-то настоящего, большого. Разве можно упустить такой шанс из-за глупых условностей?

Она подняла голову, встретившись с его потемневшим, тяжелым взглядом, и, сглотнув пересохшим горлом, едва заметно кивнула.

Марк не стал терять ни секунды. Он перехватил ее руку, и они покинули зал, пройдя через холл к сверкающим створкам лифта.

Пока кабина бесшумно неслась на верхний этаж, между ними висело густое, наэлектризованное молчание. Алина не отрывала взгляда от мелькающих на табло цифр, чувствуя, как тяжело и гулко бьется пульс где-то в горле. Она всё еще разрывалась между паническим порывом сбежать и отчаянным желанием поцеловать этого мужчину. Потребность прикоснуться к нему стерла барьеры, превратившись в чистое наваждение.

Марк стоял совсем рядом. Он не прикасался к ней, но его присутствие заполняло собой всё пространство кабины. Он смотрел на ее профиль, на темные локоны и думал лишь о том, что эта ночь станет безупречным завершением долгого дня. Для него, взрослого мужчины, в этом не было начала великой истории любви. Это был просто момент. Красивый, страстный, честный момент чистого притяжения. Никаких обязательств и совершенно точно — никаких планов на завтра.

Двери лифта разъехались. Коридор, устланный мягким ковром, казался бесконечным. Марк достал магнитную карту, приложил к замку тяжелой дубовой двери. Щелчок прозвучал в тишине оглушительно.

Он толкнул дверь, пропуская Алину вперед, в полумрак роскошного люкса. Как только она переступила порог, он вошел следом и захлопнул дверь.

Ему больше не нужно было держать дистанцию. Марк шагнул вплотную, вжимая Алину лопатками в прохладное дерево, и накрыл ее губы своими. Поцелуй вышел отнюдь не нежным. Он был жестким, жадным, собственническим. Алина тихо выдохнула ему в губы, отвечая с той отчаянной пылкостью, на которую была способна только ослепленная молодость. Ее руки обвились его шее, пальцы зарылись в короткие волосы на затылке.

Замок на спине тихо разъехался. Тонкий шелк скользнул по бедрам и упал к ногам. Алина вздрогнула — то ли от прохлады кондиционера, то ли от контраста, когда большие, горячие ладони Марка легли на ее голую кожу.

Его руки были требовательными. Он скользнул пальцами по ее талии, поднимаясь выше, к ребрам. Марк целовал ее шею, ключицы, заставляя Алину запрокинуть голову и судорожно, прерывисто дышать. В этот момент у нее не осталось ни страхов, ни сомнений. Она цеплялась за его плечи, чувствуя под тканью рубашки напряженные мышцы.

Не отрываясь от ее губ, Марк одним резким движением сбросил пиджак, отшвырнув его в темноту холла. Рубашка полетела следом.

Он подхватил Алину на руки так легко, будто она ничего не весила, в несколько широких шагов пересек комнату и опрокинул на кровать. Белоснежные простыни обдали спину холодом, но Марк тут же накрыл ее своим телом. Циничный контроль, которым он так гордился, трещал по швам. Реальность за пределами этого номера окончательно потеряла значение. Остался только сбившийся пульс, жадные губы и слепая, отчаянная нежность.

За окнами медленно светлело небо Петербурга, но здесь время остановилось. Для Алины эта ночь казалась магией, началом сказки, в которую она поверила всем сердцем. Для Марка — яркой вспышкой, которую он забирал себе без остатка, не задумываясь о том, какую цену им обоим придется заплатить за эту страсть.

Глава 2. Иллюзия сказки

Утро тихо пробиралось в номер люкс сквозь неплотно сомкнутые шторы. Алина медленно открыла глаза и несколько секунд просто лежала, не понимая, где находится. Здесь было непривычно тихо. Ни гула машин за окном, ни голосов соседей, ни привычного утреннего шума московского общежития. Только мягкий свет, запах дорогого мужского парфюма и тепло чужого тела рядом.

В полумраке комнаты постепенно проступали очертания дорогой мебели, разбросанные вещи и край того самого темно-синего шелкового платья, небрежно лежавшего на полу. Алина осторожно повернула голову на подушке, боясь нарушить тишину.

Память вернулась мгновенно.

Марк спал. Во сне его лицо утратило ту властную, жесткую хищность, которая так поразила ее вчера. Сейчас он казался просто привлекательным мужчиной, глубоко уставшим после долгого дня. Темные ресницы отбрасывали легкие тени на скулы, дыхание было ровным и спокойным. Одна его рука по-хозяйски, тяжело и уверенно лежала на ее талии, прижимая к горячему телу, словно он и не собирался ее отпускать.

Алина затаила дыхание. Всё происходящее казалось ожившей, немыслимой сценой из фильма. Вчерашняя ночь стерла ее страхи, осторожность и все те правильные установки, которыми она привыкла руководствоваться. Марк был страстным, жадным, временами почти неистовым, но в его прикосновениях было столько нежности, что Алина не могла поверить: для него это всего лишь случайная ночь. Так не смотрят в глаза. Не держат рядом после того, как всё закончилось. Не заставляют сердце верить в то, во что оно так давно хотело поверить.

Марк глубоко вздохнул, и его пальцы инстинктивно сжались на ее талии, притягивая еще ближе, словно даже во сне он не хотел ее отпускать. Он медленно открыл глаза. Серо-зеленый взгляд, сначала немного затуманенный сном, мгновенно сфокусировался и прояснился. На его губах появилась та самая обволакивающая, чуть ленивая улыбка, от которой у Алины снова перехватило дыхание.

— Доброе утро, — его голос звучал хрипло со сна, и от этого простого, обыденного звука по ее спине пробежала россыпь мурашек.

— Доброе, — тихо ответила она, чувствуя, как щеки предательски заливают румянец. При свете дня нагота и невероятная близость к этому мужчине внезапно смутили ее, заставив инстинктивно натянуть край одеяла повыше.

Марк заметил этот жест. Он усмехнулся, провел костяшками пальцев по ее щеке, аккуратно убирая темную прядь волос за ухо, и мягко поцеловал в ключицу.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, приподнимаясь на локте. В его голосе было искреннее, неподдельное внимание.

— Как будто попала в другую реальность, — честно призналась Алина, не отводя взгляда от его глаз.

Марк улыбнулся чуть шире, потянулся к прикроватной тумбочке и нажал кнопку на панели управления. Шторы бесшумно раздвинулись, впуская в номер слепящее утреннее солнце и великолепный вид на просыпающийся Петербург.

— Закажем завтрак в номер? Или предпочитаешь спуститься в ресторан? — Марк откинул одеяло, ничуть не стесняясь своей наготы, и направился к ванной комнате. Его тело, рельефное и сильное, заставило Алину снова смущенно отвести взгляд.

— В номер, если можно. Не думаю, что мое вечернее платье будет уместно за утренним кофе, — попыталась отшутиться она.

Они заказали завтрак. Марк накинул белоснежный гостиничный халат, а Алине отдал свою рубашку. Рубашка доходила ей до середины бедра, пахла его парфюмом — сандалом и

чем-то неуловимо мужским, — и в ней она чувствовала себя невероятно хрупкой. Они пили крепкий кофе, ели еще теплые круассаны. Марк много шутил, расспрашивал ее о планах на лето, рассказывал смешные истории из своей студенческой юности, виртуозно и незаметно обходя тему своей работы и статуса. В ее глазах он был идеальным. Внимательным, галантным, легким в общении.

Алине казалось, что она встретила мужчину мечты, того, кто будет рядом, кто разделит с ней и радости, и горести, того, на кого можно положиться. Алина была уверена, что сегодня началась новая глава в ее жизни, где она будет уже не одна.

Когда пришло время уезжать, он спустился с ней в холл отеля и сам посадил ее в вызванное им такси премиум-класса. Он не стал держать ее за руку или целовать на публике, соблюдая ту невидимую дистанцию, которая свойственна взрослым деловым людям. Но перед тем, как она села в черную блестящую машину, Марк остановил ее, взяв за локоть. Он достал из внутреннего кармана пиджака матово-черную визитку с золотым тиснением и протянул ей.

— Здесь мой личный номер. Не офисный, — Марк посмотрел ей прямо в глаза, и его взгляд снова стал тем гипнотическим, каким был ночью. — Я улетаю сегодня вечером в командировку на три дня. Как вернусь — наберу тебе. Договорились?

— Договорились, — выдохнула Алина, сжимая плотный картон в ладони.

Такси плавно тронулось с места. Алина откинулась на кожаное сиденье, прикрыла глаза и счастливо улыбнулась.

Эти три дня превратились для Алины в сладкую, тягучую пытку. Она гостила у мамы, в их старой квартире на Петроградке. Мама, недавно вышедшая замуж во второй раз и с головой погруженная в новую семейную жизнь, мало интересовалась тем, где ее дочь провела ночь после встречи выпускников. «Гуляла с Ритой? Ну и хорошо, молодость для того и нужна», — отмахнулась она за завтраком.

Алина проводила дни, гуляя по городу, периодически заглядывая в телефон. Она заучила наизусть цифры на матовой визитке. «Марк Анатольевич Соколов». Она нашла информацию о его компании в интернете и была поражена масштабами его бизнеса. Он был не просто успешным, он был человеком из высшей лиги. Но для нее он оставался тем самым Марком, который целовал ее ключицы и заказывал кофе в постель.

Он позвонил на четвертый день, ближе к вечеру. На экране высветился заученный наизусть номер, и сердце Алины зашло в радостном ритме.

— Привет. Не отвлекаю? — его баритон звучал уверенно и спокойно.

— Привет. Нет, я совершенно свободна, — она постаралась, чтобы голос не выдал ее сумасшедшей радости.

— Я вернулся в город. Если у тебя нет планов на вечер, я бы хотел с тобой поужинать. Заеду за тобой в восемь?

Она согласилась мгновенно. Алина ожидала, что он снова придет за ней машину или позовет в пафосный ресторан, чтобы подчеркнуть свой статус. Но Марк приехал сам, за рулем черного внедорожника. Он был одет в простые темные джинсы и футболку. В тот вечер они оставили машину на парковке и просто пошли гулять по городу.

Они брали кофе в бумажных стаканчиках, ели обычные горячие пышки на Большой Конюшенной. Разговаривали обо всем на свете. Алина рассказывала про учебу в МГУ, про строгих преподавателей и о том, как скучает по сырому питерскому ветру в раскаленной Москве. Марк слушал. Не перебивал, не давал снисходительных советов с высоты своих двадцати девяти лет. Он задавал точные, живые вопросы. Рассказывал о себе — о том, как развивал компанию, доставшуюся ему от отца, как сутками не вылезал из офиса, чтобы к этому времени увеличить ее практически вдвое. Он говорил о своих планах легко, но ни разу не произнес «мы» и не строил планов дальше сегодняшнего вечера. Ни разу не спросил, когда она

уезжает из Петербурга. Алина не замечала этих маленьких деталей. Она была слишком занята тем, что происходило внутри нее.

Марк же в этот вечер преследовал простую цель — ему необходимо было заземлиться.

После трех суток изнурительных переговоров в Москве, где каждый собеседник пытался что-то из него выжать, прогулка по родному Питеру с простым кофе в бумажном стаканчике и горячими пышками казалась лучшей перезагрузкой. Он сознательно не стал надевать костюм, вызывать водителя или бронировать столик в очередном пафосном ресторане.

Марк смотрел на Алину и находил в ней редкую для своего окружения подлинность. Ее искренний смех, оживленный рассказ о преподавателях МГУ, живая мимика — всё это не имело ничего общего с глянцем и лоском, в котором он жил много лет. Рядом с ней ему не нужно было держать фасад жесткого руководителя, взвешивать каждое слово и искать скрытые мотивы. Она не пыталась произвести впечатление и смотрела на него не как на чек с множеством нулей, а просто как на мужчину, который ей интересен. И это ему нравилось.

Но при всем при этом Марк оставался трезвым прагматиком. Для него Алина была прекрасным летним эпизодом — яркой вспышкой и глотком свежего воздуха перед очередным витком жесткой работы. Он сознательно обходил темы будущего, не давал обещаний и не спрашивал, когда она уезжает в Москву. В его представлении всё было просто: взаимная симпатия, легкое общение, зашкаливающая страсть и никаких обязательств, когда придет время прощаться.

Он видел в ее глазах восхищение, чувствовал, как легко она откликается на его присутствие, и был уверен, что двадцатилетняя студентка МГУ относится к происходящему так же легко, как и он.

Он ошибался.

Встречи стали регулярными. Они встречались два-три раза в неделю и Алина жила от встречи до встречи, отсчитывая часы до момента, когда снова увидит его внедорожник.

Их третье свидание закончилось под внезапным, проливным питерским дождем. Они не успели добежать до машины и скрылись в какой-то арке на Петроградской стороне, вымокшие насквозь. Марк рассмеялся — искренне, раскатисто, смахнул капли воды с ее лица, прижал к холодной кирпичной стене и поцеловал. Жадность и огонь той первой ночи вернулись мгновенно.

В тот вечер они снова сняли номер — уже в небольшом уютном бутик-отеле неподалеку.

После они долго лежали в темноте. Алина водила пальцем по его груди, слушая ровный стук сердца.

— О чем думаешь? — тихо спросил он, зарываясь лицом в ее влажные волосы.

— О том, что в конце августа мне нужно возвращаться в Москву, — честно ответила она.

Марк ничего не сказал. Только крепче прижал ее к себе и поцеловал в макушку.

Четвертое свидание. Пятое. Они гуляли по ночному городу, встречали рассветы после долгих разговоров, спорили о прочитанных книгах и могли часами перескакивать с одной темы на другую. Марк оказался невероятно начитанным человеком с жестким, циничным юмором, который неизменно приводил Алину в восторг.

С ним было безумно интересно. И удивительно спокойно.

Он помнил, какой кофе она любит. Замечал, когда она начинала мерзнуть, и молча накидывал ей на плечи свой свитер. По одному взгляду угадывал ее настроение и почему-то всегда замечал то, что она сама предпочитала скрывать. Их физическая близость была неотделима от всего остального — от разговоров, смеха, случайных прикосновений и того густого напряжения, которое возникало между ними даже в полной тишине. С каждым разом притяжение становилось только сильнее.

Алина уже перестала спрашивать себя, что между ними происходит. Для нее ответ был очевиден.

Она не требовала от него клятв, не лезла в его телефон, не расспрашивала о других женщинах. Ей с головой хватало этих встреч. В ее юной, влюбленной голове картинка будущего начала складываться сама собой — логично, просто и совершенно естественно.

Впервые мысль о переезде в Петербург пришла Алине совершенно буднично. Она сидела вечером за ноутбуком, рассеянно листая расписание занятий на следующий семестр. На экране мелькали названия дисциплин, фамилии преподавателей, даты. Алина лениво прокручивала страницу вниз, когда в голове вдруг сама собой возникла странно простая мысль: а почему, собственно, она должна возвращаться в Москву? Мысль показалась настолько очевидной, что она даже усмехнулась.

Петербург ей всегда нравился больше. Она любила его тяжелое серое небо, влажный ветер с Невы, старые дворы, узкие улицы и даже эту вечную способность за десять минут промочить человека до нитки. Москва была огромной, шумной и удобной для карьеры, но за три года учебы так и не стала ей домом.

А МГУ? Алина перевела взгляд на открытый учебный план. Да, престижно. Да, она сама добилась своего места и вовсе не собиралась бросать всё из-за мужчины. Но перевод ведь не означал отказ от учебы. СПбГУ тоже был сильным университетом с похожей программой, а академическая разница, если верить сайту, оказалась совсем небольшой. Если заняться документами прямо сейчас, всё вполне можно успеть оформить к сентябрю.

Она откинулась на спинку стула, разглядывая комнату. Просто другой университет в городе, который она и так любила.

Алина закрыла ноутбук, но уже через несколько минут открыла его снова. Зашла на сайт СПбГУ, потом на какой-то студенческий форум, перечитала условия перевода. Сама не заметила, как пролетело больше часа.

На следующий день эта мысль вернулась с новой силой. Когда Марк высадил ее возле дома после свидания, Алина смотрела ему вслед из окна и отчетливо представила, что через несколько недель он снова растворится в своей привычной питерской жизни, а она сядет на поезд до Москвы.

Москва. Общежитие. Бесконечные коридоры и соседки, делящие тесную кухню. А Марк останется здесь... Без нее.

От этой простой перспективы внутри неприятно кольнуло. Алина тут же мысленно одернула себя. Вот еще. Нельзя строить жизнь вокруг мужчины, она никогда себе такого не позволяла и начинать не собиралась.

Но ведь дело действительно было не только в нем. На следующий день она открыла заметки в телефоне и принялась методично перечислять аргументы:

- мама здесь;
- любимый город;
- СПбГУ подходит по программе;
- не придется менять специальность;
- можно продолжать учебу без потерь;
- после окончания всё равно можно строить карьеру где угодно.

Она перечитала список. Ну да, вполне убедительно. Подумав секунду, Алина добавила еще два пункта: **меньше расходов на жилье** и **не придется жить в общежитии**.

Она положила телефон экраном вниз и довольно улыбнулась. Вот теперь всё выглядело исключительно разумно и прагматично. Конечно, Марк тоже существовал где-то на периферии этой картины, но вовсе не как причина переезда. Скорее... как приятное обстоятельство. Она даже сформулировала для себя успокаивающую мантру: «Я ведь не переезжаю к нему. Я просто остаюсь в городе».

Эта формулировка пришлась ей по душе, и через пару дней она уже сама в нее верила.

Когда они сидели в маленьком кафе, попивая раф после долгих вечерних прогулок, Марк рассказывал о каких-то рабочих перипетиях, а Алина вдруг перебила его вопросом:

— Ты всегда собирався жить в Петербурге?

Он посмотрел на нее поверх чашки, слегка приподняв брови:

— Почему спрашиваешь?

— Да просто интересно.

— Пока да. Здесь моя компания, квартира, вся привычная жизнь. А что?

Алина лишь пожала плечами:

— Ничего.

Она не стала говорить ему о своей идее. По крайней мере, пока. Ей хотелось сначала самой во всем разобраться, проверить почву, а не выглядеть девчонкой, которая бежит за мужчиной.

В тот же вечер она снова открыла сайт СПбГУ — уже без всякого любопытства, вполне серьезно. Скачала перечень документов, сверила сроки, нашла контакты приемной комиссии. А когда увидела, что при удачном стечении обстоятельств перевод действительно можно успеть оформить до сентября, сердце почему-то сделало предательский кувырок и забилось быстрее.

Алина прикрыла глаза, представляя себе этот сентябрь. Не Москву с ее промозглой осенней суетой, а Петербург. Утренние пары, кофе по дороге к главному зданию, привычные прогулки после занятий. А вечером — Марк. Он будет заезжать за ней после работы, они станут ужинать, бродить по набережным, иногда выбираться за город на выходные. Она продолжит учиться, он — строить свой бизнес. Ничего из ряда вон выходящего. Самая обычная, счастливая жизнь. Почти.

Алина открыла глаза и тихо рассмеялась над собой, чувствуя себя немного наивной. Ну до чего же дурочка. Она прекрасно понимала, что прямо сейчас у себя в голове увлеченно рисует общее будущее. Но это ведь всего лишь приятная фантазия. В конце концов, она ничего ему не обещала. И он ей тоже. Она просто хотела остаться в городе, который искренне любила. Просто хотела дать этой внезапной истории маленький шанс. Всего лишь шанс.

Алина снова посмотрела на вкладку с условиями перевода и уверенно нажала «Сохранить». Прошла всего неделя, а она уже знала наизусть весь список справок, бланков и часы работы деканата. Оставалось только сделать последний шаг и сказать об этом Марку. Идея казалась гениальной в своей простоте. Зачем мучить себя расстоянием, если всё складывается так идеально?

Глава 3. Холодный душ

Марк заехал за ней в среду вечером. В отличие от их прошлых, легких прогулок по городу, сегодня он был в строгом деловом костюме. Уставший, с жесткой, глубокой морщиной между бровей, галстук небрежно ослаблен.

— Тяжелый день? — Алина села на пассажирское сиденье и привычно, мягко коснулась губами его щеки.

— Совет директоров, — Марк коротко ответил на поцелуй, вырываясь в плотный поток вечерних машин. — Едем ужинать. Я голодный как черт.

Они приехали в закрытый, тихий ресторан на Крестовском острове. Приглушенный свет, мягкие диваны, идеальная акустика и вышколенные официанты, появляющиеся словно из ниоткуда. Алина заказала легкий салат, Марк — прожаренный стейк и двойной эспрессо.

Они говорили о каких-то мелочах, но Алина физически ощущала его внутреннее напряжение. Ей захотелось разрядить обстановку, поделиться тем радостным планом, который она обдумывала последнюю неделю. Ей казалось, что эта новость заставит его улыбнуться.

— Знаешь, я тут внимательно изучила сайт СПбГУ, — она покрутила тонкую ножку бокала с водой, глядя на Марка с сияющей, легкой улыбкой. — Академразница совсем небольшая. Если я подам документы на перевод прямо на этой неделе, к сентябрю как раз успею всё оформить.

Она подняла на него полный невысказанной надежды взгляд. Она ждала, что он оживится. Что скажет: «Да, это отличная мысль, я помогу тебе с переездом, я хочу, чтобы ты была рядом».

Но Марк не улыбнулся. Выражение его лица неуловимо изменилось. Вся легкость и непринужденность последних недель испарились в одно мгновение, словно их никогда и не было. Он медленно, очень аккуратно положил нож и вилку на края тарелки. Металл тихо звякнул о фарфор.

В серо-зеленых глазах появилась та самая холодная, аналитическая расчетливость генерального директора, который видит, что переговоры свернули на опасную территорию и их нужно жестко корректировать.

— Зачем?

Один короткий, лишенный всяких эмоций вопрос.

Алина растерялась. Улыбка медленно сползла с ее лица.

— Ну... чтобы не возвращаться в Москву. Чтобы остаться здесь. С тобой.

Марк откинулся на спинку стула. Взял тканевую салфетку, неторопливо вытер губы. От этого медленного, размеренного жеста позвоночник Алины сковало ледяным холодом.

— Алина, — его голос прозвучал тише, но в нем отчетливо лязгнул металл. — Послушай меня очень внимательно.

Внутри у нее всё тревожно сжалось.

— Ты потрясающая девушка, — начал он, глядя ей прямо в глаза. — Умная. Невероятно красивая. Мне очень нравится проводить с тобой время. Нам хорошо вместе в постели.

Слово «в постели» резануло по живому, как лезвием.

Он сделал короткую паузу.

— Но я не хочу, чтобы ты меняла свою жизнь из-за меня. Переводилась в другой университет. Строила планы, в которых я уже занимаю какое-то место.

У Алины пересохло во рту.

— Почему?

— Потому что я не предлагал тебе отношений, Алина.

Она замерла.

Марк говорил спокойно, почти безэмоционально. Но именно это было страшнее всего.

— Мне нравится быть с тобой. Мне нравится то, что между нами происходит. Но я не ищу серьезных отношений. Не хочу семьи, брака, совместной жизни. По крайней мере сейчас. И не хочу давать тебе надежду на то, чего не могу тебе обещать. Я не планирую жениться, заводить семью, играть в романтику с совместными планами на будущее. У меня просто нет на это ни времени, ни ресурса, ни желания.

Алина сидела, замерев, словно ее окатили ледяной водой. Звуки ресторана мгновенно исчезли, растворились. В ушах стоял тонкий, тошнотворный звон.

— Я предлагаю тебе кристально ясный формат, — продолжил Марк всё тем же спокойным, деловым тоном человека, предлагающего выгодный контракт. — Ты мне очень нравишься. Если ты решишь остаться в Питере, перевестись в СПбГУ, я с удовольствием продолжу наше общение. Но если ты сделаешь это, то только ради себя, а не ради нашего совместного будущего, которого я пока не вижу. Я могу снять тебе хорошую квартиру, могу обеспечить определенный, очень высокий уровень комфорта. Нам хорошо вместе. Зачем усложнять то, что может быть легким и приятным для нас обоих?

Каждое его слово падало как тяжелый камень, стирая ее хрустальный замок в режущую пыль. Розовые очки разбились стеклами внутрь.

Он не был влюблен. Почему она вообще решила, что это взаимно? Для него она была не внезапной вспышкой, а просто красивой молодой студенткой, которой можно предложить статус содержанки, завернув это в глянцевую обертку «свободных отношений без драм».

Лицо Алины побледнело так сильно, что на фоне темных волос она стала похожа на фарфоровую куклу. Кровь отлила от щек, но где-то глубоко в груди, под слоями раздавленной наивности и жгучей боли, начала зарождаться горячая, концентрированная злость. Именно она не дала Алине расплакаться прямо за столом. Именно она заставила ее идеально ровно держать спину.

Она медленно отодвинула от себя бокал.

— То есть, ты предлагаешь мне стать твоей... удобной любовницей на содержании? — голос прозвучал неожиданно ровно, хотя внутри всё скрутило судорогой.

— Я предлагаю взаимное удовольствие без драм и посягательств на свободу друг друга, — мягко поправил Марк, чуть нахмурившись. Ему откровенно не понравилось слово «содержанка», хотя суть была именно такой. — Алина, я просто честен с тобой. Я не хочу ломать твою жизнь иллюзиями. Я изначально ничего тебе не обещал. Наше общение было взаимно приятным, и я думал, ты сама всё прекрасно понимаешь.

— Какая благородная, показательная честность, — губы Алины изогнулись в жесткой, горькой усмешке, которая в ту же секунду сделала ее старше. — Спасибо, Марк. Ты очень доходчиво всё объяснил.

Она взяла со стола клатч и медленно, контролируя каждое микродвижение дрожащих мышц, поднялась. Стул негромко скрипнул по паркету.

Марк тоже привстал, его брови сошлись на переносице. Он ожидал слез, истерики, упреков. Но не этого ледяного спокойствия.

— Куда ты? Мы еще не закончили ужинать.

— Мы закончили, Марк. И ужин, и наше... общение, — Алина пристально посмотрела на него. В ее синих глазах больше не было восторженной девчонки, которая смотрела на него снизу вверх. Там был только колючий лед. — Оставь свой «кристально ясный формат» для тех, кто готов продавать тебе свое время за деньги. Я себя не на помойке нашла, чтобы соглашаться на роль удобной игрушки в твоём плотном расписании и средств мне хватает, чтобы не нуждаться.

— Алина, не утрируй. Сядь, давай поговорим нормально, — в его голосе проскользнули властные нотки.

— Мне не о чем с тобой говорить, Марк Анатольевич. Прощай. Успешных тебе контрактов.

Она развернулась и ни разу не оглянувшись пошла к выходу. Идеально прямая спина, уверенный шаг, каблук четко отбивают ритм.

Марк остался стоять у столика, чувствуя глухое, тяжелое раздражение и странный, царапающий укол сожаления. Он хотел как лучше, расставил границы. Он был честен. Тогда почему внутри было такое мерзкое чувство, словно он только что собственными руками сломал что-то очень важное? Он не пошел следом. Что он мог ей сказать? Он ведь только что сказал всё предельно ясно.

Алина вышла на улицу. Душный вечерний воздух ударил в лицо. Она быстро пошла по тротуару прочь от ресторана, от ярких витрин и дорогих машин, не разбирая дороги. Только тогда, когда она свернула в какой-то темный, глухой переулок и окончательно поняла, что Марк за ней не пошел, ее железная выдержка дала сбой.

Она прислонилась спиной к холодной кирпичной стене какого-то здания, закрыла лицо руками и беззвучно разрыдалась. Она плакала от обиды, от жуткого унижения, от того, как жестоко и грязно растоптали ее первую, по-настоящему глубокую привязанность.

Она еще не знала, что этот вечер навсегда разделит ее жизнь на «до» и «после».

И уж тем более не могла знать, что через несколько недель этот жестокий урок приобретет совершенно новые, необратимые последствия.

Глава 4. Две полоски

Конец августа в столице выдался на редкость промозглым. Бесконечные дожди быстро смыли остатки летнего зноя, погрузив город в серую, унылую хмарь. Возвращение в Москву ощущалось как резкое падение с большой высоты на голый бетон. Огромный, вечно куда-то спешащий город встретил Алину равнодушной суетой, тесными стенами общежития и тяжестью невысказанного унижения, которое свинцом давило на грудь. Она отчаянно пыталась спастись в привычной рутине — с головой ушла в учебники, расписание и подготовку к новому семестру, строго запретив себе вспоминать запах сандала и безжалостные серо-зеленые глаза. Но вместо спасительного забвения навалилась глухая, изматывающая апатия: привычный мир потерял краски, шумные соседки раздражали до тошноты, а по утрам тело отказывалось слушаться, отвечая на любую попытку встать с кровати тягучей, выматывающей слабостью, которую Алина упрямо списывала на разбитое сердце и нервное истощение.

Всё вскрылось из-за нелепой бытовой ссоры.

Вечером пятницы ее соседка по комнате, шумная и вечно куда-то спешащая Катя, собиралась на вечеринку. В тесной комнате стоял удушливый запах лака для волос, а из старенького ноутбука надрывно играла музыка. Стоя перед зеркалом, Катя щедро, от души распылила на шею приторно-сладкие цветочные духи.

От этого запаха желудок Алины внезапно скрутило спазмом. Тошнота подкатила к горлу такой резкой, горячей волной, что она едва успела прижать ладонь ко рту, резко садясь на кровати.

— Кать, ну ты можешь не выливать на себя полфлакона? — не выдержав, процедила Алина, чувствуя, как на лбу выступает холодная испарина. — Дышать же совершенно нечем! Задохнуться можно.

Катя с обидой опустила флакон на стол и уперла руки в бока, недовольно глядя на соседку.

— Обычные духи! А ты чего такая бешеная вторую неделю подряд? У тебя что, ПМС?

Алина открыла было рот, чтобы ответить очередной резкостью, но слова так и застряли в пересохшем горле.

ПМС.

Она замерла, уставившись на соседку широко раскрытыми глазами. Злость улетучилась в ту же секунду, уступив место ледяному, парализующему ужасу. В голове лихорадочно начали складываться даты... Последняя неделя июля... Ресторан... Сборы... Возвращение в Москву... Сейчас конец августа.

Она пропустила свой цикл. Задержка была уже минимум две недели.

— Алин? Ау, ты чего зависла? — Катя непонимающе помахала рукой у нее перед лицом.

— Ничего... — едва слышно выдохнула Алина, чувствуя, как немеют кончики пальцев. — Просто голова закружилась.

Катя еще что-то говорила, накидывая джинсовку, звенела ключами, но Алина ее больше не слышала. Звуки исчезли. Остался только оглушительный, гулкий стук собственного сердца в ушах.

Дождавшись, когда за соседкой хлопнет дверь, Алина на ватных ногах подошла к своей куртке, не глядя вытащила из кармана кошелек и бросилась в круглосуточную дежурную аптеку через дорогу.

А спустя полчаса она уже сидела на своей узкой кровати, немигающим взглядом глядя на прикроватную тумбочку. Там, рядом со стопкой учебников по макроэкономике, лежал недоугой пластиковый тест. Две ярко-красные полоски на нем кричали о том, что ее тщательно выстроенный, логичный план на жизнь только что рухнул.

«Как же так?» — билась в голове отчаянная, паническая мысль. Этого просто не могло, не должно было случиться. Они всегда предохранялись, каждый раз, без единого исключения. Марк сам был в этом вопросе категоричен и предельно осторожен. Значит, произошла какая-то нелепая, чудовищная осечка. Тот самый пресловутый один процент из ста, о котором сухим языком пишут в медицинских статьях, сейчас лежал перед ней в виде куска пластика.

Алину била мелкая, противная дрожь, которую не могла унять даже накинутая на плечи теплая кофта. Она обхватила себя руками, чувствуя, как к горлу подкатывает уже ставшая привычной дурнота. Сначала она списывала слабость и утреннюю тошноту на стресс из-за тяжелого расставания, акклиматизацию и подготовку к новому учебному году. До последнего убеждала себя, что это просто сдали нервы. Но две яркие полосы безжалостно подтвердили то, во что мозг отказывался верить.

Двадцать лет. Уже почти четвертый курс сложнейшего факультета МГУ. Жизнь в общении, скромные мамины переводы, которых хватает на нормальную студенческую жизнь, но совершенно точно не хватит на содержание ребенка. Небольшая онлайн подработка и никаких собственных сбережений.

Беременность означала академический отпуск, возвращение в Питер и полную зависимость от матери, которая только-только начала жить для себя с новым мужем и явно не обрадуется перспективе нянчить внука. Это означало крах всего, к чему Алина так упорно шла. И всё это — из-за мужчины, который прямым текстом заявил, что она для него лишь удобный вариант для встреч.

Ей было страшно. Настолько страшно, что не хватало воздуха.

Алина закрыла глаза, вспоминая его ледяной тон в ресторане. Она клялась себе больше никогда о нем не вспоминать, выжечь эту унижительную влюбленность дотла. Но сейчас речь шла не только о ее гордости. Он должен знать. Хотя бы потому, что это касается не только ее.

Дрожащими пальцами Алина достала из сумки ту самую матово-черную визитку с золотым тиснением. Она взяла телефон, глубоко вздохнула, словно собиралась нырнуть в ледяную воду, и нажала кнопку вызова.

Гудок. Длинный, протяжный звук ударил по натянутым нервам. Второй. Третий.

В это же самое время, за сотни километров от нее, в панорамной переговорной на верхнем этаже офиса Марк сидел во главе длинного стола. Обстановка была накалена до предела — шло тяжелейшее обсуждение сложного контракта, совет директоров давил, требуя немедленных решений и цифр.

Когда на экране лежащего перед ним смартфона высветилось имя «Алина», он на секунду замер. Марк прекрасно видел, кто ему звонит, но ответить физически не мог — на кону стояли репутация и огромные деньги. Отвлекаться сейчас на личные разговоры было немыслимо. Коротко выдохнув, он смахнул вызов, отключив звук, и снова перевел тяжелый взгляд на партнеров.

Совещание затянулось еще на два изматывающих часа. Когда переговорная наконец опустела, Марк ослабил узел галстука, потер уставшие глаза и взял телефон. На экране висело уведомление о пропущенном.

Его палец завис над кнопкой перезвона.

Марк смотрел на имя Алины и думал. Зачем она звонит? Сказать, что скучает? Или снова попытаться выяснить отношения, потребовать объяснений? Он вспомнил ее взгляд и прямую спину, когда она уходила из ресторана. Они всё выяснили. Он расставил границы, она их не приняла.

На мгновение мелькнула мысль перезвонить. Но Марк отогнал ее. «Расстались, значит, расстались, — прагматично рассудил он, убирая телефон во внутренний карман пиджака. Незачем беречь старые раны. Ни ей, ни мне. Точка».

Алина в своей комнате слушала частые гудки сброшенного вызова. «Может, он занят? На совещании?» — лихорадочно думала она, цепляясь за надежду.

Она подождала час. Потом еще один. Набрала снова, но механический голос сухо сообщил, что аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

Телефон выскользнул из ее ослабевших пальцев на кровать. Паника накатила с новой силой, удушливой волной захлестывая с головой. Он не просто не хочет с ней говорить, он ее игнорирует. Отчаяние смешалось с первобытным ужасом перед будущим. Она не могла остаться с этой бедой один на один. Она должна ему перезвониться. Завтра утром. Во что бы то ни стало. Даже если для этого придется звонить в его офис.

Глава 5. Закрытое сердце

Утро не принесло Алине облегчения. Она почти не спала, лишь под утро провалившись в тяжелую, липкую дремоту. Ночью соседка Катя пыталась о чем-то ее расспрашивать, но Алина даже не вникала в разговор, отвечая невпопад. Едва дождавшись девяти утра, она села за ноутбук. Пальцы дрожали, когда она вбивала в строку поиска: «Соколов Марк Анатольевич».

Интернет тут же выдал десятки ссылок: сухие статьи о компании, деловые интервью, фотографии с бизнес-форумов и точный адрес центрального офиса. С экрана монитора на Алину смотрел чужой, строгий и пугающе успешный человек — отец ее ребенка. Найти номер петербургской приемной оказалось делом двух минут.

В это же самое время на верхнем этаже панорамного бизнес-центра из стекла и бетона атмосфера была тяжелой и грозовой. Утро Марка началось с пульсирующей боли в висках. Вчерашние изматывающие переговоры, к которым его команда готовилась полгода, с треском провалились — партнеры намертво уперлись в ключевых вопросах. Выгодный контракт рухнул, похоронив под собой колоссальные деньги, месяцы работы и часть деловой репутации.

Марк был взвинчен до предела. Подчиненные кожей чувствовали его настроение и перемещались по коридорам почти бесшумно, лишь бы не попасться боссу на глаза. Он стоял у окна, бездумно глядя на утренние пробки, когда на столе пискнул аппарат внутренней связи.

— Марк Анатольевич, — голос секретарши звучал робко, она явно боялась попасть под горячую руку. — Простите, что отвлекаю... Тут на линии девушка. Настаивает, что это вопрос первостепенной личной важности. Представилась Алиной.

Марк закрыл глаза и до боли стиснул челюсти. Только не это. Только не сейчас.

— Соедини.

Он снял трубку, даже не пытаясь скрыть глухое раздражение: — Слушаю.

— Марк... — голос Алины дрогнул. Услышав его жесткий баритон, она на секунду забыла все слова, которые репетировала полночи. — Прости, что звоню в офис. Твой телефон выключен... Марк...

Повисла мучительная пауза.

— Я беременна, Марк.

Мертвая тишина. Марк нахмурился. Беременна? В его измученном стрессом, недосыпом и финансовыми потерями мозгу эта фраза прозвучала как откровенное, изощренное издевательство.

Этого просто не могло быть. Они предохранялись. Каждый раз, без исключений. Какова вероятность ошибки? Доли процента. В голове прагматика тут же сложился пазл, но картинка получилась кривой и уродливой. Она звонит именно сегодня. Спустя месяц после того, как он прямо заявил, что отказывается играть в романтику.

— Беременна? — его голос хлестнул кнутом. Накопившееся напряжение наконец-то нашло выход, и Марка сорвало. — Ты издеваешься? Или просто нагло врешь мне прямо сейчас?

— Марк, что ты... нет, я бы не стала... я вчера сделала тест! — Алина задыхнулась от его тона, инстинктивно вжимаясь спиной в стену.

— Мы всегда предохранялись, Алина! Всегда! — рявкнул он в трубку. — И надо же, какое потрясающее совпадение: стоило мне расставить границы, как ты сначала отыгрываешь оскорбленную невинность, а потом вдруг объявляешь о беременности!

— Ты думаешь, я бы стала врать о таком?!

— Послушай меня внимательно, — он чеканил слова, уже почти себя не контролируя. — Если ты решила, что этим заезженным трюком затащишь меня в ЗАГС, то сильно просчи-

талась. Я не женюсь. Ни на тебе, ни на ком-либо еще. Можешь даже не тратить время на эти дешевые драмы.

На другом конце провода стало тихо. А потом Алина едва слышно выдохнула:

— Марк... это же твой ребенок...

Слезы бессилия обожгли щеки, пальцы до побеления сжали пластик телефона.

— Окей. Допустим, это правда, — ледяным тоном отрезал Марк. Он говорил так, словно обсуждал штрафные санкции в договоре.

— Хочешь доказать, что он мой? Без проблем. Сделаем официальный ДНК-тест. Если отцовство подтвердится, я буду платить алименты в размере, установленном законом. Если ребенок не мой — на этом разговор закончен.

Он сделал жесткую паузу и добил:

— И больше не звони мне в офис по таким вопросам. Все дальнейшие разговоры будем вести только после подтверждения беременности и установления отцовства. Тебе ясно?

В трубке раздался сдавленный всхлип. Марк не дрогнул и нажал кнопку отбоя. Сбросив вызов, он тяжело оперся руками о стол и посмотрел на замолкший аппарат.

Не может быть. Слишком многое не сходилось. И всё же где-то глубоко внутри шлохнулось липкое, неприятное сомнение. Рука потянулась к мобильнику.

Марк стиснул зубы и с силой потер переносицу. Нет. Он не будет думать об этом. Не сейчас. У него сорванный контракт, взбешенный совет директоров и компания, которую нужно срочно вытаскивать из вчерашней катастрофы. Он решительно убрал мобильный во внутренний карман пиджака. Разберемся с этим позже. Если этот ребенок вообще существует.

Короткие гудки острыми иглами ударили по барабанным перепонкам. Алина медленно, словно во сне, отняла телефон от уха.

«Нагло врешь». «Не женюсь». «Тест ДНК».

Каждое его слово эхом отдавалось в пустой комнате, выжигая всё живое, что еще оставалось внутри нее. Иллюзии кончились. Больше не было спасительных оправданий про его занятость или усталость. Мужчина, в которого она была так отчаянно и светло влюблена, только что размазал ее чувства по стенке, обвинив в самой грязной лжи.

Алина положила телефон на кровать. Несколько секунд сидела неподвижно, глядя в одну точку. Потом медленно вытерла ладонью мокрые щеки. Дыхание выровнялось. Страх никуда не делся. Ребенок никуда не делся. Будущее по-прежнему оставалось огромной черной дырой, в которую она понятия не имела, как смотреть. Но кое-что изменилось. Где-то глубоко внутри, там, где еще несколько минут назад жила ее привязанность к Марку, боль будто обожгла всё до основания. Она не исчезла. Наоборот, стала настолько острой, что больше не могла существовать в прежнем виде.

Алина закрыла глаза. Впервые с момента, когда увидела на тесте две полоски, подумала не о том, что будет делать Марк, а о том, что будет делать она. Алина взяла телефон, открыла контакты и несколько секунд смотрела на имя «Марк». На эти глупые сердечки рядом с его именем. А потом просто нажала «Удалить». Пальцы больше не дрожали. В ту минуту она еще не знала, как справиться с беременностью, учебой, деньгами и всем тем, что теперь свалилось на нее разом.

Но одно знала совершенно точно. Больше она никогда не позволит этому мужчине решать, сколько стоит ее достоинство. Сердце, которое еще утром надеялось на него, теперь было закрыто.

Глава 6. Точка невозврата

Решение созрело к утру. Можно было подумать, что это порыв отчаяния, но всё было гораздо проще: за эту ночь безысходность просто выдавила из нее все остальные чувства. Утром Алина долго стояла перед зеркалом, глядя на собственное бледное после бессонной ночи отражение, и наконец заставила себя произнести вслух то, от чего до сих пор хотелось закрыть уши: Марку этот ребенок не нужен, а она сама не справится.

Всего несколько недель назад у нее был четкий, выверенный план. Четвертый курс, красный диплом, первые серьезные шаги в профессии, самостоятельная жизнь, которую она собиралась построить без чьей-либо помощи. Она привыкла рассчитывать только на себя и точно знала, куда идет. Теперь достаточно было одного слова «ребенок», чтобы вся эта тщательно выстроенная конструкция рассыпалась. Младенец на руках означал академический отпуск, деньги, которых у нее не было, зависимость от других людей и необходимость поставить крест на всем, ради чего она столько лет работала. Нет, она не может на это пойти. Она просто не потянет.

Районная женская консультация встретила ее запахом дешевого антисептика, старого линолеума и чего-то еще, неуловимого, что, казалось, состояло из чужой тревоги и усталости. Алина взяла талон и села на жесткую банкетку возле кабинета гинеколога, крепко сцепив пальцы на коленях. Она пришла сюда, чтобы записаться на прерывание. Срок еще не большой, проблем быть не должно.

Рядом сидела женщина лет тридцати пяти. Дорогая кожаная сумка лежала у нее на коленях, пальцы машинально перебирали ремешок, а воспаленные глаза смотрели в одну точку на противоположной стене. Когда из неплотно закрытого окна потянуло холодным сквозняком и Алина невольно поежилась, женщина заметила это и слабо улыбнулась.

— Холодно здесь, — тихо сказала она.

— Да, — так же тихо ответила Алина.

На этом разговор мог закончиться, но в больничных коридорах люди почему-то легче переходят от ничего не значащих фраз к тому, о чем обычно молчат с близкими. Сначала они обменялись несколькими словами о погоде, потом женщина вдруг посмотрела на закрытую дверь кабинета и без всякой радости усмехнулась.

— Пятый год сюда хожу, почти как на работу.

Алина повернула голову.

— Зачем?

Женщина пожала плечами и безэмоционально ответила:

— Бесплодие. Врачи уже руками разводят, говорят шансов почти нет. — Она на несколько секунд замолчала, разглядывая собственные руки, а потом продолжила, словно рассказывала эту историю уже не впервые: — А ведь сама виновата. В девятнадцать залетела. Сидела примерно вот так же, ждала приема и думала: «Ну куда мне ребенок?» Учеба, ветер в голове, парень сбежал. Казалось, что жизнь закончится, если рожу. Сделала аборт.

Алина почувствовала, как пальцы сами собой сильнее сжались на коленях.

— Потом вышла замуж. Дом купили. Деньги появились. Всё вроде есть. Только детей нет. — Женщина усмехнулась, но улыбка тут же погасла. — Теперь врачи говорят, что уже ничего не исправить. — Она снова посмотрела на дверь кабинета. — За всё в этой жизни приходится платить.

Фраза повисла между ними, слишком тяжелая для такого тихого коридора.

Алина отвернулась к окну. За стеклом серел двор, по мокрому асфальту медленно ползли машины. Внутри нее только что с грохотом рухнуло то, что еще утром казалось железной логикой.

Учеба. Деньги. Карьера. Слишком рано. Она ведь именно этим и оправдывала свое решение.

Но ребенок не знал ни о ее планах, ни о Марке, ни о том, что его отец оказался человеком, способным одним звонком заставить ее почувствовать себя жалкой лгуньей. Он вообще ни в чем не был виноват.

Алина резко поднялась.

— Извините.

Женщина удивленно посмотрела на нее, но ничего не спросила. Алина отошла в конец коридора, туда, где возле окна никого не было, достала телефон и несколько секунд смотрела на экран. Открыла контакты, нашла имя матери. Потом нажала вызов.

Мама выслушала ее сбивчивый рассказ удивительно спокойно. Не было ни криков, ни причитаний, ни попытки немедленно решить всё за нее. Когда Алина закончила, в трубке несколько секунд стояла тишина.

— Алина, давай смотреть на вещи трезво, — наконец сказала мать. Голос был спокойным, почти деловым. — Я тебя на ноги поставила. Сейчас у меня своя жизнь, новый муж, свои планы.

Алина молчала, прижав телефон к уху.

— Деньгами, конечно, помогу. На первое время переведу сколько смогу, чтобы ты не осталась без средств. Но много обещать не буду. И сразу скажу: переезжать ко мне с младенцем не стоит. Сама знаешь, квартира у нас не рассчитана на столько человек, да и сама понимаешь...

— Понимаю, мам.

— Я не бросаю тебя, Алина.

— Я знаю... Спасибо, мам, — сказала она и нажала отбой.

Несколько секунд Алина просто стояла, глядя на погасший экран, потом подняла глаза на окно. За стеклом была серая, мокрая, равнодушная Москва. Люди торопились по своим делам, машины шли плотным потоком, кто-то прикрывал голову папкой от дождя. Город жил своей жизнью, совершенно не замечая, что для одной двадцатилетней девушки несколько минут назад привычное будущее перестало существовать.

— Логинова! — голос медсестры заставил ее вздрогнуть. — Логинова! Ваша очередь. Заходите.

Алина медленно обернулась. Дверь кабинета была приоткрыта. За ней виднелся белый стол, стопка медицинских карт. Обычная дверь. Обычный кабинет. Всего один шаг и решение, которое еще утром казалось единственным возможным, станет реальностью.

Она подошла ближе. Еще шаг. Пальцы легли на прохладную металлическую ручку. И вдруг Алина замерла. Ее свободная рука сама, почти бессознательно, опустилась на живот. Пока еще совершенно плоский, ничем не выдающий того, что внутри уже зародилась другая жизнь.

Апрель.

Она быстро пересчитала месяцы. В апреле четвертый курс будет подходить к концу. Экзамены можно попробовать сдать досрочно. С преподавателями придется договариваться, но она договорится. Диплом она напишет. Мозгов хватит. Деньги? Найдет подработку. Возьмет больше заказов. Придется экономить, значит, будет экономить. Жилье? Что-нибудь придумает.

Страх никуда не делся. Он по-прежнему стоял внутри тяжелым комом, только теперь впервые за последние сутки рядом с ним появилось что-то еще — маленькое чувство, похожее на упрямую злость.

Я справлюсь.

Алина медленно отпустила дверную ручку. Она развернулась и пошла обратно по коридору.

Я найду способ справиться.

На улице ее встретил почти осенний дождь. Алина подняла воротник легкой ветровки и быстро пошла вперед, не оглядываясь на здание женской консультации.

Через несколько дней корпоративный шторм немного улегся. Сорванный контракт по-прежнему висел над компанией тяжелым облаком, но Марку удалось закрыть самые опасные бреши. Он провел несколько встреч, перераспределил ресурсы, заставил юристов и финансовый отдел работать почти круглосуточно и наконец получил возможность на несколько минут остаться один.

Он сидел в кабинете, откинувшись в кожаном кресле, когда неожиданно вспомнил тот утренний разговор с Алиной. Марк поморщился. Он сорвался. Это было очевидно даже ему самому. Стресс, бессонная ночь, провал переговоров — всё это объясняло вспышку, но не оправдывало ее. Он сказал лишнего.

Марк взял телефон. Нужно было позвонить Алине и поговорить спокойно, без эмоций и взаимных обвинений. Если беременность действительно есть, он разберется. Найдёт хорошую частную клинику в Москве, оплатит обследования, необходимые процедуры и дальнейшие расходы. Он не собирался уклоняться от ответственности.

Но прежде, чем набрать номер, он поймал себя на мысли, что за последние два дня уже второй раз ищет скрытый мотив там, где, возможно, его вовсе не было. Вчера на переговорах он до последнего был уверен, что партнеры блефуют, тянут время, разыгрывают спектакль ради более выгодных условий. Оказалось, что нет. Они действительно уходили. Просто ушли, без всякой игры. Его чутье, которым он привык гордиться, впервые за долгое время дало осечку, и это до сих пор царапало сильнее, чем сама сорванная сделка. Марк сжал кулаки. Он ненавидел это состояние, когда переставал доверять собственной способности читать людей. Именно поэтому звонок Алины, раздавшийся в самый разгар катастрофы, засел в нем занозой. Слишком точное попадание в момент, когда он был уязвим и меньше всего способен трезво сообщать.

Он набрал ее номер. Длинный гудок и резкий сброс. Марк нахмурился и перезвонил. Снова сброс. На третий раз трубку никто не взял.

Он медленно опустил телефон на стол и откинулся в кресле. Внутри снова включился привычный холодный механизм, который помогал ему принимать решения, когда эмоции только мешали.

Бойся разговора? Или всё-таки боится того самого ДНК-теста? Марк посмотрел на экран телефона, где высвечивалось ее имя. Картина складывалась слишком легко. Она объявила о беременности именно после того, как он поставил жесткие границы. Он потребовал подтверждения и теперь она не отвечает. Значит, испугалась.

Он почувствовал неприятное, но почти успокаивающее облегчение. Если это была манипуляция, всё становилось просто. Не нужно ничего выяснять, не нужно возвращаться к отношениям, которые он уже считал законченными.

— Ну и черт с тобой, — тихо произнес Марк. Он перевернул телефон экраном вниз и снова взялся за документы. Вопрос был закрыт.

В Москве в это же время Алина смотрела на экран собственного телефона, который раз за разом проигрывал мелодию входящего звонка. Номер был удален, но эти цифры она помнила наизусть. Она видела вызовы Марка, но каждый раз нажимала на сброс.

Ей больше не хотелось знать, зачем он звонит. Извиниться? Предложить деньги? Записать в клинику? Проверить, действительно ли существует ребенок, которого он уже успел назвать ложью? Это больше не имело значения. Она смотрела на экран несколько секунд, а потом заблокировала номер. Марк сам сделал свой выбор в тот момент, когда назвал ее лгуньей. Теперь выбор сделала она.

Глава 7. Закаленная сталь. Спустя шесть лет

Будильник на телефоне завибрировал ровно в шесть утра. Алина выключила его с первого раза. Сработала привычка, выработанная годами. У нее никогда не было времени на «еще пять минуточек», никаких «потягушек» в теплой постели. Она откинула одеяло, спустила ноги на прохладный ламинат и шагнула в новый день.

Спустя пятнадцать минут, приняв контрастный душ и собрав волосы в тугий узел на затылке, она уже стояла на кухне своей небольшой, но уютной двухкомнатной квартиры в спальном районе столицы. Кофемашинка тихо гудела, перемалывая зерна. Алина скользила взглядом по рабочим чатам в телефоне, одновременно доставая из холодильника йогурт и фрукты.

Она давно перестала быть той напуганной, наивной студенткой, которая еще шесть лет назад не знала, что ждет ее в будущем. В свои двадцать шесть лет Алина Логинова была ведущим специалистом в крупной IT-компании, женщиной с железной хваткой и матерью пятилетней Софии Марковны Логиновой.

Когда пять лет назад она оформляла свидетельство о рождении в ЗАГСе, она даже не задумывалась над отчеством для дочери. В графе «отец» стоял прочерк, но выдумывать чужое имя Алина не стала. Она не считала себя ни виноватой, ни уязвленной, чтобы прятаться за придуманным именем. Марк был отцом этой девочки, даже если сам об этом не знал и не желал знать. К тому же, глядя на вещи с холодным прагматизмом, Алина иногда честно признавалась самой себе: если бы не те безжалостные слова, брошенные им в телефонную трубку, она бы никогда не стала такой сильной. Марк выковал из нее сталь. Своего рода жизненная интерпретация фильма «Москва слезам не верит». И это отчество было ее личным, молчаливым напоминанием о самом жестоком, но самом важном уроке в жизни.

— Соня, подъем, — негромко позвала она, заходя в детскую.

На кровати завожился комок из одеяла, и из-под него показалась темноволосая макушка. София открыла глаза, поразительно знакомые, серо-зеленые, с тем самым умным, цепким прищуром, от которого у Алины иногда до сих пор замирало сердце. Девочка была развита не по годам, схватывала всё на лету и уже сейчас могла аргументированно спорить с воспитателями в садике.

— Мам, а мы сегодня на машине поедem или на метро? — сонно спросила Соня, послушно сползая с кровати и топая в ванную.

— На машине. У меня сегодня важная встреча в офисе, не хочу толкаться в толпе, — Алина мягко улыбнулась дочери, доставая из шкафа приготовленные с вечера вещи.

Пока София умывалась и завтракала, Алина машинально проверяла, всё ли лежит в ее сумке. Взгляд скользнул по стеллажу, где среди книг стоял в рамке красный диплом МГУ.

Когда-то казалось, что ребенок поставит крест на ее образовании, но судьба распорядилась иначе, причем весьма парадоксальным образом. Алина родила в апреле 2020 года. А за месяц до этого грянул локдаун. Мир закрылся на карантин, университеты экстренно перешли на удаленку. То, что должно было стать для нее катастрофой, оказалось спасением. Государственные экзамены и саму защиту диплома Алина сдавала по видеосвязи, пока в соседней комнате спала новорожденная дочь. Все сложилось самым наилучшим образом для Алины. Хотя коронавирусом она болела, как и многие, благо в самой легкой форме.

На деньги, которые мама перевела «на первое время», Алина сняла крошечную, но чистую однушку на окраине и купила мощный ноутбук. Она умела писать код, четыре года в МГУ прошли не зря. С ее мозгами, системным мышлением и красным дипломом лучшего вуза страны это был единственный шанс выжить, не выходя из дома.

И она выжила. Брала на фрилансе мелкие заказы на разработку, сутками сидела за монитором, пока Соня спала, пила литры крепкого чая и сдавала проекты строго в дедлайн. Первые два года слились в один бесконечный день сурка: пеленки, зубы, код, правки заказчиков, колики, новые заказы, болезненная лактация. Было тяжело, порой невыносимо. Особенно в те ночи, когда у дочери подскакивала температура под сорок, скорая задерживалась, а Алина, баюкая на руках горячего, обмякшего ребенка, ходила из угла в угол крошечной кухни, вполголоса считая вслух, просто чтобы не молчать, просто чтобы Соня слышала ее голос. «Десять... одиннадцать... двенадцать...». Она до боли кусала губы, остро осознавая свое абсолютное одиночество. Никто не мог сменить ее в эту смену, никто не приезжал среди ночи, чтобы сказать: «Дай мне ребенка, поспи хоть час».

В 2023 году ее портфолио заметила крупная столичная IT-фирма. Алину пригласили в штат, сначала на скромную должность, но ее целеустремленность, помноженная на привычку работать на износ, быстро сделала свое дело. Карьера пошла в гору, появились стабильные, серьезные деньги. В том же году Алина оформила ипотеку на эту «двушку», сделала там ремонт под себя и купила подержанную, но надежную иномарку, благо права она успела получить еще на первом курсе. Соня пошла в хороший частный сад, а для ночных форс-мажоров и командировок появилась тетя Ира, одинокая соседка по площадке, которая быстро научилась варить Сонину любимую овсянку с бананом и которой Алина, кажется, доверяла больше, чем себе в четыре утра после бессонной ночи.

За короткое время Алина стала довольно успешной, но при этом абсолютно закрытой. Несколько раз она пыталась ходить на свидания, скорее для галочки, чтобы доказать себе, что она нормальная, живая женщина. Как-то даже пыталась строить отношения, заводила романы. Но все попытки и интрижки быстро сходили на нет. Мужчины ломались о ее занятость, о ее нежелание подстраиваться, а та холодная решимость, которая всегда появлялась в ее глазах, стоило кому-то попытаться нарушить ее личные границы, отталкивала их уже насовсем. Один как-то прямо сказал ей: «С тобой невозможно, ты как будто всегда готовишься к обороне». Она тогда не стала спорить, ведь отчасти это была правда. После того, как она обожглась с одним, другие уже не вызывали доверия. И никто из них не дотягивал до...

Алина тряхнула головой, отгоняя непрошеную мысль, и захлопнула сумку.

— София, выходим!

Через десять минут они уже сидели в салоне прогретой машины. Алина вырулила со двора, вливаясь в плотный московский трафик. На ней был безупречно скроенный брючный костюм стального цвета, на губах спокойный нюдовый блеск. Волосы гладко зачесаны, на запястьях поблескивали дорогие минималистичные часы.

Она припарковалась у ворот детского сада, отстегнула ремень и повернулась к дочери.

— Хорошего дня, Соня. Вечером заберет тетя Ира, я могу немного задержаться в офисе. Не балуйся. — Хорошо, мам. Удачи на встрече! — девочка чмокнула ее в щеку, деловито подхватила свой рюкзачок и вприпрыжку побежала к дверям группы.

Алина проводила ее взглядом, пока воспитательница не закрыла за Сонею дверь. Затем вернулась за руль, положила руки на прохладную кожу и глубоко выдохнула. Лицо мягкой, заботливой мамы мгновенно исчезло, уступив место собранной, жесткой маске профессионала.

Сегодня ей предстояла важная презентация. Их компания выходила на финишную прямую в сложных переговорах с крупным холдингом, и Алина должна была лично защищать архитектуру и техническую часть интеграции. Придется ехать в Питер через несколько дней, как бы не хотелось этого делать, но от этого зависело их с Софией финансовое положение.

Она готовилась к этой встрече несколько недель. Изучила бизнес-процессы заказчика от и до, знала наизусть структуру их руководства, подготовилась к любым, даже самым каверзным вопросам от их технического и генерального директоров. В таких масштабных сделках Алина привыкла контролировать всё до мельчайших деталей. Никаких сюрпризов быть не должно.

Она включила поворотник и плавно нажала на газ, направляясь в сторону офиса. Алина была уверена в себе на сто процентов. Она не знала лишь одного — информации, которой пока не было ни в одной официальной сводке: о том, что буквально накануне в холдинге-партнере произошли экстренные перестановки, и курировать этот проект от лица совета директоров внезапно поручили новому человеку. Тому, с кем ей предстоит столкнуться лицом к лицу уже через несколько дней.

Глава 8. Назад в прошлое

Переговорная на двадцать пятом этаже была залита холодным утренним светом. Илья Александрович, генеральный директор акционерного общества «Quantum Systems», крупной московской IT-компании, стоял у панорамного окна с чашкой черного кофе, глядя на просыпающуюся Москву. Он повернулся ровно в тот момент, когда Алина переступила порог кабинета. Жесткий, требовательный, не терпящий долгих вступлений — они с Алиной понимали друг друга с полуслова, потому что говорили на одном языке: языке цифр, эффективности и железной логики.

— Проходи, Логинова. Садись, — он кивнул на кожаное кресло и бросил на стол пухлую папку с документами. — У нас на повестке дня Питер. Через четыре дня нужно быть уже на месте, чтобы приступить к внедрению. Да ты и сама это знаешь.

Алина опустила за стол, раскрыв свой рабочий блокнот. Да, суть дела она уже знала, но теперь проект переходил из стадии обсуждений в зону боевых действий.

— Крупный строительный холдинг, Группа компаний «Норд-Базис», — продолжил шеф, садясь напротив и опираясь локтями о столешницу. — За последний год они агрессивно разрослись, поглотили несколько региональных компаний, и теперь их внутренняя документация напоминает лоскутное одеяло. Наша задача: снести это старье, внедрить им нашу систему учета, отстроить архитектуру под новые объемы и заставить всё это работать как швейцарские часы. Это многомиллионный контракт, Алина. Билет в высшую лигу для компании и огромный бонус для тебя лично. Упустить проект мы не имеем права. Интеграция должна пройти идеально.

— Я всё понимаю, Илья Александрович.

— Знаю, что понимаешь. Поэтому руководителем проекта со стороны исполнителя едешь ты, — он впери в нее тяжелый взгляд. — Берешь с собой четырех лучших ребят: двух прогеров, аналитика и тестировщика. Три месяца на всё про всё. На месте нужно будет координировать действия с их техническим и генеральным директорами. Справишься?

— Без вариантов, — ровно ответила Алина.

— Вот за это я тебя и ценю, — уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. — Ты уже сдала один крупный проект вовремя и без накладок, думаю, пришло время браться за что-то более серьезное. Сегодня оформляй командировку.

Илья Александрович откинулся в своем представительском кресле и спокойно посмотрел на Алину.

— А теперь вызывай своих ребят. Давайте сразу обсудим все детали, прикинем архитектуру и разберем вопросы, которые могут возникнуть у заказчика.

Алина коротко кивнула и отправила сообщение в рабочий чат. Через пару минут в кабинет директора подтянулась ее команда. Следующие два часа они провели в жестком мозговом штурме. Маркер скрипел по белой магнитной доске, распечатки сменяли друг друга, а Алина методично фиксировала все узкие места проекта, распределяя зоны ответственности и прогнозируя возможные проблемы с петербургскими серверами.

Только после этого, окончательно утвердив первичный план действий, Алина вышла в гудящий опен-спейс и направилась к своему столу. Внешне она оставалась воплощением невозмутимости, но внутри всё туго сжалось от странной смеси адреналина и старой, глухой тревоги.

С одной стороны, этот контракт был ее золотым билетом. Процент от сделки такого масштаба означал абсолютную финансовую свободу. Она сможет одним переводом закрыть ипотеку, выкинуть из головы мысли о кредитах, купить новую машину прямо из салона и, главное, открыть неприкосновенный счет для образования Сони.

С другой стороны — Петербург. Город, который навсегда остался для нее символом тяжелого унижения и рухнувших надежд. Город, где она когда-то оставила свое глупое, наивное сердце. Ей совершенно не хотелось возвращаться на эти сырые, пронизанные ветром улицы. Тем более, что там ее никто не ждал. С матерью за эти шесть лет отношения превратились в холодный, вежливый ритуал: звонок раз в месяц, пара дежурных фраз о здоровье. Мама приезжала к внучке всего дважды, привозила подарки, пила чай с тортом и быстро уезжала обратно в свою новую, благополучную жизнь. Питер был для Алины закрытой книгой, которую она не собиралась перечитывать.

«Но контракт всё меняет, — прагматично одернула себя Алина, садясь за компьютер. — Перспектива закрыть финансовые дыры куда важнее призраков прошлого».

За окном офиса моросил по-осеннему холодный октябрьский дождь, совсем не похожий на ту тягучую июньскую духоту шесть лет назад. Она открыла почту, невидящим взглядом скользя по строчкам входящих писем. Три месяца. Город огромный. Вероятность случайно столкнуться с Марком на улице стремится к нулю. Да и если вдруг пересекутся, то какая разница? Между ними давно всё решено и выжжено дотла. Скорее всего, он даже не вспомнит ее имени. Для пресыщенного, циничного мажора она была лишь мимолетным летним эпизодом, стершимся из памяти на следующий же день.

«Хватит, — мысленно приказала себе Алина. — Никто не построит наше с Соней будущее, если я буду цепляться за старые страхи».

На край ее стола бесцеремонно присела Марина — менеджер параллельного отдела, любительница сплетен и громкого смеха.

— Ох, Логинова, как же я тебе завидую черной завистью, — театрально вздохнула она, поправляя яркий маникюр. — Это же не командировка, а курорт! Строительный холдинг, руководство, совет директоров... Там же целый заповедник богатеньких Буратино в дорогих костюмах. И кто-то из них наверняка свободен. Питер, белые ночи, Нева, старая аристократия... Привезешь оттуда себе какого-нибудь топ-менеджера!

Алина невозмутимо перевела взгляд с монитора на размечтавшуюся коллегу.

— Богатеньких Буратино, Марин, я с радостью оставляю тебе, — с ироничной усмешкой ответила она. — Из всей романтики в Питере меня интересуют только серверные комнаты, перенос баз данных и закрывающие акты. А белые ночи уже закончились.

— Ну и скукота... Алин, ну что ты за ханжа такая? — надула губы Марина. — А возьми меня с собой? Ты же знаешь, спец я отличный.

— Ты забыла, что у тебя свой проект? — приподняла бровь Алина.

— Да всё уже, закрываем на днях, — отмахнулась та.

Алина задумчиво посмотрела на коллегу. Стоило признать, Марина и правда была первоклассным специалистом. Конечно, при условии, что на горизонте не маячили интересные мужчины и внезапное желание сходить в клуб, после которого она могла пропасть до самого утра. Зато в режиме жесткого дедлайна, заливая в себя тонны энергетика, Марина была способна работать сутками напролет, выдавая блестящий результат.

— Состав команды уже утвержден шефом, — ровным тоном ответила Алина. — Но если на месте выяснится, что нам потребуется расширение, я обсужу с ним этот вопрос.

— Эх, ну ладно... Буду держать кулачки, чтобы вы там не справлялись и позвали меня на помощь, — Марина снова театрально вздохнула и, громко сетуя на свою скучную московскую долю, слезла со стола и поплыла к своему рабочему месту.

Следующие три дня превратились в сумасшедший марафон. Между планерками и брифингами с командой Алина висела на телефоне: договаривалась с заведующей детского сада, чтобы за Соней придержали место, оплачивала ипотеку и квитанции на три месяца вперед, чтобы в Питере ее ничто не отвлекало от работы.

Вечером третьего дня, укладывая Соню спать, она сама не заметила, как начала вслух прикидывать список — квартира, детский центр, билеты, — пока дочь сонно не пробормотала: «Мам, ты опять с собой разговариваешь». Алина улыбнулась, поцеловала ее в макушку и выключила свет. А потом до трех ночи листала объявления о съеме, с красными от усталости глазами выбирая квартиру поближе к офису заказчика, стараясь не нарваться на мошенников. Следом предстоял квест с детским садом: найти частное заведение с хорошими отзывами, где согласятся взять ребенка всего на три месяца.

Алина понимала, что эта командировка — ее последняя возможность для таких радикальных срывов с места. Через год Соня пойдет в школу, и мотаться на два города станет невозможно. Фундамент нужно было закладывать прямо сейчас.

Она справилась, как и всегда. Нашла светлую, уютную «евродвушку» в новом районе, договорилась с приличным детским центром и собрала вещи, не забыв ни единой мелочи.

Утром в день вылета Москва провожала их мелким, морозящим дождем. Соня, одетая в яркий желтый плащ, нетерпеливо подпрыгивала у подъезда, крепко сжимая ручку своего личного маленького чемодана с единорогом. Ее глаза блестели от предвкушения.

— Мам, а самолет будет большой? — в сотый раз спросила она, наблюдая, как водитель такси утрамбовывает их багаж. — А мы над самыми тучами полетим?

— Над самыми-самыми, солнышко, — Алина мягко улыбнулась, поправляя капюшон на темноволосой макушке дочери.

Она помогла Соне забраться в салон, захлопнула дверцу и бросила последний, задумчивый взгляд на окна своей московской квартиры. Глубоко выдохнув, словно ныряльщик перед прыжком в темную воду, Алина села в такси.

Машина плавно тронулась с места, увозя их в аэропорт, чтобы через пару часов вернуть в тот самый город, с которого всё когда-то началось. И где, как ей казалось, всё давно закончилось.

Глава 9. Призраки прошлого

Кабинет на самом верхнем этаже стеклянной башни холдинга «Северный Альянс» давно погрузился в полумрак. Единственным источником света оставалась тусклая дизайнерская лампа на массивном столе из черного дерева да холодное, мерцающее зарево ночного Петербурга, пробивающееся сквозь панорамные окна. За толстым стеклом бушевал осенний ветер, швыряя в невидимую преграду горсти колючего дождя, но здесь, в святая святых его строительной империи, стояла звенящая, мертвая тишина.

Марк Соколов сидел в глубоком кожаном кресле, вытянув длинные ноги, и медленно, почти механически вращал в руке тяжелый хрустальный рокс с односолодовым виски. Лед давно растаял, разбавив янтарную жидкость, но Марку было плевать на вкус. Алкоголь служил не для удовольствия, он был слабым, едва работающим анестетиком.

Он смотрел на свое смутное отражение в темном стекле и почти не узнавал того человека, которым был когда-то. В свои тридцать пять он выглядел старше. И дело было даже не в ранней седине, пеплом тронувшей виски, и не в резких, заострившихся чертах лица, которые теперь казались высеченными из серого гранита. Дело было во взгляде. Из него навсегда исчезла та хищная, самоуверенная искра, то надменное превосходство хозяина жизни, который брал всё, что хотел, и никогда не оглядывался на пепелище, оставленное позади.

Тот Марк Соколов, блестящий, циничный прагматик, измерявший человеческие судьбы нулями на банковских счетах и «кристально ясными форматами», был мертв. И убила его, как бы нелепо и иронично это ни звучало, любовь. А вернее — ее абсолютная, безвозвратная потеря.

Впервые в своей жизни он полюбил так, что сердце замирало в груди, а безграничное, ошеломляющее ощущение счастья при одном только взгляде на эту девушку поначалу даже пугало его своей властью над ним.

Это случилось через три года после той мимолетной истории с Алиной, черты лица которой он к тому моменту уже почти стер из памяти. Ее звали Вера. Она была простой девушкой из самой обычной петербургской семьи, без влиятельных связей, без амбиций покорить столицу или удачно выйти замуж. Вера пришла работать в его огромную компанию на скромную должность архитектора-реставратора. В корпорации трудились тысячи людей, Марк не знал в лицо и десятой доли своих сотрудников, и уж точно их пути никогда бы не пересеклись в строгой иерархии «Северного Альянса» — не тот уровень, чтобы общаться с президентом.

Но они столкнулись. Абсолютно случайно, на шумном, многолюдном новогоднем корпоративе, куда Марк заехал лишь для того, чтобы произнести дежурную торжественную речь. Он спускался по мраморной лестнице, раздраженный громкой музыкой и фальшивыми улыбками подчиненных, когда она чуть не сбила его с ног.

В тот момент Марка посетило странное, царапающее чувство дежавю. В его жизни уже была похожая встреча. Неожданная, нелепая, с мгновенным электрическим разрядом. Но только девушка была другой. У Веры были теплые, смеющиеся глаза, в которых не было ни грамма страха или благоговения перед его статусом. Она не стала извиняться, лебезить или бледнеть от ужаса перед высшим руководством. Она просто рассмеялась, искренне и звонко, собирая свои коробки, и этот смех пробил брешь в его железной броне.

Именно с ней Марк наконец-то понял, что такое по-настоящему любить. Изначально, по своей застарелой, вьевшейся в подкорку привычке, он думал, что это лишь легкая, ни к чему не обязывающая интрижка. Всего лишь секс без обязательств, который скрасит ему пару месяцев. Но он сам не заметил, как перешел из разряда холодного потребителя в состояние глубокой, отчаянной привязанности.

Вера не пыталась соответствовать его статусу, не играла в светские игры и не заглядывала ему в рот. Она вытаскивала его гулять под дождем, заставляла есть уличную еду, рассказывала об истории старых зданий с таким горящим взглядом, что Марк слушал ее как замороженный. Рядом с ней он с кристальной ясностью осознал, насколько пустой, пластиковой, искусственной и до дрожи холодной была его жизнь до этого. Бесконечная гонка за капиталом, лицемерные партнеры, женщины, которые смотрели исключительно на дороговизну его машины. Вера стала его якорем, его светом, его домом.

Целых полтора года абсолютного счастья. Он уже выбрал кольцо, собираясь сделать ей предложение. Он планировал их будущее на десятилетия вперед, уверенный, что теперь его жизнь обрела настоящий смысл.

Но один несчастливый день, мокрый асфальт трассы и неработающие тормоза встречной фуры решили, что этого ему хватит.

Марк до сих пор просыпался по ночам в холодном поту, задыхаясь от фантомной боли и звука скрежещущего, рвущегося металла. Тот день впечатался в его мозг покадрово. Они ехали за город, он был за рулем, Вера сидела рядом, смеялась и что-то рассказывала, обещала незабываемый сюрприз, надо было просто немного потерпеть. Марк готов был на любые сюрпризы рядом с ней, держал ее за руку, периодически подносил ее к губам и целовал. А потом из-за поворота, вылетев на встречную полосу, на них понеслась многотонная громада.

Марк вывернул руль, инстинктивно пытаясь уйти от лобового столкновения, но было слишком поздно. Удар пришелся в правую сторону. Именно туда, где сидела она.

Ее смерть была мгновенной.

Сам Марк выжил. Врачи называли это чудом, он сам не иначе как проклятием. Тяжелейшие множественные переломы, раздробленные ребра, разрывы внутренних органов, сильнейшее сотрясение мозга. Он очнулся только через несколько дней в реанимации, опутанный трубками, не способный даже дышать самостоятельно.

Он восстанавливался полгода. Полгода физического ада, операций, невыносимой боли и реабилитации. Постепенно срослись сломанные кости, затянулись швы, сошли страшные гематомы, он снова начал ходить ровно и твердо. Но душа навсегда осталась покалеченной, словно вместе с искореженным металлом машины из его груди вырвали огромный, кровоточащий кусок.

Именно тогда, лежа долгими бессонными ночами на больничной койке, Марк полностью переосмыслил свою жизнь. Физическая боль сорвала с него все маски, заставив оглянуться назад. Он вспомнил свои поступки. Вспомнил ту самонадеянную, циничную жестокость, с которой шагал по головам и судьбам людей, считая себя правым просто по праву сильного.

Но настоящий удар пришел позже.

Он узнал о ребенке случайно, спустя три недели после аварии, когда впервые смог сидеть, а не просто лежать, опутанный трубками.

К нему в палату зашел следователь, молодой, уставший парень, который вел дело о ДТП и должен был закрыть формальности: подтвердить у Марка кое-какие детали для протокола, дать на подпись пару бумаг. Он не должен был ничего рассказывать сверх протокола, но, видимо, что-то в лице Марка заставило его отступить от инструкции.

— Марк Анатольевич, — он замялся, придвигая к себе папку с документами. — Это есть в материалах дела, рано или поздно вы бы это увидели сами. В заключении судмедэкспертизы указано... Вера Игоревна была на седьмой неделе беременности.

В палате будто выключили звук. Марк слышал свое дыхание — тяжелое, с присвистом из-за сломанных ребер, — и больше ничего. Следователь еще что-то говорил, что торопиться подписывать бумаги не нужно, что он может вернуться позже, но слова доходили до Марка урывками, теряя смысл.

Семь недель.

Он вспомнил тот вечер за две недели до аварии, когда Вера пришла с работы необычно задумчивой, весь ужин крутила в руках вилку, а потом вдруг улыбнулась своей особенной, чуть виноватой улыбкой и сказала: «У меня будет для тебя сюрприз. Скоро». Он тогда рассмеялся, обнял ее, спросил, не новую ли квартиру она присмотрела без него. Вера покачала головой и уткнулась носом ему в шею, не ответив.

Она хотела сделать ему сюрприз и рассказать в тот самый день. Наверное, поэтому так нервничала все утро, поэтому дважды переспрашивала, точно ли у него нет срочных встреч, точно ли он никуда не торопится. Поэтому говорила в машине про сюрприз. Сюрприз, который умер вместе с ней в искореженной машине.

Марк закрыл глаза. Из груди рвался звук, которого он сам от себя не ожидал, то ли всхлип, то ли стон, разрывающий исковерканные ребра изнутри. Он не проронил ни слезы за все три недели, что провалился здесь, слушая, как медсестры вполголоса жалеют его — молодой, богатый, красивый, и так жестоко потерял невесту. Но сейчас он плакал так, что не мог остановиться, а сломанные ребра при каждом вдохе отзывались такой болью, что впору было кричать. Следовательно тихо вышел, оставив его одного.

Он плакал не только о Вере. Он плакал о крошечном существе, которое он никогда не увидит, не подержит на руках, о человеке, который так и не узнал, что мог бы жить. И где-то там же, в этой волне беспощадной, разъедающей боли, впервые за много лет всплыло другое имя.

Алина.

Он вспомнил их последний телефонный разговор, который оборвал сам, безжалостно нажав на сброс вызова.

Теперь воспоминания об этом диалоге вызывали у него приступы тошноты. Он закрывал глаза и снова слышал ее дрожащий, срывающийся голос: «Я беременна, Марк...».

Шесть лет назад он счел это дешевой манипуляцией, наглой ложью, попыткой залезть в его сейф. Он хлестал ее словами наотмашь, обвинял, требовал тестов ДНК, прятался за юридическими формулировками.

«Что, если она говорила правду?» — эта мысль теперь билась в его воспаленном мозгу пульсирующим набатом. Что, если испуганная двадцатилетняя девчонка, которая смотрела на него с таким отчаянным обожанием, действительно носила под сердцем его ребенка? А он просто вышвырнул ее из своей жизни, размазал по стенке, даже не попытавшись разобраться.

Сколько еще в его прошлой жизни было таких Алин? Девушек, которых он приближал к себе, а потом холодно и расчетливо вычеркивал, стоило им заговорить о чувствах?

В глубине души, когда он окончательно встал на ноги, Марк отчаянно хотел найти их всех. Найти тех, с кем он порвал вот так, жестоко и безапелляционно. Извиниться, предложить любые деньги, любую помощь, чтобы хоть как-то искупить вину. Но он понимал, что не будет этого делать, он не станет врывать в их жизни и беречь старые раны.

А если быть до конца честным с самим собой, Марк просто боялся. Панически, до дрожи в руках боялся узнать, что невольно стал причиной того, что жизнь этих девушек пошла под откос. Что из-за его жестокости кто-то впал в тяжелую депрессию, сломался, бросил всё. Узнать о том, что Алина сделала аборт из-за его слов, или, что еще хуже, осталась с ребенком на улице, было выше его сил. Он просто не вынес бы этого груза. Его собственная спина уже ломалась под тяжестью вины.

Пытаясь хоть как-то заглушить этот голос совести, Марк начал анонимно жертвовать колоссальные суммы в детские дома и фонды помощи матерям-одиночкам. Он переводил миллионы, спонсировал операции, словно пытался откупиться от мироздания, купить себе индульгенцию за прошлые грехи.

Марк со стоном поставил стакан на стол, ссутулился и жестко растер лицо ладонями. Воспоминания до сих пор жгли его изнутри раскаленным железом.

Прошло полтора года со смерти Веры, и ровно год с того момента, как он, полностью восстановившись, снова принял бразды правления «Северным Альянсом».

Теперь в его жизни не было ничего, кроме пустоты и бизнеса. Никаких женщин, никаких светских раутов. Работа стала его спасательным кругом, единственной соломинкой, за которую он держался, чтобы не сойти с ума в пустом, огромном доме, где каждый угол напоминал о ней. Давно пора было продать этот дом, но он зачем-то медлил. Он вгрызался в проекты с маниакальным остервенением, работая по шестнадцать часов в сутки, чтобы к ночи падать в постель замертво, без сновидений. Но теперь у этого трудоголизма были совсем другие причины.

Сейчас его постоянного внимания требовал масштабный проект элитной застройки на побережье Финского залива. Его компания влила в дружественный холдинг «Норд-Базис» огромные инвестиции. Взамен Марк потребовал место в их совете директоров, чтобы лично и бескомпромиссно контролировать каждый финансовый поток.

То, что он увидел внутри «Норд-Базиса», привело его в холодное бешенство. Местное руководство, раздувшее бюджеты и утонувшее во внутренней бюрократии, его откровенно раздражало. Холдинг поглотил несколько мелких компаний, и теперь их процессы напоминали хаос.

Именно поэтому Марк продавил решение о глобальной IT-интеграции. «Норд-Базису» требовалось внедрение единой системы учета, которая объединила бы все филиалы. Ему нужна была сквозная аналитика, полная автоматизация финансового аудита и жесткий контроль над расходами. Никаких «черных дыр» в бухгалтерии. Всё должно было быть прозрачно.

Марк убрал ладони от лица, потер воспаленные глаза и придвинул к себе лежащую на столе пухлую папку с коммерческим предложением.

Подрядчик из Москвы, IT-компания «Quantum Systems», выиграла предварительный тендер, пообещав провести интеграцию и перенос баз данных. Сумма контракта была довольно внушительной. Марк открыл досье, пробегаясь взглядом по сухим строчкам технического задания и смете. Он был готов задать им самые неудобные вопросы по архитектуре серверов и протоколам безопасности. Если эти москвичи хотят получить его деньги, им придется доказать, что они стоят каждой заявленной копейки.

Марк захлопнул папку и снова посмотрел в ночное окно, слушая монотонный шум осеннего петербургского дождя.

Завтра в одиннадцать утра совет директоров в «Норд-Базисе» и презентация проекта. Он был абсолютно спокоен и полностью готов к этой встрече. Посмотрим, что принесет завтрашний день.

Глава 10. Встреча через время

Остаток дня после перелета превратился в стремительный, смазанный калейдоскоп бытовых задач. Для Алины это было идеальным средством, чтобы заглушить нервы и не позволить себе думать о завтрашнем дне. Как бы она ни была уверена в себе и своих силах, внутреннее беспокойство ее не оставляло. Быстрое заселение в светлую квартиру, поездка в частный детский сад, чтобы лично убедиться в безопасности места и подтвердить утренний визит Сони, забег по супермаркетам. Вечером дежурный звонок матери с обещанием привезти внучку на выходные.

Только уложив взбудораженную перелетом дочь спать, Алина позволила себе остановиться. В тишине чужой кухни она открыла ноутбук, в сотый раз прогоняя перед глазами слайды, графики и сметы. Завтра в девять утра она должна быть в офисе «Норд-Базиса», а в одиннадцать начнется совет директоров. На защиту проекта допускалась только она. Ее московская команда останется ждать вердикта в гостевом кабинете. Щелкнув крышкой ноутбука, Алина выпила стакан ледяной воды. Завтрашний день будет решающим, и она должна сделать все возможное, чтобы он прошел как надо.

Утром она вошла в стеклянные двери петербургского холдинга без пятнадцати девять. Идеально скроенный синий брючный костюм, гладко зачесанные волосы, холодный, непроницаемый взгляд профессионала.

Первый час ушел на знакомство с местным техническим директором Виктором Павловичем. Это был нервный, уставший человек, заваленный бумажной волокитой, который явно ждал от москвичей чуда.

— Алина Витальевна, имейте в виду, — предупредил он, суетливо поправляя галстук, пока они шли по длинному коридору к залу заседаний. — Сегодня на презентации будет не только наш гендиректор. Присутствует представитель главного инвестора. Они влили колоссальные деньги в новый элитный комплекс на заливе и теперь контролируют каждый финансовый чих. Человек он жесткий, въедливый, так что будьте готовы защищать каждую строчку в смете.

Алина лишь коротко кивнула. Ей было абсолютно всё равно, насколько въедливым окажется этот инвестор. Она знала логику своего проекта до последней строчки кода и могла обосновать каждый рубль.

К без пяти одиннадцать всё было готово. Переговорная встретила ее прохладой кондиционеров, приглушенным светом и тихим гулом включенного проектора. На огромном экране замер титульный слайд презентации. Ровно в одиннадцать тяжелые створки из матового стекла бесшумно разъехались.

Они заходили один за другим, а Алина, стоя у трибуны, мысленно ставила галочки, узнавая лица по заранее изученным досье. Вот генеральный директор Савельев — тучный, представительный мужчина. Следом главный бухгалтер Светлова, женщина с цепким, колючим взглядом. За ней финансовый директор Подольский.

Последним в зал шагнул высокий мужчина в идеально скроенном темном костюме.

Алина замерла.

В ту же секунду ей показалось, что из огромного помещения мгновенно выкачали весь кислород. Сердце, секунду назад бившееся ровно и спокойно, вдруг сорвалось в болезненный, рваный ритм, с силой ударяясь о ребра.

Она узнала его сразу, но внешне не дрогнул ни один мускул. Алина продолжала стоять у экрана, держа спину идеально прямо, словно высеченная из камня.

Виктор Павлович начал представлять присутствующих, назвал местное руководство, а затем, почтительно понизив голос, указал на последнего вошедшего:

— А это приглашенный член совета директоров, президент группы компаний «Северный Альянс» и главный инвестор нашего холдинга Марк Анатольевич Соколов.

Марк, опускаясь в кожаное кресло, бегло окинул присутствующих спокойным взглядом, без интереса, будто заранее знал, что ничего нового здесь не услышит.

— А это руководитель проекта со стороны «Quantum Systems», — продолжил технический директор, — Алина Витальевна Логинава.

На звуке ее имени Марк замер. Он медленно поднял голову, их взгляды скрестились. Алина увидела, как его глаза чуть прищурились, а на лице отразилось внезапное, острое внимание. Воздух в переговорной затрещал от напряжения, невидимого для остальных, но оглушительного для них двоих.

Узнал. Точно узнал.

Пока генеральный директор произносил вступительное слово, Алина, не отрывая взгляда от своих записей, пыталась загнать панику глубоко внутрь. Марк изменился. Кинематографичный лоск исчез, уступив место суровой, тяжелой брутальности. Он выглядел изможденным, черты лица стали резче, жестче, а на висках отчетливо пробивалась ранняя седина. Что с ним произошло за эти шесть лет? Эта мысль скользнула в сознании, но Алина безжалостно ее уничтожила. Это больше не имело значения. Сейчас он был лишь инвестором, человеком, которого надо убедить в том, что их компания справится с задачей лучше всех.

— Хорошо, давайте начнем обсуждение. Прошу вас, Алина Витальевна, — голос Савельева разорвал звенящую тишину.

Алина сделала глубокий вдох, нажала кнопку на кликере, и слайд сменился. Как только она заговорила, паника отступила, привычные технические термины стали ее щитом.

— Наша задача — не просто перенос данных, а полная модернизация вашей IT-инфраструктуры, — ее голос звучал ровно, с идеальной деловой интонацией. — Мы предлагаем бесшовную миграцию на новую ERP-систему с использованием микросервисной архитектуры. Это позволит изолировать ваши текущие базы данных и избежать простоев в работе компании.

Посыпались вопросы. Финансовый директор придрался к стоимости серверов, главный бухгалтер — к срокам переноса архивов. Алина отбивала их атаки с легкостью и грацией опытного бойца.

— Оборудование закладывается с учетом кластеризации высокой доступности, — чекала она, глядя прямо на Подольского. — Если упадет один сервер, система автоматически переключится на резервный узел без потери транзакций. Что касается архивов, Анна Сергеевна, мы используем протоколы асимметричного шифрования. Ваши отчеты будут защищены на уровне банковских стандартов.

Она ни разу не запнулась, хотя внутри бушевал настоящий ураган. И всё это время, каждую секунду своего доклада, она спинным мозгом чувствовала на себе тяжелый, немигающий, пронзительный взгляд Марка. Он не задал ни одного вопроса. Он просто смотрел, сцепив руки в замок, словно пытался прочитать ее мысли. Почему он молчит? Почему не задает вопросы?

Спустя час Савельев удовлетворенно кивнул.

— Коллеги, вопросы еще есть? Если нет, предлагаю голосовать.

Совет проголосовал единогласно «за». Марк Соколов молча поднял руку, не сводя глаз с Алины.

— Отлично, подписываем контракт и приступаем, — с улыбкой подытожил генеральный директор. — У нас не так много времени, Алина Витальевна. Марк Анатольевич требует завершить интеграцию строго в срок.

Алина коротко кивнула, собирая бумаги со стола. Всё. Она победила. Многомиллионный контракт будет подписан, как только юристы его проверят. Осталось только выйти из этого зала и выдохнуть.

Марк внезапно поднялся со своего места.

— Извините, мне нужно сделать важный звонок, — его голос, глубокий и чуть хриплый, прозвучал как выстрел в тишине зала. Он застегнул пиджак и, уже направляясь к выходу, остановился на долю секунды. — Алина Витальевна, пожалуйста, зайдите в мой кабинет. У меня есть пара вопросов... по масштабируемости системы.

Он вышел, и матовые створки бесшумно сомкнулись за его спиной.

Алина застыла над столом, сжимая в побелевших пальцах папку. О чем он собирался спросить? Что она должна ему сказать? И главное — имеет ли он теперь хоть какое-то право знать о Соне?

Нет. Шесть лет назад он сам отказался от этого права. Никаких вопросов по масштабируемости у него не было, это понимали они оба.

Алина медленно закрыла портфель. Взяла себя в руки, надев привычную маску невозмутимого московского менеджера, и твердым, уверенным шагом вышла из переговорной, направляясь в кабинет, выделенный для Марка Соколова.

Глава 11. Ложь во спасение

Марк шел по длинному коридору к выделенному ему кабинету. Шаги гулко отдавались в тишине. Внешне он оставался абсолютно спокоен, но внутри мысли метались, сменяя одна другую.

Он думал о том, что именно ей скажет. Конечно, он ее узнал. Не сразу, с первого взгляда эта уверенная в себе женщина ничем не напомнила ту смешливую девчонку, с которой ему было легко и приятно. За шесть лет она изменилась до неузнаваемости, оделась в броню из идеального костюма и ледяного профессионализма. В этой неприступной Снежной королеве с холодным взглядом было почти невозможно разглядеть ту Алину, с которой он когда-то гулял по ночному Питеру. Но стоило назвать ее имя, как воспоминания тут же вернулись.

Та Алина была совсем другой. Живая, непосредственная, способная рассмеяться посреди самой серьезной беседы, спорить с ним до хрипоты и совершенно не бояться его.

Жизнь не позволила ему быть счастливым. Она забрала всё, но почему-то оставила его самого в живых. Выбросила на берег, переломанного, но дышащего. Значит, для чего-то он еще был нужен на этом свете. Возможно, для того чтобы наконец-то исправить ошибки прошлого, за которые ему было невыносимо стыдно.

И начать стоило с извинений.

Алина не заслужила того скотского, циничного отношения, которое он позволил себе шесть лет назад. И раз уж судьба с такой жестокой иронией снова столкнула их лбами, он обязан это сделать. Вчера вечером он сидел над их презентацией, делал пометки красным маркером, готовясь сегодня разорвать подрядчиков в клочья, вывернуть наизнанку их смету и задать самые неудобные вопросы. Но когда он понял, что это она... он не смог произнести ни слова, за весь час он так и не открыл рот. Она и так, должно быть, его ненавидит. Зачем усугублять всё еще больше, пытаюсь унижить ее как профессионала?

Марк зашел в свой временный кабинет, скинул пиджак на спинку кресла и подошел к панорамному окну. Прислонился лбом к прохладному стеклу. В свои тридцать пять лет он прошел через такой ад, что его, казалось, уже ничто не могло смутить, испугать или выбить из колеи. Но сейчас, глядя на свинцовое петербургское небо, он впервые в жизни не знал, с чего начать разговор.

Тихий, короткий стук в дверь разорвал тишину.

— Войдите, — ровно произнес Марк.

Дверь приоткрылась, и в кабинет вошла Алина. Она остановилась в паре метров от него, держа в руках тонкую кожаную папку. Прямая и собранная, закрытая на все замки.

— Здравствуй, Марк, — ее голос прозвучал так бесстрастно, словно она здоровалась с курьером.

Марк медленно повернулся к ней всем корпусом, засунув руки в карманы брюк, чтобы скрыть напряжение.

— Здравствуй, Алина.

В кабинете повисло тяжелое, почти осязаемое молчание. Воздух между ними, казалось, можно было резать ножом.

— Пожалуйста, присаживайся, — он указал взглядом на кресло для посетителей.

Алина опустила на самый край, положив папку на колени. Она сидела прямая как струна, напряженная до предела, хотя ее лицо оставалось пугающе спокойным.

— Алина... — Марк сделал шаг к столу, пытаясь подобрать правильные слова.

— Стой, Марк. — Она подняла руку, резким жестом останавливая его. Ее синие глаза смотрели на него без капли тепла. — Давай сразу обговорим всё на берегу. Всё, что было между нами шесть лет назад, закончилось, забылось и стерлось. Ворошить это нет абсолютно

никакого смысла. Сейчас между нами только работа, контракт и жесткие сроки. И я бы очень не хотела, чтобы какие-то личные эмоции или призраки прошлого сказывались на результате.

Марк тяжело вздохнул, глядя на эту новую, незнакомую ему женщину.

— Алина, я позвал тебя, потому что хотел извиниться.

Она моргнула. На секунду ледяная маска дала трещину.

— Что?

— Я понимаю, что, наверное, слишком поздно, — его голос стал тише, утратив привычные властные нотки. — Прошло много лет. Но всё же я хотел сказать, что мне очень жаль. Жаль, что всё так вышло. Прости меня за те слова, которые я тогда бросил тебе в трубку, они были жестокими и необдуманными. Конечно, оправдываться уже поздно, я повел себя как...

— Марк, хватит, — Алина резко встала, перебивая его. Тонкие пальцы до побеления сжали кожаную папку. — Это действительно уже не имеет никакого значения. Твои извинения приняты, инцидент исчерпан. Если на этом всё, мне нужно идти обсуждать прошедшую презентацию с моей командой. У нас много работы.

Она развернулась, собираясь уйти. Ее каблуки стукнули по паркету.

— Алина, подожди! — Марк шагнул наперерез, останавливая ее властным жестом. — Скажи мне. Мне нужно знать.

Она замерла у самой двери. Медленно повернулась и вопросительно посмотрела на него. В ее глазах промелькнуло глухое раздражение.

— Ты говорила, что беременна, — Марк сглотнул, чувствуя, как внутри всё сжимается от этого вопроса. — Это было правдой?

Секунды растянулись в вечность. Алина смотрела на него нечитаемым, странным взглядом. В глубине ее синих глаз на мгновение вспыхнуло что-то похожее на презрение, смешанное с горечью, но она тут же погасила эту вспышку. На долю мгновения, прежде чем она успела взять себя в руки, Алина увидела не президента «Северного Альянса», не жесткого инвестора, а того самого Марка, который когда-то заказывал ей кофе в номер и молча накидывал свитер на плечи. Седина на висках, резкие морщины у рта, голос, потерявший всю свою прежнюю самоуверенность. Что-то в ней дрогнуло. Короткий, предательский порыв сказать правду. Просто произнести: «Да, Марк. У тебя есть дочь». И посмотреть, что будет. Но она тут же одернула себя. Этот порыв длился едва ли секунду, но Алина успела испугаться его гораздо больше, чем самого вопроса.

Она не знала этого человека. Не знала, что случилось с ним за шесть лет, что стоит за этой сединой и этими извинениями. Может, это минутная слабость, а через год он снова станет прежним Марком. Тем, кто одним звонком умеет стереть человека в порошок. Ради Сони ей нужно было защитить свой маленький, хрупкий мир от этого человека любой ценой. Даже если для этого придется растоптать собственную гордость. Она не имела права рисковать.

Алина чуть вздернула подбородок и медленно, отчетливо произнесла:

— Нет, Марк. Я солгала.

Марк застыл, не веря своим ушам.

— Ты был абсолютно прав тогда, — сказала она, и ее голос дрогнул, потому что то, что она собиралась сказать дальше, далось ей тяжелее, чем сама правда.

— Я... — Алина запнулась, будто подбирая слова, которые не произносила вслух ни разу за шесть лет. — Я тогда с ума сходила, влюбилась так, что соображать перестала. Ты меня отверг, и я... — она сделала короткую паузу, отвела взгляд на секунду, будто это стоило ей усилия, а потом снова посмотрела ему в глаза. — Я решила, что беременность — это отличный способ тебя удержать. Глупо вышло, я сейчас это понимаю.

Она пожала плечами, словно говорила о какой-то мелкой, нелепой ошибке молодости.

— Но мне было двадцать лет, Марк, — ровным тоном продолжила Алина, глядя прямо в его ошарашенные глаза. — Я была наивной дурой, начитавшейся романов. Так что... извини

меня за этот спектакль. Давай всё забудем и будем вести себя как взрослые люди. Извини, мне нужно работать.

Она не стала ждать его ответа. Резко повернулась, нажала на ручку, и тяжелая дверь кабинета мягко закрылась за ее спиной, отрезая ее от него.

Марк остался один.

Тишина в кабинете вдруг стала оглушительной. Он стоял посреди комнаты, глядя на закрытую дверь, а затем медленно выдохнул. Это был долгий, хриплый выдох, вместе с которым из его легких, казалось, вышел весь тот ядовитый, удушливый страх, мучивший его последние годы.

Он оперся руками о край стола, а затем устало, всем весом опустился в кресло.

Ребенка не было.

Она просто солгала. Сыграла в ту самую банальную женскую игру, в которой он ее тогда и обвинил. Не было никакой сломанной судьбы, не было ребенка, оставшегося без отца по его вине. Только глупая, наивная уловка влюбленной студентки. Марк откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза, позволяя себе на мгновение поверить в почти физическое облегчение, будто с грудной клетки сняли многотонный груз. Одной разбитой жизнью на его совести оказалось меньше.

Но что-то в этом облегчении было слишком удобным. Слишком вовремя.

Он открыл глаза и посмотрел на закрытую дверь. Женщина, которая только что призналась ему в дешевой манипуляции шестилетней давности, ушла с идеально прямой спиной, не дрогнув ни одним мускулом. Не было ни слез, ни смущения, ни того самого раскаяния, которое обычно сопутствует запоздалому признанию во лжи... будто речь шла не о ней самой, а о ком-то постороннем.

Марк медленно потер переносицу. Может быть... все-таки шесть лет — достаточный срок, чтобы разучиться краснеть от собственной лжи. А может быть, ему просто очень хотелось поверить в единственную версию событий, которая не требовала от него никаких дальнейших действий.

Он отогнал эту мысль. Нет, не сегодня. У него был контракт, сроки и совет директоров, который ждал результатов. Личное придется отложить.

Глава 12. Чужая территория

Первый месяц в Петербурге пролетел для Алины в глухом, изматывающем ритме. Рутинная стала ее главным щитом, надежной свинцовой броней, за которой она пряталась от любых мыслей о Марке Соколове. Дом, садик, офис, вечерняя няня на пару часов, когда совещания затягивались допоздна, — и снова дом, где сил хватало лишь на то, чтобы поцеловать спящую Соню и провалиться в темный сон без сновидений. Этот жестокий график помогал ей не думать о том, что правда может раскрыться в любой момент.

У нее была четкая цель: продержаться Марка в неведении еще два месяца, сдать проект, забрать дочь и навсегда уехать из этого города к себе, в Москву. В их с Соней уютную квартиру, где не нужно бояться разоблачения. Она боялась реакции Марка, боялась, что он, с его возможностями, деньгами и связями, вполне сможет доставить ей массу проблем, если узнает об обмане.

Она часто думала о том, что случится, если правда выплывет наружу. Кто знает, проснулись бы в нем вообще отцовские чувства и нужна ли была бы ему Соня? Что будет, если он узнает, что у него всё это время была дочь, а она, стоя перед ним в его кабинете, солгала во второй раз, глядя ему прямо в глаза? Вот за это он ее точно не простит.

Чтобы обезопасить себя окончательно, еще в первый день Алина собрала свою московскую команду в выделенном им кабинете и попросила о негласном одолжении.

— Ребят, у меня к вам личная просьба, — сказала она тогда, глядя на своих программистов и аналитиков. — Никому из местных не рассказывайте о том, что я приехала с ребенком. Проект сложный, сроки горят. Местное руководство, да и инвесторы, могут начать относиться предвзято, решив, что мать с маленьким ребенком не сможет выкладываться на все сто процентов и будет срывать дедлайны из-за больничных. Пусть это останется внутри нашей команды.

Ребята, привыкшие доверять своему руководителю, без вопросов согласились. Алина выдохнула. Теперь она была уверена, что до Марка не дойдут случайные слухи из курилки.

На еженедельных планерках совета директоров Алина была воплощением абсолютного профессионализма. Сухие отчеты, цифры, графики, безупречные костюмы и холодный, отстраненный взгляд. Она виртуозно держала дистанцию, общаясь с Марком исключительно в рамках технических терминов и финансовых смет. А Марк... Марк начал за ней наблюдать.

С каждым новым совещанием он всё больше поражался тому колоссальному контрасту, который видел перед собой. Где была та наивная двадцатилетняя студентка, смотревшая на мир и на него широко распахнутыми, восторженными глазами? Ее больше не существовало. На ее месте сидела женщина, способная одним взглядом осадить финансового директора холдинга и отстоять каждый байт в архитектуре своей системы. Марк невольно задавался вопросом: что именно выковало из нее эту сталь? Суровые законы московского корпоративного мира, где нужно вгрызаться зубами в каждую возможность? Или тот ледяной душ, который он сам устроил ей шесть лет назад? Похоже, его жестокий урок был усвоен на отлично: наивная девочка умерла, уступив место безупречному, непробиваемому профессионалу без единого уязвимого места.

В офисе «Норд-Базиса» о ней шептались. Местные менеджеры сворачивали шеи ей вслед, обсуждая холодную красоту московской гостьи, но Марка цепляло совершенно другое. Он ловил себя на том, что всё чаще ищет её взгляд в переговорной. Ему хотелось услышать от неё что-нибудь кроме цифр, сроков и технических терминов. Узнать, что она любит, как живёт, почему так и не сняла эту ледяную броню. И это желание пугало его больше, чем любое физическое влечение.

Иногда, задерживаясь в офисе, Марк пересекался с московской командой у кофемашины или в кулуарах. Ребята держали слово и ни разу не обмолвились о Соне, но зато с удовольствием

рассказывали о своем руководителе. Они говорили о ней с неподдельным уважением, как о профи высшего класса. Марк узнал, что Алина с отличием закончила университет, пахала как проклятая на низовых должностях, брала самые сложные проекты и к двадцати шести годам добилась того, к чему другие шли десятилетиями.

Слушая эти рассказы, Марк вдруг ловил себя на странном, непривычном чувстве. Он гордился ею. Тем, как она не сломалась (даже если из-за него, как он думал раньше, ей пришлось пойти на ту глупую ложь), как выстроила себя заново, превратившись в блестящего специалиста. Ему всё чаще хотелось пробить эту стену отчуждения, заговорить с ней не о серверах и дедлайнах, а о чем-то простом и человеческом. Но Алина не оставляла ему ни единой лазейки.

Она виртуозно избегала любых случайных столкновений вне переговорной, словно его просто не существовало. Однако, как бы Алина ни старалась отгородиться от всего, что касалось Марка, полностью изолировать себя от чужих разговоров было невозможно. Огромный офис холдинга жил сплетнями, и имя главного инвестора звучало на каждом углу.

Однажды Виктор Павлович, провожая ее после очередного совещания, вдруг вздохнул и обронил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Марк Анатольевич сегодня хоть улыбнулся пару раз. Давно я его таким не видел. С тех пор как... — он осекся, будто вспомнил, что не стоит об этом говорить, но заметил вопросительный взгляд Алины и махнул рукой. — Ай, все равно вся компания знает. Невеста у него погибла, полтора года назад. Авария на трассе была. Сам чудом выжил, полгода по больницам, по частям собирали. С тех пор совсем другим человеком стал, только работа и работа... — Виктор Павлович покачал головой. — Видимо, сильно его это подкосило.

Он попрощался и пошел дальше по коридору, а Алина осталась стоять на месте, чувствуя, как что-то внутри всё болезненно сжалось.

Авария. Погибшая невеста...

Она пыталась понять природу этой боли. Была ли это жалость к человеку, который прошел через такой кошмар? Или это была старая, так и не зажившая рана женской гордости от того факта, что пресыщенный мажор Марк Соколов, оказывается, всё-таки умел любить? Умел быть преданным, заботливым, настоящим. Просто он любил не ее.

Алина тут же одернула себя, почти физически поморщившись от этой мысли. Какая нелепая, мелочная реакция. Человек потерял женщину, которую любил, едва не погиб сам, а она думает о собственном уязвленном самолюбии шестилетней давности.

Ей стало стыдно.

И тут же следом пришла другая мысль, куда более тяжелая.

Она стояла перед ним недавно в его кабинете и соврала ему не моргнув глазом. Если бы она знала, что этот человек пережил страшное горе, что это уже не тот Марк, который был шесть лет назад, смогла бы она ему солгать? Она не знала ответа.

С этого дня невидимая динамика между ними неуловимо изменилась.

На планерках Алина больше не могла смотреть сквозь него. Она присматривалась. Искала в нем перемены. Теперь она замечала то, чего не хотела видеть раньше: чуть скованную походку, как след старых переломов; глубокие, горькие складки у губ; бесконечную усталость на дне потемневших глаз. Она сравнивала нынешнего Марка с тем блестящим, беззаботным мужчиной из ее прошлого, и этот контраст пугал ее своей глубиной.

А Марк чувствовал ее взгляд.

Теперь, когда кто-то из директоров выступал с нудным докладом, их глаза всё чаще встречались над полированным деревом стола. В этих коротких, безмолвных секундах зрительного контакта больше не было вражды или страха разоблачения. Там было что-то другое. Тихое, напряженное изучение. Они осторожно прощупывали чужую территорию, еще не понимая, что невидимая граница между ними уже начала истончаться.

Глава 13. Нарушение субординации

С каждым днем Марк всё яснее понимал одну простую вещь: эта женщина ему нравится. Причем нравилась она ему именно такой, какая она была сейчас. Абсолютно собранной, профессиональной, с деловой хваткой. Сейчас она напоминала ему его самого. Но он знал и другую сторону Алины, помнил, какой мягкой, смешливой и искренней она могла быть, и то, что она оказалась настолько многогранной, притягивало его еще сильнее.

Он думал, что больше никогда не сможет испытывать теплые эмоции, что внутри всё выгорело дотла, но эти полтора месяца рядом с Алиной показали ему, что его сердце еще не совсем очерствело. Может быть, отчаянное желание тепла и любви, помноженное на застарелое чувство вины, сыграло с ним эту шутку. И хотя он прекрасно отдавал себе отчет в том, что вряд ли романтические отношения между ними возможны — не так они тогда разошлись, чтобы всё можно было легко забыть, — его тянуло к ней.

Он старался не думать о той истории с выдумкой о беременности шестилетней давности. Убеждал себя, что это мелочи по сравнению с тем, какой жестокой жизнь может быть на самом деле, и в целом сам действительно в это верил. Но иногда, в редкие свободные минуты, та самая заноза всё же напоминала о себе: слишком уж легко, слишком буднично она тогда призналась в этой манипуляции, ни один мускул не дрогнул на ее лице. Он гнал от себя эту мысль, списывая на профессиональную выдержку, которую она наверняка выработала за эти годы. Не хотелось искать в ней ложь там, где, возможно, ее давно не было.

К тому же стоило наконец-то признать, что эта новая Алина, так же как и та, шесть лет назад, вызывала в нем сильное, чисто мужское желание. Боже мой, он думал, что вообще забыл, что это такое. Но в последнее время ловил себя на мысли, что вспоминает их ночи, страсть, тепло и нежность, что были между ними тогда.

Он хотел ее видеть. Он просто хотел ее. Видимо, полтора года — это достаточный срок для того, чтобы снова проснуться и потянуться к жизни.

Именно поэтому он приезжал в офис «Норд-Базиса» почти каждый день, без зазрений совести взвалив управление «Северным Альянсом» на своего заместителя. Да, по сути, процессы в его холдинге были давно отлажены, и его личного, ежедневного присутствия там не требовалось. Этим Марк и воспользовался, объясняя совету директоров, окружающим, да и самому себе, что расхлябанному «Норд-Базису» требуется хорошая взбучка, поэтому он вынужден контролировать здесь каждый шаг. Но в глубине души он признавался себе в истинной причине: он просто хотел видеть ее почаще. И хотел предпринять попытку хотя бы подружиться.

Марк видел, насколько Алина закрыта. Поначалу он списывал это на чувство неловкости из-за той давней лжи, но время шло, а ее броня становилась только прочнее. И это заставляло задуматься: почему по прошествии шести лет она ведет себя с ним так, будто он всё еще что-то значит для нее? Будто она выстраивает эту глухую стену отчуждения исключительно для того, чтобы не подпустить его слишком близко и не дать себе слабину. Все эти резкие расхождения между ее словами о том, что «всё давно забыто», и ее демонстративной холодностью были слишком подозрительными.

Недавно Марк заметил, как она, обсуждая рабочие моменты со своей командой, вдруг расслабилась и тепло, искренне улыбнулась, а затем повернулась в его сторону. И, о чудо, улыбка не сошла с ее губ, как обычно, а наоборот: она приветственно кивнула и посмотрела на него без привычного льда. Эта слабая улыбка стала для него сигналом. Он решил, что пора немного подтолкнуть события и сделать шаг навстречу.

Случай представился в пятницу. Совещание по интеграции баз данных затянулось до позднего вечера. За панорамными окнами уже сгустились сумерки, офис «Норд-Базиса» почти опустел. Алина, задержавшись в переговорной, чтобы собрать распечатки, осталась одна.

Марк вернулся в зал, когда она как раз укладывала ноутбук в сумку.

— Алина, — негромко позвал он, останавливаясь в паре шагов от нее.

Она вздрогнула и резко обернулась.

— Уже девятый час, на улице метель, — Марк кивнул на окно, за которым кружился снег. — Давай я подвезу тебя до дома. Мой водитель ждет внизу.

Он произнес это абсолютно спокойно, без какого-либо скрытого подтекста, просто обычная вежливость, неформальное предложение коллеге.

Но реакция Алины оказалась непредсказуемой. Она мгновенно напряглась, словно от удара током. Тонкие пальцы с силой вцепились в ремешок сумки, а во взгляде мелькнул самый настоящий, ничем не прикрытый испуг, который она тут же попыталась замаскировать агрессией.

— Марк Анатольевич, — ее голос прозвучал резко, звонко, словно удар хлыста. — Мы же с вами, кажется, обо всем договорились.

— Алина, я просто предложил, ничего такого...

— Ничего из прошлого не может и не будет влиять на наши рабочие отношения сейчас! — грубо осадил ее, делая шаг назад, словно он представлял физическую угрозу. — Не нужно вот этого всего. Мы с вами коллеги. Вы — руководитель, я — исполнитель, никаких совместных поездок, ужинов, неформального общения. На этом точка.

Она подхватила сумку, стремительно обогнула его, едва не задев плечом, и почти бегом покинула переговорную.

Марк остался стоять посреди пустого зала в полном недоумении. Что это сейчас было? Почему она себя так ведет? Он постоял еще минуты три, глядя на дверь, потом встряхнулся, отгоняя от себя непрошенные мысли, и пошел следом. Ну ладно, он хотя бы попытался. Но всю дорогу до машины его не отпускало смутное, неприятное ощущение, как будто он упустил что-то важное, что было прямо у него перед глазами. Обычная женщина бы просто вежливо отказала. А Алина отреагировала так, будто он застал ее врасплох в чем-то, чего она отчаянно не хотела допустить. Марк не мог сформулировать, что именно это было, но твердо решил для себя одно: он не отступит.

Уже сидя на заднем сиденье такси и глядя на кружащиеся снежинки в небе вечернего Петербурга, Алина нещадно ругала себя за этот срыв.

«Дура. Какая же я дура!» — она до боли сжала виски холодными пальцами.

Зачем она так сорвалась? Зачем устроила эту истерику на ровном месте? Марк далеко не глупый человек, он умеет читать людей. Ее неадекватное поведение на предложение обычной помощи ему совершенно точно покажется подозрительным.

«Конечно, о Соне он вряд ли догадается, — лихорадочно размышляла Алина, кусая губы. — Но он вполне может подумать, что мы пытаемся что-то скрыть! Решит, что в сметах скрыты махинации или что мы срываем технические сроки, раз я так нервничаю и не подпускаю его к себе ни на шаг».

Ну почему она не смогла сдержаться и просто сказать: «Нет, спасибо, я уже вызвала машину»? Этот постоянный страх, что Марк узнает о ребенке, сделал из нее настоящего параноика, она начала шарахаться от собственной тени.

«И вообще, какого черта он торчит здесь каждый божий день?» — с глухим раздражением подумала она, чувствуя, как накачивается бессильная злость.

Но, глядя на непогоду за окном, Алина вдруг со вздохом призналась самой себе: дело было не только в нем и его поведении. Дело было в ней самой. Правда заключалась в том, что она до сих пор не была к нему равнодушна.

Где-то очень глубоко внутри всё еще сидели застарелая боль и жгучая обида. Все эти шесть лет она старательно взращивала в себе негатив, рисовала образ циничного, бессердечного монстра, чтобы было легче забыть и вычеркнуть его из жизни. Но узнав о той страшной трагедии, Алина словно посмотрела на него через совершенно другую призму.

То, что она испытывала к нему сейчас, вряд ли можно было назвать любовью. И уж точно это не было жалостью. Скорее, тихим, щемящим сочувствием. И чем-то еще, чему она пока не хотела давать название.

Она видела перед собой уже не того самоуверенного Марка, которого помнила шесть лет назад. Этот человек прошел через ад, признал свои ошибки и каким-то образом сумел собрать себя заново. И, как ни странно, Алина начала его за это уважать. В конце концов, он был ей не чужим, он был отцом ее ребенка.

Алина закрыла глаза, прогоняя эти опасные мысли. Нет. Между ними произошло слишком много всего. Слишком много боли, обид, а теперь еще и эта чудовищная ложь, произнесенная ею прямо ему в лицо. Она не сможет ему признаться в том, что обманула.

Жил же он как-то всё это время без них? Вот пусть и живет дальше. А им с Соней никто не нужен. Всё, что им сейчас действительно нужно — это поскорее закончить чертову интеграцию и вернуться домой, в свою безопасную гавань.

Надо решить этот вопрос как можно скорее. Алина достала телефон и открыла контакты. Наверное, стоит прямо завтра с утра позвонить шефу в Москву и потребовать прислать сюда Марину. Если подключить ее к процессу, можно будет распараллелить задачи и существенно сократить сроки проекта.

Чем быстрее она сдаст работу, тем быстрее исчезнет из жизни Марка Соколова. На этот раз — навсегда.

Глава 14. Капитуляция и побег

Утро выдалось типично петербургским, серое небо плотно лежало на крышах домов, а лобовое стекло арендованного кроссовера каршеринга то и дело покрывалось мелкой, въедливой моросью. Дворники мерно смахивали воду вперемешку со снегом, отмеряя ритм этой бесконечной поездки по утренним пробкам. Алина бросила быстрый взгляд в зеркало заднего вида. Соня сидела в детском кресле, подперев щеку кулачком, и задумчиво разглядывала проплывающие мимо старые фасады.

— Соня, как тебе в новом садике? — мягко нарушила тишину Алина, притормаживая на светофоре. — Никто не обижает?

— Нормально, мам, — девочка тихо вздохнула, не отрывая взгляда от окна. — Воспитательница добрая. Но в Москве лучше. У меня здесь почти нет друзей, только один мальчик со мной в легио играет. Я по нашему дому скучаю и по тете Ире.

Алина почувствовала, как внутри привычно кольнуло чувство вины. Она перевела взгляд на дорогу и чуть крепче сжала оплетку руля.

— Знаешь, малыш... — Алина постаралась, чтобы голос звучал легко и уверенно. — Скорее всего, мы уедем домой чуть раньше, чем планировали.

Глаза Сони мгновенно загорелись, она даже подалась вперед, насколько позволяли ремни:

— Правда? А когда? Прямо завтра?

— Не прямо завтра, но я постараюсь сделать так, чтобы мы не задержались здесь надолго. Обещаю. Только придется еще немного подождать, хорошо?

— Хорошо! — Соня радостно закивала, и остаток пути до садика прошел под ее оживленное щебетание о том, какие игрушки она первым делом достанет из своей домашней коробки.

Оставив дочь, Алина приехала в стеклянный офис «Норд-Базиса». Повесив пальто на вешалку, она налила себе обжигающе горячий американо и, не теряя ни минуты, набрала номер своего московского шефа.

— Да, Логинова, слушаю, — раздался в трубке бодрый баритон Ильи Александровича.

— Илья Александрович, доброе утро. Звоню с рабочим предложением, — Алина говорила четко, по-деловому, параллельно открывая на ноутбуке графики. — Проект идет отлично, по срокам мы даже немного опережаем график. Но у меня есть понимание, что мы можем ускорить интеграцию баз данных почти вдвое, если распараллелим процессы тестирования. Мне бы хотелось завершить свою часть здесь раньше и вернуться в Москву быстрее, по личным обстоятельствам.

— Ускорить вдвое? Каким образом? — в голосе шефа проскользнул профессиональный интерес.

— Если вы командируете ко мне Марину. У нас огромный пласт работы по архивам. Пока я свожу архитектуру, она закрывает тестирование миграции.

На том конце провода повисла короткая пауза. Шеф явно прикидывал бюджеты и сроки. — Ладно, добро. Марина как раз закрыла свой блок. Оформлю ей билеты на послезавтра. Но с тебя результат, Алина.

— Результат будет. Спасибо.

Положив трубку, Алина с облегчением выдохнула. План был запущен.

Следующие два дня принесли ей неожиданную, но такую необходимую передышку — Марк не появлялся в офисе холдинга. Никто не сверлил ее тяжелым, сканирующим взглядом на планерках, никто не заставлял воздух искриться от невысказанных вопросов. Алина смогла полностью погрузиться в код, чувствуя, как постепенно спадает внутреннее напряжение.

На третий день тишину петербургского офиса нарушила Марина.

— Логинова, привет! — она вихрем ворвалась в кабинет, сбросила стильную шубку на свободное кресло и с восторгом огляделась. — Слушай, Питер — это просто отпад! Я вчера вечером по барам на Рубинштейна прошлась, такие люди, такая атмосфера... А офис-то какой пафосный! Уже познакомилась с местными топами?

Алина устало потеряла виски. — Марин, соберись. У нас тут не туристическая поездка и не клуб по интересам. Нам нужно ускориться вдвое, чтобы быстрее всё сдать.

Марина закатила глаза, но послушно придвинула к себе рабочий стул. — Ой, да не вопрос, шеф! Включаюсь. Что там у нас по задачам?

Алина развернула к ней монитор: — Вот техническое задание, вот параметры доступов к старым базам. Твой фронт работы: миграция отдела кадров и бухгалтерии. Изучай.

Надо было отдать Марине должное, несмотря на ее легкомысленность в вопросах отдыха, специалистом она была первоклассным. Поболтав еще минут десять, она действительно ушла с головой в работу, быстро разбираясь в хитросплетениях чужого кода.

Работа закипела с новой силой. Дни сменяли друг друга, сливаясь в сплошной поток цифр, логов и графиков. Алина механически стучала по клавишам, но однажды поймала себя на странной, раздражающей мысли: она всё чаще поглядывает на матовую дверь кабинета. Почему его нет? Что-то случилось? *«Какая тебе разница? Тебе же лучше, никто не дышит в затылок»*, — мысленно одернула она себя.

И именно в этот момент дверь приоткрылась.

На пороге стоял Марк в безупречном графитовом костюме. Он что-то негромко обсуждал на ходу с Виктором Павловичем. Проходя мимо их открытого кабинета, он бросил внутрь короткий, цепкий взгляд, едва заметно кивнул Алине и прошел дальше по коридору.

Марина застыла с чашкой кофе в руке. — Слушай, Алин... А это еще кто такой? — ее голос внезапно сел, а в глазах появился хищный, чисто женский интерес. — Просто отвал башки.

— Марк Анатольевич Соколов. Президент инвестиционного холдинга, — сухо и ровно ответила Алина, заставляя себя смотреть исключительно в монитор.

— Ничего себе! — Марина присвистнула. — Президент? Хорош собой до неприличия, правда не очень молод, но зато при таких деньгах... Так, Логинова, мне срочно надо узнать о нем всё.

Алину захлестнуло резкое, колючее раздражение. — Оставь его в покое, Марин. Это не нашего полета птица. Давай сосредоточимся на архитектуре сервера.

— Ой, да ладно тебе занудствовать! — Марина поправила прическу, глядя в свое отражение в темном экране телефона. — Еще посмотрим, чьего он полета.

На следующий день худшие опасения Алины начали сбываться.

Выйдя из переговорной после обеда, она застала в холле сцену, от которой внутри всё неприятно сжалось. Марк стоял у панорамного окна с чашкой эспresso, а Марина, облокотившись на подоконник слишком близко к нему, залиvisto и громко смеялась. Она поправляла волосы, обнажая шею, стреляла глазами и вела себя откровенно, кричаще вызывающе, заигрывая с главным инвестором. И самое паршивое — Марк не уходил. Он слушал ее с вежливой, чуть снисходительной полуулыбкой, задумчиво покачивая чашку в руке.

Алина замерла, чувствуя, как по венам растекается ледяная кислота. Что это? Раздражение на непрофессионализм подчиненной? Злость, что Марина портит репутацию их команды в глазах заказчика?

Нет. Алина сглотнула пересохшим горлом. Стоит признаться себе, что это была ревность. Чистая, обжигающая, злая ревность.

Осознание этого факта ударило под дых. Она испугалась. Испугалась так сильно, что едва не выронила планшет из рук. Она не должна ничего к нему чувствовать! У нее нет на это никакого права. Этот человек — самая большая угроза в ее жизни.

С этого момента рабочие будни превратились для Алины в изощренную пытку. Дни летели быстро, Марина полностью освоилась в проекте, блестяще закрывая свои участки, но психологическое состояние Алины стремительно катилось в пропасть. Нервное истощение накрывало ее с головой. Паника сжимала горло ледяными пальцами каждую ночь. Что, если Марк узнает о Соне? Он никогда не простит ей эту ложь в кабинете. Он богатый, влиятельный, у него колоссальные ресурсы. Если он захочет забрать дочь, она ничего не сможет сделать. А теперь еще и эти предательские чувства, эта глупая, неконтролируемая ревность, которая вспыхивала каждый раз, когда она видела его рядом с другой женщиной... Нет, она просто не выдержит. Ей нужно бежать.

На десятый день с момента приезда Марины, Алина, бледная от хронической бессонницы, заперлась в пустой переговорной и набрала номер босса.

— Илья Александрович, это Алина.

— Да, Логинова. Как успехи? Вы там вдвоем горы свернули?

— Марина полностью вошла в курс дела, она закрывает весь технический контур, — голос Алины был тихим, но предельно ровным. — Илья Александрович, мне нужно вернуться. Прямо сейчас. Марина справится, я ручаюсь за ее компетенцию. Осталась только финальная отладка, я могу курировать это удаленно из Москвы.

— Так, стоп, — голос шефа стал жестким. — Ты руководитель проекта. Что за спешка? Мы так не договаривались. В чем дело?

Алина зажмурилась, прижимая холодный пластик телефона к уху. Придумывать такую причину было жутко, но сказать правду она не могла.

— Это личные обстоятельства. Воздух здесь... совершенно не подходит дочери. Тяжелая акклиматизация, постоянные аллергии. Я не могу больше рисковать ее здоровьем. Марина всё вытянет, процесс отлажен как часы.

В трубке повисло тяжелое, недовольное молчание. Через минуту шеф шумно выдохнул: — Ладно. Семья есть семья. Возвращайся. Но ты же понимаешь последствия, Логинова? Твоя зарплата возвращается к прежнему объему. И премия за этот проект будет существенно урезана. Часть заберет Марина, раз она доводит сделку до конца.

— Я понимаю, — ответила Алина, глядя в серое петербургское окно. — Я согласна.

— Тогда оформляй передачу дел. Жду тебя в московском офисе.

Алина опустила телефон на стол. Глаза щипало от усталости, но внутри разливалось странное спокойствие. Всё решено. Осталось только собрать вещи и уехать из этого города, который уже во второй раз вывернул ее наизнанку.

Передача полномочий заняла два дня. Когда Алина официально объявила о своем отъезде и передала доступы от главного сервера, Марина даже не попыталась скрыть торжествующую улыбку.

— Не переживай, Логинова, — пропела она, забирая из рук Алины толстую папку с финальными протоколами. — Я здесь всё проконтролирую. И интеграцию, и инвесторов. Можешь спокойно ехать домой.

Алина проигнорировала шпильку. Она действовала на автомате, подчиняясь одному-единственному инстинкту — инстинкту самосохранения. Забрать вещи из офиса, сдать ключи от арендованной квартиры. Забрать Соню из садика, сказав воспитателям, что они срочно уезжают по семейным обстоятельствам.

Вечером того же дня они сидели в креслах «Сапсана». За окном в темноте мелькали огни станций, унося их всё дальше от Петербурга. Соня, уставшая от суматохи сборов, тихо спала, положив голову Алине на плечо. Только когда поезд прибыл на Ленинградский вокзал, и они переступили порог своей московской квартиры, Алина позволила себе закрыть глаза и выдохнуть.

Она прислонилась спиной к прохладной двери. Всё закончилось. Они в безопасности, на своей территории. Марк остался в Петербурге, в своей стеклянной башне, в компании торжествующей Марины, и больше никогда не пересечет границу ее жизни.

Каким бы собранным, выверенным и привыкшим просчитывать всё на несколько ходов вперед ни был человек, в глубине души он всегда остается всего лишь человеком. Со своими слабостями, глухими страхами и абсолютно нелогичными порывами. Иногда первобытная паника берет верх над холодным разумом и гонит нас вперед, ослепляя настолько, что мы совершаем ошибку за ошибкой, в упор не замечая очевидных последствий, которые неизбежно повлекут за собой наши действия. Так произошло и с Алиной. Она бежала, наивно полагая, что стоит ей только исчезнуть с глаз, как Марк тут же забудет о ней — точно так же, как забыл на эти долгие шесть лет. Ее поспешный, сумбурный побег из Петербурга был продиктован чистыми эмоциями, и теперь, в оглушающей тишине московской квартиры, всё отчетливее казался самой грандиозной и непоправимой ее ошибкой. Вот только мосты были сожжены, и пути назад уже не было.

В ту ночь Алина впервые за несколько недель уснула глубоким сном, не подозревая о том, что это облегчение было лишь иллюзией, а запущенный ею механизм уже начал обратный отсчет.

Глава 15. Тень сомнения

На несколько дней Марк был вынужден полностью выключиться из процессов «Норд-Базиса». Его собственный холдинг «Северный Альянс» требовал безотлагательного контроля: тяжелые переговоры, крупный бизнес-форум, встречи с ключевыми подрядчиками, среди которых начались какие-то финансовые волнения. Требовалось его личное присутствие, чтобы удержать ситуацию в железных рамках.

В те редкие дни, когда ему всё же удавалось на короткое время заехать в офис «Норд-Базиса», он видел Алину. Он замечал ее бледность, темные круги под глазами и натянутую как струна нервозность, которая исходила от нее даже на расстоянии. Но подходить не стал. В памяти слишком живо отпечатались их последний разговор, когда она буквально осадила его, выстроив между ними глухую стену. Марк не хотел нервировать ее еще больше. Что-то в ее поведении казалось ему неправильным, дерганным, но как вывести ее на откровенный разговор? Или, может, стоило просто развернуться и окончательно оставить ее в покое? Ну не хочет она быть с ним даже друзьями, ладно. Навязываться ему тоже совершенно не хотелось. Какие бы сложные, глубокие эмоции она в нем ни вызывала, хотелось бы, чтобы это было взаимно.

Взаимно... Марк горько усмехнулся своим мыслям. Ирония судьбы заключалась в том, что шесть лет назад ее отчаянная, искренняя привязанность взаимной не была. Он сам всё разрушил. Но от одной только мысли, что она так и будет до конца жизни считать его врагом, почему-то становилось физически больно.

В понедельник утром он наконец-то вернулся в «Норд-Базис»

Едва он успел пройти через холл, как на горизонте снова нарисовалась прилипчивая Марина. Марк до сих пор так и не понял, зачем вообще понадобилось вызывать ее из Москвы в помощь командированной группе, но состав команды подрядчиков был не в его компетенции. «Quantum Systems» решали эти вопросы самостоятельно, результаты выдавали отличные, поэтому претензий никто из руководства «Норд-Базиса», и тем более Марк не предъявлял.

— Марк Анатольевич! — Марина лучезарно улыбнулась, преграждая ему путь к кабинету. — Почему вы так редко к нам заходите? У меня накопилась масса вопросов, которые просто необходимо с вами обсудить. Виктор Павлович сказал, что финальное решение всё равно за вами.

Марк чуть нахмурился, смерив ее холодным взглядом.

— Вам обсудить? А как же Алина Витальевна? Вроде бы она является руководителем проекта, и все согласования идут через нее.

Марина театрально всплеснула руками, округлив глаза: — Ой, а вы же еще не знаете! Вас же не было в конце недели. Алина передала все полномочия мне и уехала.

Марк замер. В груди что-то тяжело ухнуло вниз. — Как уехала? Почему?

— Ну, это они там сами с шефом обсудили и решили, я в подробности не вникала, — Марина кокетливо повела плечом. — Но поверьте, Марк Анатольевич, я сделаю всё в лучшем виде, проект в надежных руках.

Марк стоял, оглушенный этой информацией. Да, кадровая политика не его компетенция, но, черт возьми, как главный инвестор, он имел право хотя бы на то, чтобы его предупредили о смене? Марина продолжала что-то щебетать про интерфейсы и архивы, но он ее уже не слышал. Резко развернувшись, Марк, не сказав ей ни слова, направился к своему кабинету.

Проходя мимо приемной, он бросил секретарю на ходу:

— Срочно соедини меня с гендиректором «Quantum Systems».

Он зашел в кабинет, закрыл за собой дверь и тяжело опустился в кожаное кресло. Внутри ворочалось густое, темное предчувствие. Какое-то сосущее, беспокойное чувство тревоги. Уехала... Сбежала?

На столе пискнул аппарат внутренней связи. — Марк Анатольевич, Илья Александрович на линии, — отчеканил голос секретаря.

Марк снял трубку. — Илья Александрович, приветствую.

Они обменялись дежурными деловыми фразами, обсудили текущую стадию интеграции, и Марк, выдержав паузу, как бы невзначай спросил:

— Слушайте, а почему вы вдруг поменяли руководителя на финальном этапе? Алина Витальевна была вполне компетентна и справлялась с объемом.

В трубке раздался добродушный смешок босса Алины.

— Ай, Марк Анатольевич, ну вы же понимаете... У молодых мам часто бывают непредсказуемые выпады. Тем более, замена у нас тоже очень хороший спец, процесс не прервется.

Марку показалось, что он ослышался.

— У молодых мам? — эхом отозвался он. Голос прозвучал хрипло, чуждо.

— Ну да. Дочке вроде бы ваш питерский климат не подошел. Сырость, аллергия какая-то началась. Сами понимаете, ну кто я такой, чтобы идти против переживающей матери? Проект проектом, а дети — это святое.

— Переживающей матери? — Марк словно попугай повторял слова, не в силах осмыслить услышанное. Пальцы до побеления вцепились в телефонную трубку.

— Марк Анатольевич? Всё в порядке? — Илья Александрович явно уловил странную заминку.

Марку показалось, что кто-то только что с размаху долбанул его кувалдой по затылку.

— А... да. Да, всё хорошо. Я понял вас. Спасибо, Илья Александрович, — Марк заставил себя собраться. Они обменялись еще парой ничего не значащих фраз, после чего он положил трубку.

Тишина в кабинете стала оглушительной. На Марка словно обрушилась бетонная плита. Воздуха катастрофически не хватало. Он ослабил узел галстука, глядя невидящим взглядом в одну точку на полированном столе.

У нее есть дочь. Молодая мама. Дочь.

Но ведь она стояла прямо здесь, в этом самом кабинете, смотрела ему в глаза и холодным, ровным тоном заявила, что солгала тогда. Что никакой беременности не было.

Мозг, привыкший работать как швейцарские часы, лихорадочно выстраивал логические цепочки. Подожди. Ребенок мог появиться и позже. Прошло шесть лет. Она могла выйти замуж, родить от другого мужчины. Не надо рубить сплеча. Не надо поддаваться панике. Но... почему тогда она ни разу, ни единым словом не обмолвилась, что у нее есть ребенок? В корпоративном мире наличие детей — это просто факт биографии, его не скрывают как государственную тайну. Почему она молчала? И почему при упоминании о нем так панически шаралась от любого неформального общения?

Что она скрывает? Кого она скрывает?

Марк рывком достал из внутреннего кармана пиджака мобильник и набрал прямой номер начальника своей службы безопасности. Гудок длился всего секунду.

— Да, Марк Анатольевич.

— Сергей, — в голосе Марка не осталось ни капли эмоций, только холодный приказ. — К завтрашнему утру у меня на столе должна лежать полная информация на Логинову Алину Витальевну. Менеджер «Quantum Systems». Полное досье, Сергей. Место жительства, семейное положение, карьера... всё. Рой как хочешь и где хочешь, но к восьми утра папка должна быть у меня.

— Понял, Марк Анатольевич. Сделаем.

Марк отбросил телефон на стол, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, с силой потерев лицо ладонями.

Завтра. Всё будет понятно завтра.

Глава 16. Сухие факты

Тяжелый, вязкий рой мыслей не давал Марку уснуть всю ночь. Он ворочался в темноте своей спальни, раз за разом прокручивая в голове тот короткий телефонный разговор с боссом Алины. Марк отчаянно гнал от себя мысль о том, что дочь Алины могла быть его ребенком. Нет. Она бы сказала. Она бы не смогла так хладнокровно, глядя ему прямо в глаза, соврать о таком. Зачем ей это?

Хотя... что значит «зачем»? Она панически его боится, шарахается от любого общения, отчаянно пытается отгородить себя от него.

«Так, стоп, — приказал он сам себе, сжимая пульсирующие виски. — Сначала нужно посмотреть досье. Изучить факты, а уже потом делать выводы».

Лишь под утро он забылся тяжелым, коротким сном, но открыл глаза ровно с первым звуком будильника. Марк поднялся, встал под холодный душ, чтобы хоть как-то смыть с себя липкое оцепенение ночи, и быстро собрался.

Ровно в 08:00 он уже сидел в своем кабинете, гипнотизируя взглядом закрытую дверь.

Начальник службы безопасности зашел секунда в секунду, держа в руках плотную серую папку.

— Сами ознакомитесь или зачитать основные выжимки? — по-деловому поинтересовался Сергей, подходя к столу.

— Да ты всё там читал уже, читай давай, — глухо отозвался Марк. — Только учти, Сергей: ни единого слова из этого досье не должно выйти за пределы этого кабинета.

— Конечно, Марк Анатольевич. Это даже не обсуждается.

Сергей открыл папку и монотонным, лишенным эмоций голосом начал зачитывать строчки чужой биографии:

— Логинова Алина Витальевна. Родилась в 1999 году в Санкт-Петербурге, в семье бизнесмена Логинова Виталия Алексеевича. Отец погиб в 2010 году. После его смерти практически всё имущество было разделено между кредиторами. Мать, Логинова Маргарита Александровна, сумела сохранить лишь небольшую часть активов, а в 2017 году повторно вышла замуж. На данный момент в жизни дочери участия практически не принимает.

— Сергей, ближе к делу, — Марк раздраженно и нетерпеливо барабанил пальцами по столешнице.

— Перехожу к главному. Алина Витальевна в 2016 году, в возрасте семнадцати лет, переехала в Москву, поступила на первый курс факультета ВМК — вычислительной математики и кибернетики МГУ. Закончила факультет с красным дипломом в 2020 году. В том же 2020 году, в апреле... родила дочь.

Пальцы Марка замерли в воздухе. Внутри всё оборвалось. Апрель 2020-го. Идеальное попадание. Математика сошлась с убийственной точностью.

— В браке не состоит и никогда не была, — невозмутимо продолжал Сергей. — На данный момент, с 2023 года, работает в «Quantum Systems» руководителем проектов. На очень хорошем счету, карьерный рост быстрый. До 2023 года была фрилансером, имеет крайне внушительное портфолио. В собственности имеет квартиру в Москве по адресу...

— Сергей, — голос Марка сел, превратившись в надтреснутый, сдавленный хрип. — О дочери прочти...

Начальник службы безопасности перелистнул страницу. — Дочь. Логинова София Марковна. Пять с половиной лет. Посещает частный детский сад...

— Марковна... — едва слышно выдохнул Марк.

Слово повисло в воздухе тяжелым, раскаленным свинцом. София Марковна.

Он медленно оперся локтями о стол и закрыл лицо руками, словно пытаясь спрятаться от той лавины, которая только что с оглушительным грохотом обрушилась на него, раздавив все сомнения.

— Выйди, Сергей, — бросил он из-под ладоней. — Оставь папку и выйди. Продолжим чуть позже.

Щелкнул замок закрывшейся двери. Марк остался один в звенящей тишине огромного кабинета. Несколько минут он сидел неподвижно, задыхаясь от нахлынувших эмоций. Затем медленно отнял руки от лица и придвинул к себе серую папку.

Дрожащими пальцами он открыл ее. На первой странице была прикреплена сухая офисная справка, а под ней — несколько распечатанных фотографий, явно добытых СБ из каких-то баз данных или уличных камер. А вот и качественные фото, скорее всего из социальных сетей.

На одном из снимков Алина держала за руку девочку в ярком плаще. Марк впился взглядом в лицо ребенка. Дыхание перехватило от болезненного спазма, намертво сковавшего грудную клетку. Сомнений больше не оставалось. На него смотрели его собственные серо-зеленые глаза. Тот же упрямый изгиб бровей, тот же серьезный, недетский взгляд. Это была его дочь. Девочка, которая дышала, росла, смеялась и плакала где-то там, в Москве, пока он утопал в собственном цинизме, а потом в собственном горе.

Картинка сложилась окончательно. Кровь зашумела в ушах. Почти шесть лет. Алина украла у него шесть лет жизни его собственного ребенка. Первые шаги, первые слова, каждый день рождения. Вычеркнула, стерла его права, а потом стояла здесь, в этом самом кабинете, смотрела ему прямо в глаза и хладнокровно лгала, что это был просто спектакль. Желание немедленно сорваться в Москву, разнести всё в щепки и вытрясти из нее душу за этот чудовищный обман ударило в голову адреналиновым штормом.

Но стоило этому гневу вспыхнуть, как он тут же с размаху разбился о безжалостную, уродливую правду. Правду о нем самом.

Какое право он имеет ее обвинять? Память услужливо, слово за словом, подкинула ему тот давний телефонный разговор. *«Нагло врешь»*. *«Не женюсь»*. *«Только после ДНК-теста»*. Марк с силой сжал челюсти, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота от отвращения к самому себе. Он сам ее оттолкнул. Он швырнул ее чувства в грязь, наорал, обвинил в дешевой манипуляции и пустил всё на самотек, даже не попытавшись разобраться. Оставил двадцатилетнюю девчонку одну, без поддержки, с младенцем на руках. Она не украла у него дочь — он сам от них отказался. И ее ложь в его кабинете была глухой, панической самообороной от человека, который однажды уже уничтожил ее мир.

Следом, пробивая эту смесь из ярости и вины насквозь, пришло другое. Страшное, почти парализующее осознание.

Перед глазами Марка внезапно вспыхнул искореженный металл на трассе. Он вспомнил ту невыносимую, выжигающую пустоту больничной палаты, когда следователь сказал ему о беременности Веры. Он тогда думал, что лишился всего, что проклят и обречен на абсолютное, стерильное одиночество до конца своих дней. А оказалось... оказалось, что всё это время, пока он выл от боли по ночам и желал себе смерти, где-то в Москве дышала, росла, бегала и смеялась часть его самого. Живая. Настоящая. Его плоть и кровь. Ребенок, которого он чудом не потерял навсегда из-за собственной самонадеянности и гордыни.

Эта гремучая смесь из глухого гнева, оглушающей вины и отчаянного, звериного отцовского инстинкта разорвала Марка изнутри. Его колотило. Он смотрел на фотографию девочки, жадно впитывая каждую черточку, не в силах отвести взгляд. Слеза, горячая и злая, скатилась по его щеке, но Марк даже не стер ее. Он аккуратно, почти благоговейно провел большим пальцем по лицу девочки на глянцевой бумаге.

— София, — хрипло прошептал Марк в звенящую пустоту кабинета.

Глава 17. Троянский конь

Следующие сорок восемь часов Марк функционировал с эффективностью отлаженного механизма, потому что, если бы он позволил себе остановиться и задуматься, эмоции просто разорвали бы его на части. Ярость на ложь Алины улеглась, уступив место нестерпимой потребности действовать. Ему нужно было увидеть дочь. Нужно было посмотреть на нее вживую, а не на фотографиях, услышать ее голос, поддержать за руку, поговорить. Эту ломку можно было сравнить с наркотической, так она корежила его изнутри, не давая ни спать, ни нормально дышать.

Он перечитал досье, собранное службой безопасности, до последней запятой. Адреса, график работы Алины, автомобиль, окружение, друзья, прикрепление к поликлинике, и главное — детский сад. Частное элитное учреждение на северо-западе Москвы. Алина пахла как проклятая, чтобы дать ребенку всё лучшее, и это вызывало у Марка уважение, болезненно отдающее в стыд.

Его взгляд снова и снова возвращался к копии свидетельства о рождении. Апрель 2020 года. Самый разгар пандемии и жесткого локдауна. Весь мир тогда погрузился в хаос и панику, улицы опустели, а она, совсем юная, двадцатилетняя девчонка осталась совершенно одна. В закрытом роддоме, без поддержки, без семьи рядом. И в графе «отец» стоял зияющий прочерк. Прочерк, который он выбил там собственными словами. От этого осознания горло перехватывало так, что становилось физически больно глотать. Марк до скрипа сжал челюсти. Но сейчас, в первую очередь, его интересовало другое: ему нужно было придумать, как подобраться к ним, не разрушив всё окончательно.

Марк коснулся кнопки на панели внутренней связи. — Елену ко мне. Срочно.

Глава PR-департамента «Северного Альянса» появилась в кабинете через три минуты. Собранная, с блокнотом в руках, она сразу поняла по напряженному взгляду шефа: предстоит что-то нестандартное.

— Елена, наш благотворительный фонд, — Марк откинулся в кресле, устало потерев переносицу. — Мне нужна спонсорская программа. Прямо сейчас. Внедрение IT-технологий и робототехники в детские сады. Выбираешь один пилотный проект в Москве. Частный детский сад «Академия детства», адрес детского сада я тебе скину на почту.

Елена быстро записала название, чуть нахмурившись. — Частный? Обычно мы спонсируем государственные учреждения, это лучше работает на имидж, к тому же они больше нуждаются в спонсорской поддержке...

— Елена, я тебе назвал конкретный детский сад, что непонятного? Меня сейчас меньше всего интересует имидж, — глухо перебил Марк. — Связываешься с заведующей, предлагаешь им полностью оборудовать интерактивный класс. Закупаем компьютеры, развивающие конструкторы, смарт-экраны, мебель ко всему этому... Что там еще надо, сама смотри. Бюджет не ограничен. Выдай им сумму, от которой они не смогут отказаться.

— Поняла. Сроки?

— Вчера, Елена. И есть одно жесткое условие, — Марк подался вперед, сцепив руки в замок. — Официальное открытие класса должно состояться в эту пятницу. С праздником для детей, аниматорами и обязательным присутствием родителей. Я буду открывать его лично. Красная ленточка, торт, все как положено.

Елена профессионально кивнула, хотя в ее глазах мелькнуло искреннее недоумение. Президент холдинга лично летит в Москву открывать компьютерный класс в обычном детском саду? Да еще и с такими безумными сроками.

— Марк Анатольевич, за три дня сделать ремонт и поставить оборудование... Подрядчики взвоют.

— Реши этот вопрос, — отрезал Марк, и в его голосе прозвучал такой металл, что Елена невольно выпрямилась. — Пусть работают круглосуточно. В пятницу утром класс должен сверкать. Я не ограничил тебя в бюджете! Еще вопросы?

Задавать вопросы она не стала, во избежание новых вспышек недовольства: — Всё будет сделано, Марк Анатольевич.

Когда дверь за ней закрылась, Марк тяжело выдохнул и перевел взгляд на панорамное окно.

Он понимал, что поступает как манипулятор. Классический Троянский конь. Но другого выхода Алина ему просто не оставила. Он знал: если он просто заявится к ее дому или перехватит у работы, она впадет в панику. Начнет защищаться, схватит ребенка, попытается сбежать или вызовет полицию. Она увидит в нем врага, подумает, что он пришел разрушить их мирок, забрать дочь... да мало ли что испуганная мать может себе надумать. София может испугаться, а Марк до дрожи в руках не хотел пугать дочь при первой же встрече. И тем более не хотел, чтобы Алина смотрела на него как на угрозу.

Поэтому детский сад был идеальной площадкой. Публичное, торжественное мероприятие, толпа родителей, воспитатели, праздник. В такой обстановке Алина не сможет поддаться панике и закатить скандал, а значит, у него будет хотя бы несколько минут, чтобы посмотреть дочери в глаза и поговорить с Алиной без криков и истерик. Это был шаг отчаяния отца, которому нужно было подобраться к своему ребенку по минному полю.

Следующие три дня превратились в логистический марш-бросок. Заведующая «Академии детства», ослепленная свалившимися на нее деньгами, была готова на всё. Класс оборудовали в рекордные сроки, московские подрядчики Марка работали круглосуточно, вылизывая каждый квадратный метр. Родителям разослали приглашения на торжественный утренник, сопроводив их пометкой о крайне важном событии для будущего их детей. Марк лично контролировал каждый этап, изводя Елену звонками.

В четверг вечером Марк вылетел в столицу.

Сидя в кресле бизнес-джета, он смотрел на темное небо за иллюминатором. В салоне стояла идеальная тишина, прерываемая лишь ровным гулом двигателей. Вокруг него была роскошь, к которой он привык, атрибуты абсолютной власти и успеха, но сейчас он чувствовал себя не всемогущим президентом холдинга, а человеком, который стоит на краю пропасти.

На столике перед ним лежала та самая распечатанная фотография из досье. Девочка с его глазами в ярком плаще. Марк вглядывался в фото, пытаясь угадать: какой у нее голос? На кого она больше похожа характером? Любит ли она сладкое, боится ли темноты? То, что он не знал о собственном ребенке таких простых, базовых вещей, жгло изнутри раскаленным свинцом.

В груди ворочалось тяжелое чувство вины перед Алиной за то, что он вынужден загонять ее в угол. Но выбора не было.

«Прости меня, Алина, — мысленно произнес он, глядя на фотографию дочери. — Прости за то, что я собираюсь сделать. Но я не могу потерять ее во второй раз».

Глава 18. Глаза в глаза

Актный зал частного детского сада «Академия детства» гудел, как растревоженный улей. Пространство, еще на прошлой неделе выглядевшее как стандартный музыкальный зал с рядами маленьких стульчиков и пианино, теперь напоминало выставку передовых технологий. Вдоль стен мерцали смарт-экраны, привычную детскую сцену заменили на современный интерактивный подиум с подсветкой, а в углах высились коробки с дорогими робототехническими конструкторами.

Нарядные родители, сбившись в небольшие группы, взволнованно перешептывались, бросая оценивающие взгляды на сцену.

— Вы слышали сумму? — округлив глаза, тихо говорила эффектная блондинка. — Мой муж прикинул стоимость этих смарт-панелей и всего остального... Спонсор явно просто швыряется деньгами.

— А кто спонсор? Говорили, сам президент холдинга прилетел.

— Вон тот мужчина, рядом с заведующей, в темно-сером костюме.

Марк действительно стоял у сцены, вежливо кивая на нескончаемый поток благодарностей от Марии Ивановны. Внешне он был безупречен: идеальная осанка, холодное спокойствие, легкая, дежурная полуулыбка. Никто из присутствующих не догадывался, что внутри у него всё сжалось в пульсирующий комок нервов. Его взгляд, сканирующий зал поверх голов, не задерживался ни на новом оборудовании, ни на родителях, он искал только одно лицо.

И вдруг он увидел ее.

Девочка в темно-синем бархатном платье с белым воротничком стояла у стола и с серьезным видом водила стилусом по огромному интерактивному глобусу, который при нажатии рассказывал факты о континентах. У Марка перехватило дыхание. Вживую она оказалась еще больше похожа на него. Те же темные волосы, тот же упрямый, изучающий прищур серо-зеленых глаз, та же линия подбородка.

— Извините, Мария Ивановна, мне хотелось бы пройти, поговорить с детьми.

Он плавно отделился от заведующей и пересек зал, остановившись рядом с девочкой.

— Привет, — его всегда обычно собранный и командный голос, сейчас прозвучал непривычно глухо.

Девочка оторвала взгляд от глобуса и посмотрела прямо на него.

— Здравствуйте, — вежливо ответила она тоненьким, чистым голоском.

— Нравится?

— Очень, — кивнула она, серьезно глядя ему в глаза. — Здесь столько всего нового. Нам сказали, что это подарок.

— Верно. Меня, кстати, Марк зовут, — он чуть склонил голову, чувствуя, как колотится сердце под ребрами.

Девочка вдруг перестала крутить глобус и с неподдельным интересом уставилась на него.

— А я Соня. А полное имя София Марковна, — просто ответила она. И, чуть подумав, добавила: — Мама говорит, это значит, что моего папу тоже зовут Марк.

От этих слов, сказанных с детской непосредственностью, у него внутри всё перевернулось. Дыхание сбилось, а к горлу подкатил тяжелый ком. Он смотрел на нее и не мог произнести ни слова, чувствуя, как его накрывает безусловная нежность к этому ребенку.

В этот самый момент Алина, задыхаясь, влетела в холл детского сада. Пробки на Ленинградском шоссе сожрали всё ее время, а потом ей пришлось еще и искать место для парковки, так как парковка детского сада была забита под завязку. Сбросив пальто на руки дежурной нянечке, она поспешила к актовому залу, надеясь успеть хотя бы к концу официальной части.

Она приоткрыла двери именно в тот момент, когда фотограф громко скомандовал: — А теперь общее фото со спонсором! Дети, все к сцене!

Алина замерла, пытаясь отдышаться и найти глазами дочь. Она увидела, как Соня смеется, стоя в первом ряду, а сразу за ней, возвышаясь над стайкой детей, стоит высокий мужчина. Фотограф щелкнул вспышкой. Мужчина наклонился и поднял Соню на руки позируя для очередного фото. А затем, будто почувствовал что-то, повернул голову в сторону входа.

В эту же секунду, время для Алины остановилось. Воздух разом выбило из легких, словно от сильного удара под дых.

Марк. Он был здесь. Он был здесь. В детском саду ее дочери, и прямо в эту минуту он держал ее на руках

Ее парализовало первобытным ужасом, но Алина с силой впиалась ногтями в ладони, приводя себя в чувство. Желание броситься туда, вырвать Соню и бежать заставило ее дернуться вперед, но она с силой стиснула зубы. Нельзя пугать ребенка. Нельзя устраивать сцену на глазах у всех.

Она стояла у входа, прямая как струна, и ждала. Как только фотограф опустил камеру, и дети с радостным визгом бросились к столам, Алина решительно шагнула вперед.

— Соня, — позвала она, подходя ближе. Голос предательски дрогнул, но она постаралась звучать как можно мягче. — Нам пора.

Девочка обернулась и радостно бросилась к ней.

— Мама! Ты пришла! А мы уходим? — улыбка тут же сползла с ее лица. — Ну ма-а-ам! Там же сейчас будет торт! И Марк обещал показать мне, как рисовать светящимися красками на той большой доске! Пожалуйста, еще немножко!

Алина подняла взгляд. Марк стоял в двух метрах от них. В его глазах она увидела пугающую решимость отца, который пришел за своим ребенком. Их взгляды встретились в безмолвном столкновении, в котором никто не собирался уступать ни миллиметра. Алина поняла: если она сейчас силой утащит дочь, истерики не миновать, праздник для Сони будет испорчен, а Марк всё равно уже никуда не исчезнет.

Она медленно выдохнула, сдаваясь ради дочери.

— Хорошо. Еще полчаса.

Соня радостно пискнула и убежала к аниматорам, которые уже начали собирать детей в круг.

Алина отошла к окну, обхватив себя руками за плечи. Ее буквально трясло от злости. Конечно, Марк все понял, она сделала ошибку, не надо было так быстро уезжать из Питера. Она поддалась панике и теперь за это расплачивается. Он человек не глупый, стоило только зародиться подозрению, как он тут же все раскопал.

Дети бегали, играла музыка, взрослые пили шампанское в зоне фуршета. Прошло минут десять, когда она услышала рядом тихие, уверенные шаги.

— Здравствуй, Алина.

Она повернула голову. Он стоял совсем близко, пахнувший дорогим парфюмом, весь такой в себе уверенный, тогда как она до сих пор не могла взять себя в руки.

— Здравствуй, Марк, — процедила она сквозь зубы, не отрывая взгляда от дочери в толпе детей. — Что за спектакль ты здесь устроил?

— Знакомлюсь с дочерью, Алина, — его голос звучал тихо, но в нем она услышала явное предупреждение. По коже Алины побежали мурашки. — Или ты думаешь, что можешь вечно ее прятать от меня?

Алина резко повернулась к нему. В ее глазах плескалась неприкрытая ненависть. — Держись от нас подальше, Марк. Свое право быть ее отцом ты потерял шесть лет назад!

Челюсти Марка сжались так, что на скулах заиграли желваки, но внешне он остался неподвижен. Он чуть наклонился к ней, так, чтобы их слышала только она. — Спектакль закончился, Алина. Я приеду к вам вечером, нам нужно поговорить. Во сколько Соня засыпает?

— Мне не о чем с тобой разговаривать, — прошипела Алина словно дикая кошка, защищающая свое потомство.

— Либо мы поговорим сегодня вечером в твоей квартире, тихо и без свидетелей, — чеканя каждое слово, произнес Марк, глядя ей прямо в глаза, — либо мне придется придумать другой способ. Ты знаешь, что я не отступлюсь.

Он смотрел на нее тяжелым, пронзительным взглядом, он принял окончательное решение, и теперь ничто не могло его остановить.

Алина отвернулась к окну, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Внутри всё кипело от ярости и бессилия.

— Я понимаю, что сейчас выгляжу, как монстр, ты злишься и имеешь на это право. Но я не хочу быть тебе врагом, Алина. Ради дочери, давай попробуем поговорить нормально, как взрослые люди. — Марк не отводил взгляда от Алины, ожидая ее решения.

— Хорошо. В десять вечера.

Марк кивнул, развернулся и направился к заведующей. Троянский конь сработал.

Оставшееся время превратилось для Алины в изощренную пытку. Она машинально кивала знакомым, наблюдала, как Соня ест торт, но мысли лихорадочно металась в голове, она искала выход и не находила. Праздник наконец завершился. Алина одела дочь, сухо попрощалась с воспитателями и вышла на улицу в серый, промозглый московский вечер.

Подойдя к своей машине, она усадила Соню на заднее сиденье и механически защелкнула ремни детского кресла. Девочка всё еще увлеченно щебетала о чудесном спонсоре Марке и светящихся рыбках.

Алина захлопнула дверцу, села за руль и вцепилась в кожаную оплетку так, что побелели костяшки пальцев. Она смотрела сквозь лобовое стекло на проносящиеся мимо огни вечерней Москвы, чувствуя, как по спине ползет ледяной холод.

«Он придет в десять, — стучало у нее в висках. — Что же теперь будет?»

Глава 19. Вскрытые раны

Ровно в десять часов вечера, минута в минуту, в дверь позвонили. Словно за дверью кто-то стоял и отсчитывал секунды, чтобы позвонить ровно в назначенное время. Звонок был коротким, но Алине показалось, что он прозвучал как гром среди ясного неба.

Она стояла в коридоре, прислонившись спиной к стене, и несколько секунд просто дышала. Соня уснула полчаса назад, вымотанная насыщенным днем. Квартира погрузилась в тишину.

Собравшись духом и настроив себя на важный разговор, где она не собиралась уступать, Алина щелкнула замком и распахнула дверь.

Марк шагнул через порог, принося с собой запах морозного воздуха. В своем идеально скроенном пальто, стоившем, наверное, столько же, сколько её подержанная машина, он казался до нелепого чужеродным элементом в её небольшой прихожей. Он молча разулся. Алина не сказала ни слова, просто развернулась и пошла на кухню.

Проходя мимо открытой двери в гостиную, Марк вдруг замер. На стеллаже, освещенном тусклым светом ночника, стояли фоторамки. Много фоторамок.

Он сделал шаг в комнату, словно примагниченный.

Крошечный кулек с красным личиком на фоне больничной стены. Неуверенно стоящая на пухлых ножках годовалая девочка. Соня с перемазанным шоколадом лицом. Соня с первым выпавшим зубом.

Марк смотрел на эту хронологию чужой жизни, и ему казалось, что кто-то медленно, с садистским удовольствием проворачивает нож у него между ребрами. Каждое фото было ударом под дых. Он пропустил всё. Первую улыбку, первый шаг, первое слово, первый выпавший зуб, разбитые коленки, праздники. Пять лет жизни его единственного ребенка уместились в несколько глянцевых квадратов на полке. Целая жизнь, в которой его не было.

— Насмотрелся? — раздался за спиной ледяной шепот Алины. — Идем на кухню. Не смей будить её.

Марк заставил себя отвернуться от стеллажа и прошел за ней. На кухне горел только тусклый свет над плитой. Алина стояла у окна, скрестив руки на груди, словно защищаясь от невидимой угрозы. Марк тяжело опустился на стул.

— Зачем ты пришел, Марк? — процедила Алина. — Чего ты добиваешься?

— Я пришел к своей дочери, Алина.

— К своей дочери? — ее голос сорвался на крик, но она тут же зажала рот рукой, испуганно взглянув на дверь. — У тебя нет дочери! У тебя есть холдинг, акции и идеальная, выверенная жизнь, в которой нет места обманщицам, вроде меня. Это твои слова, Марк! Твои!

Она рванулась от окна и нависла над ним, впиваясь ногтями в столешницу. Глаза блески от ярости и непролитых слез.

— Да какое ты вообще имеешь право говорить мне о дочери, Марк? Ты не знаешь, каково это — оказаться одной, когда весь твой мир рушится. Апрель двадцатого. Помнишь? Локдаун. Пустые улицы, маски, перчатки. Я рожала одна, Марк! В закрытом отделении, куда никого не пускали. Мне было до одури страшно, я думала, что умру там, от боли и одиночества. А когда она родилась, и медсестра спросила, кому звонить, чтобы обрадовать папу... мне некому было звонить!

Алина захлебывалась словами, выплескивая всю ту боль, которую носила в себе шесть лет.

— Ты швыряешь миллионы на игрушки, думая, что это искупит твое предательство. Но где ты был, когда у нее резались зубы и температура была под сорок? Где ты был, когда я

работала по ночам, качая ее свободной рукой, чтобы нам было на что жить? Ты перечеркнул нас. Так имей смелость не возвращаться! Уходи, Марк!

В кухне повисла мертвая тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием Алины. Она вся дрожала, опустошенная этим взрывом.

Марк сидел неподвижно, опустив голову. Каждое ее слово попадало точно в цель, разрывая его защиту на части. Он медленно поднял на нее потемневшие глаза.

— Ты права, — его голос прозвучал глухо, надтреснуто. — Я был идиотом, Алина. Последним трусом и ублюдком. Шесть лет назад всё валилось из рук: колоссальные убытки, сорванные переговоры, я срывался на всех подряд. Но я знаю, что это не давало мне права так с тобой разговаривать.

Он сцепил руки на столе так сильно, что побелели костяшки.

— Я пытался тебе дозвониться через несколько дней, чтобы поговорить. Ты не брала трубку...

— Ты звонил? — горько усмехнулась Алина. — После того, как назвал меня лгуньей? После того, как сказал, что не собираешься жениться на мне из-за ребенка? Что ты хотел услышать от меня через несколько дней?

— Не знаю, но тогда мне казалось важным поговорить и расставить точки. Ты не взяла трубку, а я... Я смалодушничал. Спрятался за работой, зарылся в проблемы холдинга и даже не попытался узнать, что с тобой случилось. Решил, что так будет лучше для всех.

Он посмотрел прямо ей в глаза, и Алина с удивлением увидела в них бездонную, мертвую пустоту.

— Но я знаю, что такое остаться одному, Алина. Знаю... Жизнь уже сурово меня наказала. Проехалась по мне катком, забрав тех, кто был мне дорог. И всё это время я не понимал, зачем до сих пор живу на свете, пока не узнал, что у меня есть дочь.

— Ты бросил нас, Марк. Тебе не нужна была дочь тогда...

— Алина, прошлого не вернуть, — перебил её Марк. — Я осознаю свою вину, я понимаю, что сделал тебе больно и я каждую секунду своей жизни сожалею об этом. Но всё еще можно исправить, Алина. Прошу тебя, не дай мне потерять и её тоже...

Алина замерла. Вся ее ярость, которая только что требовала крови, внезапно натолкнулась на бетонную стену чужой, невыносимой трагедии.

Марк помолчал минуту, как будто обдумывая, стоит ли говорить, а потом тихо сказал:

— После их смерти я многое пересмотрел... я понял, каким был ублюдком. У меня вообще не осталось смысла жить. Я просто существовал по инерции. Пустой, ходячий труп. Наверное, я всё это заслужил и...

— Их? — Алине показалось, что она ослышалась.

Марк закрыл лицо ладонями и растёр лицо.

— Я бы мог стать отцом, но этому ребенку не суждено было родиться. Ты наверняка слышала уже эту историю, в офисе её не обсуждал только ленивый... Но речь сейчас не об этом. Я не хочу вызывать у тебя жалость, я хочу, чтобы ты услышала меня.

Марк глубоко вздохнул, а затем подался вперед, его голос зазвучал тверже:

— Алина, я не прошу тебя возвращаться ко мне. Я понимаю, что сейчас между нами вряд ли возможны какие-то отношения... хотя, признаться, ты мне очень нравишься и всегда нравилась. Но ради Сони... давай попробуем общаться нормально. Я больше не совершу ошибку. Я выгрызу себе право быть рядом с дочерью любой ценой, как бы тяжело это ни было и во сколько бы мне это ни обошлось. Не заставляй меня воевать с тобой за неё, Алина. Я не хочу этого.

Марк пристально посмотрел на Алину. Она плакала. Слезы медленно катились по её щекам.

Он осторожно встал из-за стола, подошел к ней и нежным движением вытер непрерывно текущие слёзы.

— Не плачь, прошу тебя. Спасибо тебе за то, что, несмотря на моё поведение, ты родила и вырастила её. Алина... Я сделаю всё, чтоб вы с Соней были счастливы, окружу вас заботой и любовью, я стану лучшим отцом для неё, только позволь мне быть рядом с дочерью. Подумай над моими словами, Алина. Я позвоню тебе завтра.

Когда за ним тихо закрылась входная дверь, Алина обхватила голову руками и по-настоящему, горько, в голос расплакалась. Стена, которую она так тщательно выстраивала все эти шесть лет, рухнула. И впервые за долгое время Алина позволила себе оплакать не только прошлое, но и ту жизнь, которая могла бы у них быть.

Глава 20. Контракт на отцовство

Бессонная ночь вымотала Алину до предела, но к утру в голове прояснилось. Холодный рассудок наконец-то взял верх над паникой.

Сидя на кухне с остывшей чашкой кофе, она прокручивала в голове вчерашний разговор и понимала одну простую истину: от Марка больше не отвяжешься. Он ясно дал понять, что исчезать никуда не собирается и, если надо, пойдет до конца, чтобы получить право называться отцом Сони не только номинально, но и юридически.

Мысль о том, что она сможет годами воевать с ним в судах, была смешной иллюзией. С его деньгами, целым департаментом юристов и связями всё решится за пару месяцев, и суд встанет на сторону влиятельного, богатого отца. В этом она была уверена так же, как и то, что земля круглая. Если она объявит ему войну, Марк просто закрутит гайки: оставит её без работы, подкупит опеку, задавит ресурсами. Он ведь сам сказал: «как бы тяжело это ни было и во сколько бы мне это ни обошлось». Тягаться с ним — значит заведомо проиграть и сломать психику Соне.

Конечно, Алине не хотелось так легко отступать и давать ему право общаться с дочерью, как будто бы ничего не случилось, но она понимала, что другого выхода у неё нет.

Его нельзя злить. С ним нужно договариваться.

С другой стороны, Марк изменился. Она помнила с каким трепетом он смотрел на фотографии дочери, как он сжимал кулаки от бессилия, когда говорил о смерти неродившегося ребенка. В этот момент она поймала себя на мысли, что испытывает к нему сочувствие.

Она была уверена, что Марк будет хорошим отцом, в этом не было сомнения, но это иррациональное, зудящее, непроходящее чувство... Обиды? Злости? Ревности?... Алина одернула себя, побоявшись признаться даже себе, что испытывала, когда думала о девушке, которую Марк так сильно любил и которая должна была стать его женой, но погибла вместе с ребенком под сердцем.

С мёртвыми не соревнуются. Да, господа, что за мысли?

Алина одним махом выпила остывший кофе. Стоило признаться себе, что она до сих пор испытывала к нему чувства. Какие-то непонятные, разрозненные, замешанные на всём и сразу. То раздражение, то сочувствие, то злость, то... желание провести рукой по его щеке... Да что угодно, но точно не равнодушие.

Когда около трех часов дня телефон коротко завибрировал, высветив несохраненный, но знакомый номер, она ответила сразу.

— Алина, — голос Марка звучал ровно, по-деловому сдержанно. — Нам нужно поговорить на свежую голову.

— Я согласна, — так же сухо ответила она. — Давай через час. В кофейне на углу, рядом с садиком Сони.

Кофейня встретила её запахом молотой арабики и приглушенным гулом голосов. Алина вошла ровно в назначенное время и сразу увидела его. Марк сидел за угловым столиком у панорамного окна. В темно-синем джемпере и строгом пальто, брошенном на соседний стул, он выглядел превосходно. Да что же это, почему она всегда отмечает его внешний вид?

Она села напротив. Официант бесшумно поставил перед ней чашку мокко, который, очевидно, Марк заказал заранее.

— Мокко?

— Я помню, тебе нравился. Что ты решила? — Марк не стал тратить время на светские беседы. Он смотрел на неё цепко, внимательно изучая бледное лицо и тени под глазами.

Алина обхватила горячую чашку обеими руками, чувствуя, как дрожат пальцы, но её взгляд остался твердым. — Я решила, что не буду с тобой воевать, Марк. Мы в разных весовых категориях, и я не позволю превращать жизнь моей дочери в поле боя.

Марк едва заметно выдохнул. На долю секунды в его глазах промелькнуло что-то похожее на огромное облегчение. Но Алина тут же подняла руку, останавливая его.

— Но у меня есть условия. Своеобразный контракт на отцовство. И если ты нарушишь хотя бы один пункт, я заберу её и уеду так далеко, что никакие твои связи не помогут.

Марк чуть откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Бизнесмен внутри него привычно оценил расстановку сил. — Я слушаю.

— Первое, — Алина чеканила слова, глядя ему прямо в глаза. — Всё, что ты делаешь для ребенка, согласовывается со мной. Я не запрещаю тебе покупать ей мороженое, игрушки или водить на карусели. Но любые крупные покупки, выбор кружков, секций, врачей, поездки — всё проходит через меня. Я её мать, я знаю, что для неё лучше. Ты не будешь заваливать её дорогими подарками, пытаюсь купить её любовь.

— Принимается, — коротко кивнул Марк. Это было логично, и он не собирался с этим спорить. — Что дальше?

— Второе. Знакомство будет постепенным. Ты для неё пока просто «дядя Марк». Если ты найдешь с ней общий язык, то обсудим, как скажем об отцовстве, чтобы не травмировать лишний раз. Если она к тебе потянется, то дальше уже решим, что делать. Мы живём в разных городах, Марк. И я пока не представляю себе, как ты собираешься проводить с ней время. Но учти, возить её туда-сюда по первому твоему требованию я не позволю. У Сони есть свой режим, дом и устоявшаяся жизнь. Ты не будешь выдергивать её из привычной среды просто потому, что тебе так захотелось.

На скулах Марка дрогнули желваки. Дядя Марк и ограничение во времени резанули по самолюбию, но он проглотил раздражение. Он понимал, что сейчас не в том положении, чтобы диктовать правила.

— Хорошо.

— И третье, — голос Алины стал звенящим, как натянутая струна. Она подалась вперед. — Ты не лезешь в мою жизнь. Никак. Ни в личную, ни в профессиональную. Никаких проверок через службу безопасности, никакого вмешательства в мою работу. Между нами только Соня. В остальном мы друг для друга чужие люди.

Повисла тяжелая, плотная пауза. Марк смотрел на неё, не отрывая взгляда, а потом медленно кивнул и твёрдо сказал:

— Сейчас мне нужна только моя дочь. Я согласен, с чего начнём?

Алина сделала судорожный вдох, словно перед прыжком в ледяную воду.

— В эту субботу приходи к нам домой.

Глава 21. Здравствуй, папа

По ощущениям Алины суббота наступила слишком быстро. Она с самого утра не находила себе места, в сотый раз поправляя плед на диване и переставляя чашки с места на место. Соня уже проснулась и сейчас играла в гостиной, раскидав по всей комнате свои игрушки.

Ровно в полдень раздался звонок в дверь.

Алина глубоко вдохнула, натягивая на лицо спокойную улыбку, и пошла открывать. На пороге стоял Марк. В одной руке он держал коробку с тортом, а в другой — упаковку с конструктором LEGO.

— Привет, — негромко сказал Марк.

— Привет, — ответила Алина, пытаясь скрыть нервозность, и отступила, молча пропуская его в квартиру.

Пока Марк осторожно проходил, разувался и снимал верхнюю одежду, Алина окинула его взглядом и кивнула в сторону гостиной. — Соня там.

Без привычного строгого костюма и галстука, в простых джинсах и мягком свитере, он казался непривычно домашним. Марк выглядел собранным, но в глазах читалось редкое для него напряжение. Он явно не знал, чего ждать, и был готов к любому повороту.

Соня выбежала из комнаты, замерла в коридоре и расплылась в улыбке: — О! Дядя Марк! Привет!

Марк опустился на одно колено, чтобы быть на одном уровне с дочкой, и протянул коробку: — Привет, Соня. Мама сказала, ты любишь строить. Это тебе.

— Спасибо, дядя Марк! Мам, смотри, какой огромный замок! Дядя Марк, сможешь построить?

— Конечно, только руки помою и пойдем, — улыбнулся Марк.

Следующие два часа Алина просидела в кресле с книгой в руках, наблюдая за ними со стороны. Напряжение понемногу отпускало. Марк вел себя удивительно правильно: он не пытался заигрывать с девочкой или перетягивать одеяло на себя. Он просто сидел на ковре, вытянув свои длинные ноги, методично сортируя детали LEGO по цветам, пока Соня руководила процессом.

— А эту башенку мы поставим сюда, для принцессы, — командовала она, передавая ему деталь. — Мы с мамой тоже строим, но у нас Лего маленькое. Зато теперь какое большое есть!

— Значит будете теперь с мамой строить большой замок, если мы сегодня не успеем закончить, — тепло отозвался Марк, чувствуя, как внутри разливается давно забытое тепло.

Соня вздохнула, но тут же отвлеклась на стройку замка.

— Если у мамы будет время. Мама работает по ночам, сидит за компьютером, пока я сплю, чтобы заработать денежку, — щебетала она, увлеченно скрепляя кирпичики.

Марк замер с деталькой в руке. Он медленно поднял глаза и посмотрел на Алину поверх головы дочери. В этом взгляде Алина увидела уважение и благодарность. Она смущенно перевернула лист книги и сделала вид, что читает.

— У тебя очень сильная и заботливая мама, Соня, — тихо сказал Марк, возвращаясь к строительству. — Тебе повезло с ней.

Соня гордо кивнула, а потом вдруг вскочила, бросая LEGO. — А хочешь, я покажу тебе свои рисунки?

— Конечно, неси.

Она притащила пухлую папку и начала выкладывать листы перед Марком. Он рассматривал каждый детский рисунок — кривобоких собак, фиолетовые деревья и квадратных принцесс, так внимательно, словно перед ним лежали чертежи его самого важного проекта в жизни.

— Это просто шедевры, — улыбнулся Марк, и в уголках его глаз залегли теплые морщинки. — Слушай, а можно я заберу вот этот? Повешу у себя в кабинете в самую красивую рамочку, — указал он на длинную зеленую собаку.

— Правда? Забирай! — просияла Соня, явно гордясь своим рисунком.

Алина смотрела на общение Марка с дочерью и понимала, что он действительно может стать для Сони той защитой и опорой, которую каждая девочка ищет в своем отце. И она не имела права лишать Сони этого из-за своих обид и метаний. Ребёнку нужен отец, и раз отец сам тянется к общению, то она позволит ему это.

Когда Соня уже пыталась прицепить Марку на голову свою заколку, Алина встала, отложила книгу и бодрым голосом произнесла:

— Вы пока тут доиграйте, а я приготовлю ужин.

За ужином остатки бывшего напряжения окончательно рассеялись. Они пили чай с принесенным тортом, слушали бесконечные истории Сони и говорили о каких-то совершенно незначительных, простых вещах. Алина молча наблюдала за ними поверх своей чашки и вдруг поймала себя на мысли, что со стороны они сейчас выглядят как самая настоящая семья.

Любящий, внимательный отец и абсолютно счастливая дочь.

И, как бы она ни пыталась внутренне отгородиться, ей очень нравилось это теплое ощущение уюта и правильности происходящего.

Марк тем временем смотрел на перемазанную шоколадным кремом Сонию, переводил взгляд на расслабленную, чуть задумчивую Алину и отчетливо понимал: этот тихий вечер на простой кухне в самой обычной двушке, только что стал одним из самых лучших в его жизни.

Когда за окном совсем стемнело, Марк посмотрел на часы и со вздохом произнес:

— Ну что ж, мне уже пора. А тебе, Сонечка, кажется, скоро спать.

Соня на секунду замерла, допивая сок, потом соскользнула со стула, подошла к нему и неожиданно забралась прямо на колени. Марк мгновенно напрягся, боясь пошевелиться.

Она посмотрела на него снизу вверх своими серо-зелеными, в точности как у него, глазами и спросила: — А ты мой папа?

На кухне повисла абсолютная тишина. Слышно было только, как гудит холодильник. Марк растерялся. По требованию Алины он должен был оставаться «дядей Марком». Он поднял растерянный взгляд на Алину, в котором читался немой вопрос: *«Что делать?»*

Соня перехватила его молчание по-своему. Нижняя губа у нее задрожала.

— А Сережа в садике говорит, что у меня нет папы, потому что я плохая иногда и не слушаюсь. Но это неправда! Мама сказала, что мой папа просто работает далеко. Ты же работал далеко, да?

Алина почувствовала, как к горлу подкатывает жгучий ком. Все аргументы, жесткие границы и контракты рассыпались от одного этого детского вопроса. Она медленно, через силу кивнула Марку.

Марк выдохнул так резко, будто долго не мог вдохнуть. Он неуверенно, но крепко обнял девочку, прижимая к себе.

— Неправда, Соня. Ты самая лучшая, — его голос прозвучал глухо, но в нем слышалось столько облегчения, что у Алины защемило в глазах. — Да, солнышко, я твой папа. Я действительно работал далеко, но теперь я всегда буду рядом.

Соня шмыгнула носом, недоверчиво заглянула ему в лицо, а потом своей маленькой ладошкой прикоснулась к щеке Марка и тихонько выдохнула:

— Здравствуй, папа.

Глава 22. Возвращение

Неделя в Москве пролетела слишком быстро и одновременно растянулась в странную, почти нереальную череду дней.

Марк снимал номер в тихом бизнес-отеле недалеко от квартиры Алины. Каждое утро он приезжал ровно к девяти, когда Соня уже заканчивала завтрак. Он не пытался ворваться в их устоявшийся ритм, торопить или навязывать своё время, просто ждал у подъезда, а потом проводил с дочерью несколько часов. Они гуляли в парке, играли в игровой комнате, бродили в большом книжном, где Соня часами выбирала новые тома про динозавров и принцесс.

Соня буквально расцветала на глазах. Осознание того, что у нее теперь есть собственный, настоящий, осязаемый папа, который носит ее на плечах и слушает ее истории, сделало ее абсолютно счастливой. Глаза светились, голос стал громче, она перестала осторожничать и начала таскать его за руку, требуя катать её на качелях «ещё выше» и покупать «вот эту розовую штуку, которая светится». Марк слушал, кивал, выполнял. Иногда ловил на себе настороженный взгляд Алины, словно она всё ещё ждала, когда он совершит ошибку и подтвердит все её худшие опасения.

Он не совершал и не совершит. Не теперь.

Алина видела, как Соня расцветает рядом с Марком. Видела, как девочка впервые за свою жизнь чувствует себя «нормальной» — у неё есть папа. И это одновременно радовало её и пугало до дрожи. Она понимала, что Марк получает власть над ними обоими и боялась, что что-то может пойти не так. Она уже однажды видела, на что способен этот человек, когда чувствует угрозу своему контролю.

По вечерам, когда Соня уже спала, они почти не разговаривали. Алина вежливо благодарила, Марк кивал и уезжал. Между ними по-прежнему висела та самая стена, которую она возвела. Марк не пытался её разрушить. Время еще не пришло. Марк не знал, настанет ли оно когда-нибудь, но в глубине души надеялся, что рано или поздно Алина оттаит и он попытается подобраться к ней поближе.

Но на восьмой день всё изменилось.

Утром Марк приехал как обычно, но вместо парка предложил просто посидеть в кафе во дворе. Соня увлечённо рисовала на салфетке, а он, глядя куда-то поверх чашки, тихо сказал:

— Мне нужно возвращаться в Питер.

Алина подняла на Марка глаза, в них мелькнуло что-то вроде разочарования.

— Я понимаю.

— Проект в «Норд-Базисе» начал сыпаться, — продолжил он. — Сроки не соблюдаются, появились ошибки. Марина старается, но архитектура, которую ты выстраивала, даёт сбои. Виктор Павлович уже звонил дважды. Если мы не вернём контроль в ближайшие дни, сроки сорвутся, и контракт встанет под угрозу.

Он помолчал, глядя на дочь, которая сосредоточенно выводила оранжевого динозавра.

Алина напряглась, ей вовсе не улыбалось, что проект, который она вела с самого начала, закончится срывом контракта. Тогда ей не видать даже мизерной премии. Но это странно, Марина — настоящий профессионал, и просто так слить проект она не может.

— Марк, честно говоря, я не хотела бы возвращаться в Питер...

— Я прошу тебя вернуться и довести работу до конца. Ты лучше всех знаешь систему. Как профессионала прошу, назови свою цену, любые условия.

Алина молчала. Внутри всё сжалось в привычный тугой узел. Петербург. Тот же город, те же улицы, тот же человек, от которого она уже дважды пыталась убежать. Одна мысль о возвращении вызывала почти физическое отторжение.

Конечно, она могла отказать, назвать любую причину, сказать, что Марина справится, что у неё свои проекты в Москве, что Соне вреден питерский климат. Всё это было бы удобными отговорками. Но правда была в том, что Соня уже привыкла. Девочка впервые за пять лет перестала быть «той, у которой нет папы». И Алина слишком хорошо помнила, каково это — чувствовать себя неправильной.

Бежать дальше означало снова сделать дочь заложницей своей боли. Остаться — означало добровольно впустить Марка в свою жизнь гораздо глубже, чем она была готова. Оба варианта казались поражением.

Алина медленно выдохнула и подняла глаза на Марка.

— Я согласна, — сказала она наконец. Алина постаралась, чтоб голос звучал ровно, хотя волнение все же присутствовало. — Но только работа, Марк. В офисе я твой сотрудник, ты мой босс. Никаких поблажек, слухов и смешения ролей. Мне бы не хотелось, чтоб в офисе обсуждали нас и дочь.

Марк кивнул.

— Принято.

Он сделал паузу, потом добавил спокойно, почти буднично:

— Можете жить у меня. В квартире достаточно места. Соне будет удобно, и мне не придётся каждый раз ездить через весь город к вам.

Алина посмотрела на него так, будто он предложил ей прыгнуть с крыши.

— Нет. Никакого совместного проживания. Это уже перебор, у нас вроде был уговор, Марк.

Марк не стал спорить, лишь примирительно поднял руки

— Понял. Тогда я сниму вам квартиру поближе к офису. Чтобы тебе было удобно добираться, а Соне до садика.

— Я сама могу снять, — тут же ответила Алина. — У меня есть деньги. И привычка решать свои вопросы самостоятельно.

Он смотрел на неё долго. В серо-зелёных глазах читалась какая-то усталая обреченность.

— Алина. Позволь мне помочь хоть в этой малости. Как отцу, который хочет, чтобы его дочери было комфортно, пока она в чужом городе. Это же не нарушение нашего контракта, это просто... крыша над головой на пару месяцев, пока проект не закончится.

Она хотела отказать, слова уже крутились на языке. Но Соня вдруг подняла голову и спросила:

— Мам, а мы снова полетим на самолёте? Можно я возьму розового единорога?

Алина посмотрела на дочь, потом на Марка. И, тихо вздохнув, произнесла:

— Ладно. Снимай.

Марк лишь коротко кивнул.

Через три дня они приехали в Санкт-Петербург.

Квартиру секретарь Марка нашёл за день. Новый жилой комплекс на Васильевском, пятнадцать минут до офиса «Норд-Базиса», десять до хорошего частного сада, куда Соне уже подтвердили место.

Когда Алина впервые переступила порог, она остановилась в прихожей.

Просторная трёхкомнатная квартира с большим холлом, объединённым с кухней. Светлая, сделанная под ключ. В спальне Сони стояла кровать с розовым балдахином, стеллажи уже были заполнены книгами и конструкторами, на стене висела огромная карта мира с магнитными флажками.

Алина медленно прошла по комнатам и остановилась у двери в третью спальню.

— Три спальни? — спросила она, не оборачиваясь.

Марк стоял у окна, глядя на серое петербургское небо.

— Ну... мало ли. Вдруг подруга-няня приедет пожить. Или я захочу иногда остаться с дочкой на выходных. Чтобы каждый раз не ехать по пробкам через весь город.

Он сказал это так спокойно, почти без интонаций, как будто это было само собой разумеющимся. Но Алина слышала все подтексты.

Она долго смотрела на него нечитаемым взглядом, а потом едва заметно кивнула и пошла распаковывать вещи. Она снова дала ему пространство для манёвров, снова сделала себя уязвимой.

А Марк смотрел ей вслед и понимал: стена всё ещё на месте, но первые трещины в ней уже есть. Она разрешила иногда оставаться здесь, с ними. И он был готов ждать, сколько потребуется, чтобы эти трещины стали дверью.

Глава 23. Удар исподтишка

Возвращение Алины в кресло руководителя проекта началось совсем не так, как она себе представляла. Офис встретил её с настороженностью и тихим, ядовитым перешёптыванием.

Ещё по пути к кабинету она спиной чувствовала липкие взгляды. За стеклянными перегородками работа замирала. Люди делали вид, что смотрят в мониторы, но глаза следили за ней. Слухи разлетались со скоростью света.

«Приехала на всё готовое...»

«Говорят, Соколов ей лично квартиру снял...»

«У неё от него ребёнок...»

«Содержанка. А строит из себя большого босса...»

«Теперь понятно, почему именно она руководитель проекта...»

Алина сжимала зубы до боли и шла вперёд. У неё был чёткий уговор с Марком: полное разделение личного и рабочего. Здесь он был только руководителем, поэтому жаловаться или предъявлять претензии она не собиралась. Ей было неприятно, да что там, очень неприятно. Но не критично. Главное — вытянуть проект и уехать. Всё остальное не имело значения. Пошумят, да забудут.

Марина встретила её широкой, натянутой улыбкой.

— Алиночка! Как же мы рады, что ты вернулась. Представляешь, архитектура, которую ты заложила, начала ужасно сбоить на финансовом модуле. Мы бьёмся уже вторую неделю, честное слово.

Алина сухо кивнула, включила компьютер и сразу погрузилась в работу. Она не собиралась тратить время на вежливость.

Три дня она почти не выходила из логов. Приходила первой, уходила последней. Ела прямо за столом. Спала урывками. И чем глубже копала, тем сильнее холодело внутри.

Ошибки, о которых говорил Марк, не были результатом некомпетентности Марины. Это был саботаж. Тонкий, изящный, почти красивый.

Финансовый модуль был намеренно изолирован от центральной базы холдинга. Костыли в коде писались рукой человека, который очень хорошо понимал систему. Отчёты получались идеальными — красивыми, логичными и полностью фальшивыми. Алина сверила цифры с реальными сметами «Норд-Базиса» и поняла масштаб.

Местное руководство во главе с финансовым директором Подольским годами методично выводило миллионы через цепочку фирм-однодневок. Новая прозрачная система, которую Алина изначально внедряла, а теперь приехала спасать, должна была вскрыть эту дыру за одну неделю.

— Они не просто тормозят проект, — тихо сказала она в пустом кабинете в четверг вечером, глядя на экран. — Они готовятся его похоронить. И Марина с ними. Интересно, сколько ей заплатили, чтобы она рискнула собственной репутацией?

Алина скопировала все доказательства на защищённую флешку, убрала её во внутренний карман пиджака и выдохнула. Завтра утром первым делом положит это на стол Марку. Пока не стало слишком поздно.

Но утро пятницы началось с катастрофы.

Ровно в 9:00, едва Алина прошла через турникет, телефон взорвался красными алертами. Центральный сервер «Норд-Базиса» лёг. Одновременно шла массированная утечка данных: клиентские базы, коммерческие тайны, алгоритмы ценообразования, внутренняя переписка — всё потоком уходило наружу и, судя по маршрутам, напрямую на серверы конкурентов.

Опен-спейс превратился в растревоженный улей. Кто-то кричал, кто-то звонил, кто-то просто сидел бледный. Марина стояла посреди зала, театрально прижимая руки к щекам.

Через два часа Алина уже сидела в зале заседаний.

Напротив неё с каменным лицом сидел Марк. Губы стиснуты в тонкую линию, брови нахмурены. Серо-зелёные глаза потемнели почти до чёрного. Справа от него — финансовый директор Подольский и начальник службы безопасности. Слева — генеральный директор Савельев и техдиректор Виктор Павлович. Чуть поодаль, нервно теребя край пиджака, сидела Марина.

— Утечка не внешняя, — чеканил безопасник, кладя перед Марком толстую папку. — Внутренняя диверсия. Авторизация под ключом администратора. IP рабочего компьютера Логиновой. Скачивание критических массивов и отключение протоколов защиты инициировано с её терминала в 8:45. Подтверждено личным паролем.

Алина перестала дышать. Кровь отлила от лица так резко, что на секунду потемнело в глазах.

— Это подделка, — сказала она максимально ровно. — В 8:45 меня физически не было в здании. Я прошла турникет в 8:58. Проверьте записи.

— Камеры на вашем этаже сегодня утром «планово» отключили на техническое обслуживание, — слащаво вставил Подольский. — А цифровой след, увы, на данный момент неоспорим.

Марина всхлипнула так натурально, что даже Алине на мгновение стало неприятно.

— Алина... как ты могла? Я же своими глазами видела, что ты вчера до одиннадцати скачивала какие-то базы. Я думала, ты просто работаешь сверхурочно...

Марина опустила глаза, но уголок её рта всё равно дрогнул. Со стороны это можно было принять за всхлипы, но Алина, знающая Марину уже много лет, увидела усмешку человека, который только что поставил мат.

Пазл сложился мгновенно, хотя и до этого она догадывалась, что всё было подстроено именно Мариной. У неё был полный доступ. Логи подчистили. Камеры отключили в нужное окно. Идеальная, почти ювелирная подстава.

Подольский грузно подался вперёд, опираясь мясистыми руками на стол:

— Убытки уже исчисляются сотнями миллионов. Это уже давно не вопрос увольнения, Алина Витальевна. Мы обязаны передать материалы в прокуратуру. Коммерческий шпионаж, статья, реальный срок. И, разумеется, многомиллионная неустойка по контракту.

Подольский даже не пытался скрыть удовлетворения. Толстые пальцы лениво барабанили по папке с «уликами», а в маленьких глазах плескалось почти неприкрытое торжество. Он смотрел на Алину так, будто уже видел её в наручниках. Для него это был идеальный сценарий: и дыру в финансах закроют чужими руками, и опасного свидетеля уберут одним красивым ударом.

Слово «срок» ударило под дых так сильно, что Алина на секунду потеряла слух. Перед глазами всплыло лицо Сони. Если её арестуют... кто заберёт ребёнка? Мать? Которая едва звонит раз в месяц? Марк? Но он постоянно занят на работе. Что будет с дочерью, если мать окажется в СИЗО по статье о промышленном шпионаже?

Алина медленно подняла глаза на Марка.

Сейчас решалось всё. Отец её ребёнка, который ещё неделю назад обещал окружить заботой, защитить их с Соней. Или безжалостный инвестор, чья компания только что потеряла состояние из-за человека, которого он сам привёл. Хотя это было и не так, но Марк ведь об этом не знал.

Марк молчал. Он сидел совершенно неподвижно, лишь медленно проводил большим пальцем по костяшке указательного. Когда он наконец поднял глаза на Подольского, воздух в переговорной словно стал гуще. В его взгляде нельзя было прочесть ни ярости, ни вообще каких-либо эмоций, только очень спокойная сосредоточенность. Алина не могла понять, о чём он думает. И это пугало сильнее всего.

Глава 24. Связанные руки

Марк наконец перестал поглаживать костяшку пальца и поднял глаза на Подольского. Голос прозвучал ровно, холодно, без единой эмоции:

— Алина Витальевна отстраняется от проекта на время выяснения всех обстоятельств.

Подольский удовлетворённо откинулся на спинку кресла. На лице Марины на долю секунды мелькнуло тщательно скрываемое торжество.

— Ровно через час собираем экстренную комиссию, — продолжил Марк, поднимаясь и застёгивая пуговицу пиджака. — Будем решать, как минимизировать ущерб. А пока я хочу поговорить с Алиной Витальевной наедине. Прошу, пройдёте в мой кабинет.

Алина встала на ватных ногах. Когда они шли по коридору, опен-спейс уже даже не пытался скрывать перешёптывания. Сплетни летели им в спины ядовитыми стрелами:

«Ну всё, доигралась содержанка...»

«Сейчас с вещами на выход...»

«Я же говорил — постель ума не прибавляет».

Она шла с высоко поднятой головой, но внутри всё мелко и противно дрожало. Каждый шаг отдавался в висках. Алина вдруг с жуткой ясностью поняла, что сейчас может потерять абсолютно всё: работу, репутацию, свободу. А значит — и Соню. Перед глазами на секунду появилось лицо дочери, и от этой мысли стало так страшно, что перехватило дыхание. Она снова была той двадцатилетней девчонкой, которую один телефонный разговор оставил совершенно одну. Только теперь ставки были несоизмеримо выше.

Когда тяжёлая дверь наконец закрылась, отрезав их от чужих взглядов, Алина на мгновение прикрыла глаза. В кармане пиджака лежала флешка. Единственное, что у неё сейчас было. Она сжала её пальцами до боли и тихо выдохнула, готовясь к худшему. Поверит он ей или нет?

Марк прошёл к панорамному окну и молча уставился на серые крыши. Внутри поднималось что-то чёрное, густое, почти неконтролируемое. Ярость затопила его целиком. Ему хотелось вернуться в переговорную, взять Подольского за горло и вытрясти из него всю душу, чтобы тот больше никогда не смог произнести имя Алины. Он только-только нашёл их с Соней. Только-только почувствовал, что у него снова есть за что держаться. И эти люди пытались забрать у него то, что он только обрёл. Руки сами сжались в кулаки.

— Марк... — голос Алины предательски дрогнул. — Я понимаю, как всё это выглядит. Но я клянусь...

Он резко развернулся.

Маска ледяного руководителя исчезла. За два шага он оказался перед ней и очень бережно обхватил её лицо ладонями. Большой палец мягко провёл по побледневшей щеке.

— Алина, не переживай, — тихо сказал он. — Я всё решу, малыш. Я урюю их всех. Засажу на столько лет, что они неба не увидят. Никто больше не посмеет тебя ни в чём обвинить. Верь мне. Я знаю тебя, ты никогда не стала бы этого делать. И я всегда на твоей стороне. Никогда этого не забывай.

От этого контраста — между ожидаемым холодным приговором и этой полной, безоговорочной поддержкой — у Алины на глаза навернулись слёзы. Защитный панцирь, который она так долго строила, треснул. Впервые за всю жизнь кто-то большой и сильный встал между ней и катастрофой.

Но именно поэтому она должна была отказать.

Она мягко накрыла его руки своими и чуть отстранилась.

— Нет, Марк. Я должна сделать это сама.

Он нахмурился. Голос стал жёстче:

— Алина, тебе шьют уголовную статью. Это не игрушки, я не позволю тебе рисковать. Я только-только обрёл вас с Соней.

— А я не позволю им уничтожить мою репутацию, — отрезала она, смахивая слёзы тыльной стороной ладони. В глазах снова появилась сталь. — Если ты сейчас всё решишь своими связями и деньгами, я навсегда останусь в их глазах просто твоей любовницей. Содержанкой, которую богатый босс отмазал от тюрьмы. Я профессионал и я сама разберусь. Доказательства их махинаций у меня уже есть.

Она вытащила из внутреннего кармана флешку и показала её Марку.

Марк молчал дольше, чем следовало. Всё в нём кричало, что нужно наплевать на её гордость, вызвать людей и стереть эту историю в порошок за одну ночь. Он мог это сделать. Легко, даже не напрягаясь. Но глядя в её мокрые, упрямые глаза, он понял: если сейчас пойдёт против её воли, то потеряет её сам. И уже по-настоящему.

— Хорошо, — наконец сказал он глухо. — Но в одиночку ты не останешься. Я дам тебе лучших людей из «Северного Альянса». Комиссия через час даст тебе время. Но действовать нужно быстро.

Алина судорожно выдохнула.

— Да... Но Соня. Сегодня пятница, мне нужно забрать её пораньше. Я не знаю, когда смогу уйти.

Марк смягчился. Снова коротко коснулся её щеки, вытер остатки слёз.

— О Соне я позабочусь. Заберу, покормлю, уложу. И я проживу с вами, пока это всё не закончится. Тебе сейчас нельзя оставаться одной.

Алина кивнула. Благодарность застряла комом в горле.

Через десять минут Марк вышел из кабинета, чтобы вернуться в переговорную и запустить обратный отсчёт для ничего не подозревающих Подольского и Марины.

Алина закрыла дверь на ключ, достала зашифрованную флешку, открыла ноутбук и тихо, почти беззвучно произнесла:

— Ну что ж... Давайте начнём.

Глава 25. Надёжный тыл

Экстренная комиссия собралась ровно через час.

Марк стоял во главе стола и говорил ровно, не повышая голоса:

— На полное расследование произошедшего у нас есть сорок восемь часов. Специалистам «Норд-Базиса» я это расследование не доверяю. Вы уже допустили ситуацию, при которой стала возможна такая диверсия. Поэтому работать будет внешняя команда «Северного Альянса». Все доступы, логи и резервные копии — на столе к восьми утра в понедельник. Есть вопросы?

Вопросов не было.

Алина молча сидела в конце стола. Официально она была отстранена, но уже через сорок минут после комиссии к ней подошёл старший из группы «Альянса» и коротко сказал:

— Марк Анатольевич распорядился. У вас полный доступ, мы в переговорной на минус первом. Ждём вас.

Первые сутки слились для Алины в один бесконечный, вязкий тоннель. Строки кода, мерцание монитора, стук клавиш и тупая боль в висках. Страх оказаться за решёткой и потерять дочь превратился в чистый адреналин, который не давал глазам закрыться даже на минуту.

После того разгромного совещания и переговоров с группой «Северного Альянса», Марк привёз их с Соней в съёмную квартиру на Васильевском. Он не стал задавать лишних вопросов, просто снял пиджак, закатал рукава белой рубашки и сказал коротко:

— Твоя задача — вытащить доказательства. Моя задача — всё остальное. Работай.

И Алина нырнула в цифровую бездну с головой. Часть работы она делала вместе с командой «Северного Альянса» в переговорной, самое сложное — уже дома, когда все расходились.

Она прекрасно понимала логику Марины и Подольского. Они действовали грамотно: завладели её административным доступом, подменили IP-адрес в системе аудита, запустили выгрузку данных и подчистую стёрли основные журналы. Для любого внешнего расследования картина выглядела бы безупречно.

Но заговорщики не учли одной детали.

Ещё на этапе внедрения Алина оставила в архитектуре свой служебный отладочный модуль — «тенивое зеркало». Он не писал данные постоянно. Модуль активировался только при определённых критических событиях: изменении прав администраторов, запуске скриптов массовой выгрузки и операциях с финансовым модулем. Всё, что он фиксировал, уходило в защищённое хранилище, доступ к которому был только у неё. Перед отъездом в Москву она просто отключила модуль, но не удалила. Когда после возвращения начала разбирать саботаж, то снова его активировала.

Сложность была в другом. Данные из «зеркала» писались плотным техническим потоком. Чтобы вытащить нужный временной отрезок, правильно расшифровать и собрать в связную картину, требовались время, глубокое понимание архитектуры и очень много терпения.

Шёл двадцать четвёртый час с момента начала расследования. Большую часть этого времени Алина провела за компьютером, позволяя себе лишь короткие перерывы на сон. Спина затекла так, что перестала ощущаться. Глаза жгло, будто внутрь насыпали мелкий горячий песок. Алина уже давно не чувствовала голода, только тошноту от бесконечного чёрного кофе и сухой ком в горле.

Вдруг на край стола бесшумно опустилась тарелка с горячими тостами и большая чашка свежесваренного чая с лимоном. Алина вздрогнула всем телом, выныривая из транса, и с трудом сфокусировала взгляд.

Рядом стоял Марк. Без галстука, с чуть взъерошенными волосами, в домашней чёрной футболке.

— Кофе больше нельзя, — тихо сказал он. — У тебя сердце остановится. Съешь тосты. Соня сама намазывала джем. Она очень старалась, чтобы мама поела.

Алина хрипло выдохнула:

— Марк, я почти... Они использовали таймер отложенного запуска. Скрипт на скачивание и подчистку логов был написан и загружен за двое суток до моего возвращения.

— Я и не сомневался, — он коротко, крепко сжал её плечо. — Ешь. Иначе ты просто рухнешь лицом в клавиатуру.

Он ушёл так же тихо, как появился. Алина механически откусила тост и только тогда поняла, до чего же зверски она голодна.

В эти выходные Марк открылся ей со стороны, которую она никогда не могла себе даже представить.

Президент огромного холдинга, человек, от одного взгляда которого на советах директоров становилось зябко, превратился в домработника, повара и няню. Он делал это так просто, как будто бы всегда этим и занимался.

Сквозь гул кулеров ноутбука Алина то и дело слышала звуки из кухни.

— Папа, а каша не должна быть такой чёрной снизу, — раздавался серьёзный голос Сони.

— Это называется карамелизация, солнышко, — невозмутимо отвечал глубокий бас Марка под характерный скрежет лопатки по кастрюле. — Французский рецепт. Но, если честно, я предлагаю признать поражение и заказать пиццу. Как ты смотришь на пиццу с двойным сыром?

— Ура! Мама разрешает пиццу только по праздникам!

— Сегодня у нас особенный день. День папиного кулинарного провала.

Алина, не отрываясь от экрана, вдруг поняла, что улыбается. Сухими, потрескавшимися губами.

На тридцать шестом часу работы она всё-таки вышла на кухню за водой и остановилась в дверях детской, будто наткнувшись на невидимую стену.

Марк сидел прямо на полу, неловко скрестив длинные ноги. Соня устроилась перед ним на подушке спиной к нему. А он, вооружившись обычной расческой и двумя розовыми резинками, с предельной сосредоточенностью пытался заплести ей косички. Рядом на планшете повторялось обучающее видео с YouTube.

— Итак, берём левую прядь... аккуратно перекидываем через центральную... — бормотал он себе под нос. Пальцы, привыкшие подписывать контракты на сотни миллионов, беспомощно путались в тонких детских волосах.

— Пап, ты мне опять ухо тянешь! — заливисто хихикала Соня.

— Прости, принцесса. Честное слово, это оказалось сложнее, чем реорганизовать весь отдел логистики за одну ночь.

Алина прислонилась плечом к косяку и прижала пальцы к губам. К глазам подступили слёзы. Её дочь называла этого мужчину папой так легко и естественно, будто он забирал её из садика всю жизнь. А он... он не пытался купить любовь дорогими игрушками. Он отдавал самое дорогое и невозполнимое, что у него было, — своё время и своё внимание.

Она вернулась к ноутбуку уже другой.

К исходу сорок восьмого часа, когда за окнами уже давно стояла глубокая ночь, система наконец сдалась.

«Теневое зеркало» зафиксировало полную цепочку: авторизацию под учётной записью Марины, использование её аппаратного ключа, запуск скрипта с ноутбука, закреплённого за её рабочим местом, и параллельное VPN-соединение, установленное с применением личного аппаратного токена Подольского. Всё произошло в одном узком временном окне длительно-стью менее четырёх минут.

Алина смотрела на логи и медленно начинала понимать настоящий масштаб. Это была не просто попытка сорвать проект и подставить её. Подольский готовил себе запасной аэродром. Слив данных конкурентам должен был одновременно уничтожить следы его хищений, убрать человека, который мог всё раскрыть, и обеспечить ему мягкую посадку на новом месте.

Они прикрывали друг друга. Красиво, почти идеально. Почти.

Алина несколько раз нажала «Сохранить», продублировала архив на три разные флешки и в закрытое облако. Потом откинулась на спинку кресла. Руки мелко, неконтролируемо тряслись.

Всё. Шах и мат.

Она медленно поднялась, подержалась секунду за край стола и на ватных ногах вышла в гостиную.

В комнате горел только один торшер. Марк полулежал на широком диване, глубоко откинув голову на спинку. Он спал. На его груди, свернувшись маленьким тёплым комочком и уткнувшись носом в мягкий джемпер, спала Соня. Даже во сне большая рука Марка лежала у неё на спине, надёжно защищая от падения. На голове у девочки торчали две слегка неровные, но очень старательно заплетённые косички.

Алина остановилась посреди комнаты и просто смотрела.

И в эту минуту последние, самые глубокие пласты льда, которые шесть лет сковывали её сердце, рухнули сразу и окончательно.

Перед собой она видела вовсе не того эгоистичного, холодного мужчину, который когда-то обвинил её во лжи. Перед ней была её семья, её настоящий, надёжный тыл. Мужчина, который без лишних слов встал между ней и пропастью и держал этот фронт столько, сколько было нужно.

Она подошла совсем тихо, опустилась на колени перед диваном и едва касаясь прикоснулась губами к его колючей от щетины щеке. Марк открыл глаза мгновенно.

— Нашла? — совсем тихо спросил он.

Алина кивнула. По щекам уже текли горячие слёзы облегчения.

— Всё нашло. Вся схема. Это была Марина. Я вытащила абсолютно всё.

Марк медленно выдохнул. В его глазах на короткую секунду вспыхнул холодный, хищный блеск.

— Завтра утром они очень сильно пожалеют, что вообще решили играть в эту игру.

Потом взгляд смягчился. Он свободной рукой осторожно заправил выбившуюся прядь ей за ухо.

— А теперь иди спать. Ты победила, малыш. Я горжусь тобой.

Алина не стала спорить. Она медленно опустилась на край дивана и прислонилась плечом к его плечу. Марк ничего не сказал, только осторожно накрыл её ладонь своей. И впервые Алина не отдернула руку. Марк улыбнулся, для него этого было достаточно.

Глава 26. Шах и мат

В понедельник утром Алина проснулась еще до будильника. За окном было хмурое и тяжелое небо, но несмотря ни на что, Алина была максимально собрана. Она впервые за двое суток отлично выпалась и была готова к бою. Алина вышла на кухню, налила себе кофе и, прислонившись к столешнице, наблюдала, как Марк помогает Соне застегнуть куртку.

Перед тем как выйти, Алина положила на стол перед ним три флешки.

— Здесь все данные. И доступы к облаку.

Марк сжал флешки в ладони. Лицо его мгновенно приобрело хищность и жесткость.

— Хорошо, я запускаю процесс. Езжай в офис. Пока ничего не предпринимай. Жди моего сигнала.

К десяти утра механизм уже работал на полных оборотах. Марк поднял свою службу безопасности и лучших юристов «Северного Альянса». Параллельно поставил в известность Савельева: расследование завершено, результаты будут оглашены на экстренном совете.

В опен-спейсе стояла почти злорадная тишина. Когда Алина шла к своему кабинету, она физически чувствовала жадные и нетерпеливые взгляды.

В 12:00 всех вызвали в главный конференц-зал. Началось.

Когда она вошла, места уже были заняты. Подольский сидел вальяжно, с сытой, самоуверенной ухмылкой. Рядом пристроилась бледная Марина, с темными кругами под глазами, старательно изображающая скорбь по «загубленному проекту».

Марк сидел во главе стола. Рядом с ним пристроился Савельев и несколько молчаливых людей в темных костюмах из службы безопасности «Альянса».

Подольский первым нарушил тишину, открывая папку:

— Полагаю, мы собрались, чтобы официально оформить отстранение Алины Витальевны и передать материалы в прокуратуру? Убытки зафиксированы, юридическая база готова.

Марк медленно перевёл на него взгляд.

— Прежде чем подписывать бумаги, я считаю правильным дать слово. Алина Витальевна?

Подольский снисходительно усмехнулся. Марина едва заметно закатила глаза.

Алина встала. Сейчас в ней уже не было страха. Она подошла к большому экрану, подключила ноутбук и нажала несколько клавиш.

На плазме вместо ожидаемых извинений появились строки расшифрованных логов.

— В пятницу вы заявили, что утечка была инициирована с моего терминала. Это не так. Она вывела на экран первые слайды.

— Ещё на этапе внедрения системы я оставила в архитектуре служебный отладочный модуль — «теневое зеркало». Он активировался только при критических операциях. В пятницу в 8:45 модуль зафиксировал авторизацию под учётной записью Марины Александровны с использованием её аппаратного ключа. Действие производилось с ноутбука, закреплённого за её рабочим местом. Одновременно было установлено VPN-соединение с применением личного аппаратного токена финансового директора Подольского.

В зале стало очень тихо.

Алина переключила слайд и спокойно продолжила:

— Теперь — о том, почему проект так сильно тормозили и зачем понадобилась эта утечка.

Она увеличила схему финансового модуля.

— Когда я начала разбирать саботаж, выяснилось, что финансовый модуль был намеренно изолирован от основной системы. Для генерации «правильных» отчётов создавались временные таблицы и скрытые представления. Именно через них, а также получив доступ к

архивным выгрузкам старой системы, мне удалось восстановить реальные движения средств. Вот цепочка переводов на фирмы-однодневки за последние четырнадцать месяцев.

Алина сделала небольшую паузу, давая залу время осознать цифры.

— Но на этом схема не заканчивалась. Маршруты передачи украденных данных в пятницу утром ведут напрямую на серверы одного из наших ключевых конкурентов. Но для чего это было сделано? Скорее всего, это была не просто попытка сорвать внедрение и подставить меня. Господин финансовый директор, вы готовили себе запасной аэродром?

На этих словах Подольский закашлялся.

— Слив информации должен был одновременно уничтожить следы хищений, убрать человека, который мог всё раскрыть, и, судя по всему, обеспечить вам мягкую посадку на новом месте.

Она убрала руки от клавиатуры и спокойно посмотрела в зал.

— Подстава с утечкой и многолетние хищения — это звенья одной цепи. И оба конца этой цепи ведут к одним и тем же людям.

В зале повисла мёртвая тишина. Было слышно только гудение кондиционера.

— Это фальсификация! — истерично выкрикнула Марина, вскакивая. — Она сама всё это нарисовала! Марк Анатольевич, это ложь!

— Сядьте, — голос Марка прозвучал тихо, но так, что Марина мгновенно осела обратно в кресло.

Марк смотрел на Алину с неприкрытым восхищением. Он специально позволил ей выйти к экрану одной. Ей не нужно было, чтобы кто-то спасал её чужими руками, ей нужно было самой вернуть своё имя. И она сделала это безупречно.

Он перевёл взгляд на Подольского. Тот pokrылся испариной и явно пытался что-то сказать, но не мог выдать из себя ни слова.

— Служба безопасности проверила данные. Всё подтвердилось, схема вывода средств раскрыта полностью.

Один из безопасников шагнул к Марине. Та не выдержала и разрыдалась:

— Это он меня заставил! Он сказал, что если система заработает, то их всех посадят! Он обещал процент!

— Уведите, — брезгливо бросил Марк. — Допрос проведёте у себя, из здания не выпускать до приезда полиции. Увольнение по статье, материалы передадите в полицию как можно скорее.

Марину вывели. Подольский сидел, глядя в столешницу мёртвыми глазами.

— Вы отстранены, — сказал Марк. — Кабинет будет опечатан. Заявление о хищениях в особо крупных размерах и саботаже уже готовится к передаче следователю. Уведите.

Когда за ними закрылась дверь, Марк обвёл взглядом оставшихся.

— Хочу, чтобы всем было предельно ясно. Алина Витальевна не только не имеет отношения к утечке. Благодаря её работе холдинг избежал огромных убытков и избавился от воров в руководстве. С этого момента проект полностью возвращается под её управление. Возражения есть?

Савельев на секунду замялся, потом всё-таки покачал головой.

— Никаких. Алина Витальевна, приношу извинения за подозрения.

Алина тихо закрыла ноутбук. Спина оставалась прямой, а внутри впервые за много дней стало по-настоящему легко.

Когда полчаса спустя она вернулась на свой этаж, атмосфера в опен-спейсе изменилась до неузнаваемости. Только что на глазах у всего отдела охраны вынесла вещи Подольского и увезла рыдающую Марину. Ядовитые шепотки почти прекратились, хотя отдельные взгляды всё ещё оставались настороженными. Слухи, как флюгер, резко развернулись. Теперь боль-

шинство говорило уже не о «содержанке», а о человеке, который в одиночку вскрыл гнойник и спас компанию.

Она зашла в кабинет, положила руки на холодную столешницу и глубоко выдохнула.

Дверь тихо открылась. Марк вошёл, закрыл жалюзи и, не говоря ни слова, крепко прижал её к себе.

— Шах и мат, — прошептал он ей в волосы. — Ты была невероятна.

Глава 27. Тихие дни

После бури, едва не уничтожившей всё, над проектом внедрения «Норд-Базис» повисла почти осязаемая тишина.

Прошло почти две недели с экстренного совета директоров. Две недели изматывающего, но приносящего странное, тяжёлое удовлетворение труда. Алина снова полностью управляла проектом, её рабочие дни превратились в бесконечную гонку по устранению последствий диверсии.

Вместе с командой она вычищала архитектуру, выкорчёвывала оставленные Мариной бэкдоры, переписывала уязвимые участки финансового модуля, закрывала дыры в VPN-шлюзах и внедряла новые, жёсткие протоколы шифрования. Каждый вечер она уходила с гудящей головой, но система постепенно начинала работать так, как и задумывалось, то есть безупречно. Дыра, через которую утекали миллионы холдинга, была замурована наглухо.

Отношение к ней в офисе изменилось кардинально. С ней больше не спорили. Отчёты ложились на стол за пять минут до дедлайна, а в коридорах коллеги здоровались уважительно, иногда даже заискивающе.

Но слухи не утихли. Они лишь затаились по углам, став тише, злее и ударив по самому личному.

В среду Алина, как обычно, спустилась на второй этаж за нормальным кофе. Эти пакетики «три в одном» пить было уже невозможно. Кофемашина стояла в небольшом закутке, скрытом за высокими фикусами. Она уже сделала шаг из-за угла, когда услышала голоса двух сотрудниц из бухгалтерии.

— ...да прям, сама она всё нашла, как же, — фыркнула одна. — Просто Соколов через свою СБ всё раскопал и дал ей лавры победительницы. Чтобы красиво отмыть репутацию, а то, как же, любовница всё же.

— Я слышала, что у неё дочь от него, не совсем любовница, как бы...

— Ой, да всё одно. Не жена же.

— Ну конечно, после такого спектакля он её точно не бросит, — вторила вторая, разминая сахар. — Говорят, он им квартиру элитную на Васёке снял, сам почти каждый день туда мотается. Офис свой забросил, вечно здесь, возле неё ошивается.

— Ещё бы, такая удобная содержанка: и борщ сварит, и воров посадит.

Женщины рассмеялись.

Алина замерла, до боли стиснув ручку пустой кружки. Внутри всё оборвалось. Она так отчаянно боролась за свою профессиональную независимость, но для этих людей всё равно оставалась лишь приложением к Марку. Любовница...

Она сделала глубокий вдох, натянула на лицо ровную маску и вышла из-за фикусов.

— Девочки, доброе утро. Вы закончили? Мне нужен двойной эспresso.

Обе побледнели, пробормотали что-то невнятное и почти выбежали из кухни. Алина сделала вид, что ничего не слышала, но кофе уже был с горечью.

А вечера в квартире на Васильевском были совсем другими. Они были какими-то... нормальными.

Марк действительно стал реже появляться в своём основном офисе. Большую часть вопросов он решал по телефону и на видеоконференциях, а если требовалось личное присутствие, приезжал туда на несколько часов. Но каждый вечер неизменно возвращался домой. Слово «дом» всё чаще крутилось у Алины в голове, и она гнала его от себя изо всех сил.

Они ужинали вместе, готовили по очереди или заказывали доставку. Марк больше не был тем грозным боссом в идеальном костюме, он носил простые футболки, ходил босиком

и уже наизусть знал, что Соня ест макароны только с сыром, а перед сном требует ровно две серии «Щенячьего патруля» и ни минутой больше.

Алина ловила себя на том, что ей нравилось такое положение дел. Она давно могла бы настоять на том, чтобы Марк съехал к себе, ведь все проблемы вроде уже как разрешились. Но не могла себя заставить сделать это. И стоило себе признаться, что, когда в прихожей щёлкал замок и раздавались его тяжёлые шаги, она чувствовала себя чуточку счастливее. Ей становилось тепло, когда он был рядом, и, признаться, это пугало до дрожи. Привыкнуть к ощущению надёжного плеча означало снова стать уязвимой. Тот самый контракт на отцовство не предполагал, что она сама начнёт нуждаться в этом человеке.

В четверг за ужином Соня вдруг подняла голову от тарелки:

— Пап, а завтра ты меня заберешь или мама?

— Если мама не успеет, то я, — улыбнулся Марк.

— А можно, чтобы вы оба приехали? Вместе.

Алина чуть заметно напряглась.

Марк посмотрел на неё поверх головы дочери, но ничего не сказал, только коротко ответил:

— Посмотрим, солнышко.

Позже, когда Соня уже чистила зубы, он остановился рядом с Алиной у раковины и тихо спросил: — Я могу забирать её чаще, если тебе так спокойнее.

— Мне спокойнее, когда всё остаётся в рамках договорённостей, — ответила она, не поднимая глаз.

Марк несколько секунд молчал.

— А какие у нас сейчас рамки, Алина?

Она не ответила. Просто выключила воду и отошла.

В пятницу вечером за панорамными окнами шёл мелкий питерский дождь, переходящий в мокрый снег.

В гостиной горел только мягкий свет торшера. Они сидели на огромном угловом диване. На экране шёл какой-то тихий семейный фильм. Соня устроилась прямо между ними, сначала ещё пыталась комментировать происходящее, а потом постепенно затихла. Её дыхание стало ровным и глубоким. Одна ладошка доверчиво лежала на колене Алины, вторая — на бедре Марка.

Марк осторожно, чтобы не разбудить дочь, потянулся за пледом и укрыл её. Потом медленно поднял глаза.

Алина сидела в полуметре от него, поджав ноги, в объёмном домашнем свитере. В полумраке глаза казались очень тёмными. Между ними повисла долгая, тягучая пауза. Слышно было только, как капли дождя бьются о стекло.

В этой паузе было слишком много всего. Слова, которые они не решались произнести. Напряжение, от которого воздух казался плотным. И странное, щемящее чувство абсолютной правильности момента.

Они сидели на одном диване, связанные спящим ребёнком. Почти семья.

Марк смотрел на неё долго и тяжело. Алина видела, как в его взгляде смешиваются нежность и что-то более тёмное, голодное. Ему достаточно было преодолеть эти несколько десятков сантиметров.

Она не отстранялась... ждала.

И именно поэтому оба продолжали молчать, боясь сдвинуться хоть на миллиметр и разрушить то хрупкое равновесие, которое досталось им такой тяжёлой ценой.

Глава 28. Точка

Проект закрыли в последних числах декабря, почти перед Новым годом.

Последний акт приёмки-передачи лёг на стол, и Савельев размашисто поставил на нём свою подпись. Щёлкнул колпачок дорогой ручки. Короткий, сухой звук, который официально поставил точку в этой долгой истории.

Проект «Норд-Базис» был завершён.

Система работала безупречно, все модули были протестированы и приняты, архитектура выдерживала пиковые нагрузки, новые протоколы безопасности отсекали любые попытки несанкционированного доступа. Финансовый блок, ради которого всё и затевалось, стал прозрачным.

— Алина Витальевна, — Савельев поднялся и протянул руку. В его голосе отчетливо слышалось уважение. — От лица руководства хочу сказать спасибо. Вы проделали колоссальную работу. И что самое главное, Вы спасли компанию от настоящей катастрофы.

Алина пожала его руку и коротко кивнула. Улыбнуться она не смогла, слишком сильно было внутри всё натянуто.

Юридические итоги подвели накануне. Марина не выдержала давления и на первом же серьёзном допросе дала подробные признательные показания, надеясь смягчить свою участь. Подольский отпирался дольше, нанял дорогих адвокатов, но против восстановленных транзакций, логов и VPN-следов с его личного токена они оказались бессильны. Сейчас бывший финансовый директор находился под следствием. Возбудили дела по нескольким статьям: хищение в особо крупном размере, коммерческий саботаж и разглашение коммерческой тайны. Параллельно холдинг подал многомиллионные гражданские иски. С них будут взыскивать и прямой ущерб, и неустойку.

Реальный урон от утечки удалось сильно минимизировать. Благодаря тому, что в первые же сутки после диверсии Алина полностью сменила ключи шифрования, переписала алгоритмы ценообразования и заблокировала скомпрометированные узлы, украденные данные быстро превратились для конкурентов в почти бесполезный набор цифр. Но формально ущерб всё равно будут взыскивать. Бизнес был в безопасности.

Алина вышла из кабинета Савельева и медленно пошла к лифтам.

Всё закончилось, проект сдан, контракт выполнен от первой до последней буквы. Она победила, доказала свою состоятельность, очистила имя, защитила систему. Теперь можно было со спокойной душой собирать вещи и возвращаться в Москву. Ей выплатят хорошую премию, она сможет полностью закрыть ипотеку.

Алина нажала кнопку вызова и поймала своё отражение в матовой стали дверей. Можно ехать домой.

И от этой мысли сердце вдруг болезненно, глухо сжалось.

Алина прислонилась лбом к прохладному металлу и закрыла глаза.

Да, теперь она закроет кредит на квартиру. Сможет купить ту машину, о которой мечтала. Но по вечерам, уложив дочь, Алина снова будет сидеть в темноте кухни одна, слушая монотонное тиканье настенных часов. Раньше эта тишина казалась ей свободой, теперь же от этой мысли холодели пальцы. Москва, которая ещё недавно казалась безопасной гаванью, сейчас виделась просто большим, шумным городом, где её никто особенно не ждёт.

А здесь... здесь была квартира на Васильевском, где пахло кофе, заказанной пиццей, подгорелой кашей и... Марком. Здесь были тихие вечера на диване. Здесь был мужчина, который криво, но старательно заплетает Соне косички и молча ставит тосты, когда она забывает поесть. Даже эти мерзкие офисные слухи казались теперь мелкими и неважными по сравнению с тем, что она собиралась потерять.

Всё это незаметно, шаг за шагом, стало частью её жизни. Стало настоящим домом, тем самым домом, от которого она так упорно отрешивалась.

Вернувшись вечером в квартиру, Алина долго стояла в прихожей, не снимая пальто. Она смотрела на вешалку, где её светлая шубка висела вплотную к тёмному, строгому кашемировому пальто Марка. Внизу, рядом с её изящными сапожками и крошечными розовыми кроссовками Сони, стояли его массивные ботинки. Эта такая простая и бытовая картина пробивала на эмоции сильнее, чем любые слова. Они вросли друг в друга, прижились, сплелись жизнями. Как теперь всё это разорвать, расфасовать по чемоданам и увезти?

Вечером в квартире было тихо. Соня, набегавшись за день, уснула рано, крепко обнимая плюшевого зайца, которого подарил Марк.

Алина вышла на кухню. Марк сидел за барной стойкой с планшетом. Услышав её шаги, он отложил устройство и поднял глаза. В мягком свете кухонных ламп лицо казалось уставшим и очень спокойным.

Алина налила себе воды. Руки слегка дрожали, и она обхватила стакан обеими ладонями, чтобы унять эту дрожь.

— Я сегодня подписала последние акты, — голос прозвучал тише, чем хотелось. — Савельев всё принял, проект официально закрыт.

Марк не шевельнулся. Только глаза чуть сузились, внимательно изучая её лицо.

— Поздравляю. Ты проделала отличную работу.

— Спасибо. — Она сделала глоток. В горле было сухо. — Марк... раз всё закончилось, нам нужно обсудить отъезд, наше с Соней возвращение в Москву. Мне важно понимать, как дальше выстраивать логистику с Соней.

Повисла долгая, напряженная тишина. Было слышно, как гудел холодильник. За окном шумели редкие машины по мокрому асфальту. Марк продолжал смотреть на неё. В его взгляде нельзя было прочесть каких-либо эмоций, он старательно их прятал.

Марк медленно поднялся, обошёл стойку и остановился в шаге от неё. Он не стал её уговаривать или о чём-то просить, просто посмотрел прямо в глаза и без всякого давления тихо спросил:

— А ты сама хочешь уезжать?

Алина открыла рот, чтобы сказать привычное, и как ей казалось, правильное «да». Это слово должно было стать её защитой, билетом обратно в безопасную зону, где никто не сможет разбить ей сердце. Но слова застряли, а горло сдавило жестким спазмом.

Она поняла: если она сейчас скажет это, он не станет её удерживать. Марк примет её выбор. Он закажет билеты, организует переезд и станет хорошим отцом на расстоянии. Именно таким, каким она когда-то хотела его видеть. Он выполнит её волю и от этой мысли стало физически больно, словно из лёгких разом выкачали весь кислород.

Она смотрела в его серо-зелёные глаза и вдруг с пугающей ясностью поняла, что больше не может ему лгать. И себе тоже не может.

Она отвела взгляд, уставившись на блики света на стеклянном стакане, и промолчала.

В этой тишине её молчание прозвучало громче любого признания. Марк не сдвинулся с места, но Алина кожей почувствовала, как неумовимо, до искр изменилась атмосфера между ними. Воздух стал густым, наэлектризованным. Он услышал её ответ.

Глава 29. Настоящая семья

Он всё понял. Ему не надо было объяснять дважды.

Марк медленно, словно боясь спугнуть, сделал тот самый последний шаг, разделявший их. Он мягко, но уверенно забрал из её дрожащих рук стакан с водой и отставил его на столешницу. Затем его большие, теплые ладони легли на её плечи.

— Алина, — его голос звучал низко, с хрипотцой, от которой по спине побежали мурашки. Он бережно коснулся её лица, медленно погладил большим пальцем побледневшую щеку и аккуратно заправил выбившийся локон за ушко. — Малыш... Давай поговорим, просто поговорим. Закроем, наконец, всё невысказанное. Один раз и навсегда, чтобы больше не возвращаться к прошлому никогда.

Алина судорожно выдохнула, прикрыв глаза от его прикосновения. Ей так отчаянно не хватало этой нежности, она боялась признаться самой себе, как мечтала о вот таких лёгких прикосновениях Марка.

Марк взял её за руку, переплетая их пальцы, и увел в гостиную. Они сели на диван, в полумраке, освещаемом только уличными фонарями за окном и бледной луной, только-только показавшейся из-за туч. Он не отпускал её руку, поглаживая тонкое запястье.

— Шесть лет назад, — тихо начал Марк, глядя прямо ей в глаза, — я совершил самую большую ошибку в своей жизни. Я был слепым, циничным идиотом, который привык мерить всё деньгами и контрактами, я привык, что от меня постоянно что-то хотят. Когда я увидел тебя тогда, в том ресторане... это было так ярко, словно вспышка. Алина, я боялся признаться себе, что ты мне тогда очень понравилась, меня тянуло к тебе, ты помнишь, я приезжал. Несмотря на встречи с партнерами, занятость, я все равно искал время, чтобы увидеть тебя. Мне бы тогда понять, что это судьба, но нет... — Марк усмехнулся. — Я настраивал себя, что это не любовь, это просто увлечение, а ты — охотница за статусом. И когда ты сказала мне про перевод в Питер, я подумал: «Да, так и есть».

Марк замолчал, а у Алины на глаза навернулись слёзы. Было больно слышать это.

— В тот день всё шло наперекосяк, мы сорвали переговоры, терпели убытки, я был зол, срывался на всех. А потом твой звонок. — Его челюсти сжались, а взгляд потемнел от застарелой боли. — Я не оправдываюсь сейчас. Я признаю, что был не прав. Но на тот момент все мои слова казались мне логичными и правильными. Да, я хотел потом позвонить, всё выяснить, звонил даже несколько раз. Но когда ты не взяла трубку, я решил, что всё правильно, наши пути разошлись, так и должно быть. Ты была послана мне свыше, а я этого не понял. Упустил.

Марк притянул её руку к губам и поцеловал.

— Так я и жил в своем придуманном, идеальном и совершенно пустом мире, пока не встретил Веру.

Алина вздрогнула и испуганно подняла на Марка глаза.

— Я любил ее. Я хочу, чтоб ты знала и эту часть моей жизни. Да, я любил её, до боли любил. Но нам не суждено было быть вместе, а нашему ребенку не суждено было родиться. После их смерти... я полтора года учился жить заново, малыш. Я пересмотрел всю свою жизнь. Всю. Я понял, как во многом был не прав, как был жесток в своей слепой самоуверенности.

Он повернулся к Алине, обхватил ее лицо обеими ладонями, заставляя смотреть ему прямо в глаза.

— Но любовь к ней и любовь к тебе — она разная, Алина. Ее я любил как безумный пацан, сошедший с ума от страсти. А тебя... Тебя я люблю как взрослый мужчина, понявший, что такое истинный смысл жизни. Тебя я люблю нежной, вдумчивой, взрослой любовью. Той самой, которая привязывает сердца друг к другу навечно, которая прорастает корнями в душу

навсегда. Любовь к тебе, она вот здесь. — Марк поднес её руку к своему сердцу. — Вот здесь сжала так сильно, что я вдохнуть без тебя не могу.

Алина перестала дышать. Сердце в груди забилося с утроенной силой. — Любишь? — едва слышно, одними губами прошептала она, боясь поверить в услышанное.

— Люблю, малыш, — Марк прижался лбом к ее лбу, шумно, прерывисто выдыхая. — Больше жизни люблю. Я не буду тебе врать... Она проснулась не сразу, сначала было уважение, потом восхищение, ну а потом я понял, что не смогу больше, если тебя не будет рядом.

Алина всхлипнула, и ее слезы наконец прорвались наружу.

— Прости меня, Марк, за то, что соврала тебе про Соню. Я боялась, я хотела защитить себя и её, построить стену, отгородиться. Я всегда любила тебя, Марк, и поэтому мне было особенно больно...

— Больше не нужно защищаться, — горячо зашептал он, стирая слезы с ее щек своими большими пальцами. — Я больше никогда не дам тебе повода строить эти стены, слышишь? Сейчас вы с Соней — самое дорогое, самое важное, что есть в моей жизни. Мой воздух. Я не хочу тебя неволить, не хочу давить. Я хочу, чтобы ты сама приняла решение. Но, Алина... я не смогу больше жить без вас. Зачем мне всё это, если вечером я не могу вернуться к любимым?

Марк замолчал на секунду, глядя на нее с отчаянной надеждой. — Давай поженимся, Алина. Давай станем настоящей семьей.

Слезы хлынули из её глаз бесконечным потоком, но это были слезы абсолютного счастья. Она смотрела на мужчину, которого любила все эти годы, хотя и твердила себе, что всё прошло.

— Да, — выдохнула она, бросаясь ему на шею. — Да, Марк.

Он издал глухой, сдавленный стон, крепко прижимая её к себе. Его губы нашли её лицо, он бережно, с какой-то отчаянной нежностью сцеловывал её слезы, покрывая поцелуями щеки, виски, веки. А затем его губы накрыли её губы.

Это уже был далеко не осторожный поцелуй, о котором он мечтал чуть ранее, это был прорыв плотины. Марк целовал её жадно, глубоко, вкладывая в этот поцелуй всю свою тоску за шесть потерянных лет, всю свою осознанную, взрослую любовь.

Алина ответила с такой же сводящей с ума страстью. Её руки зарылись в его густые волосы, притягивая еще ближе. Марк резко поднялся, подхватывая её на руки так легко, словно она ничего не весила. Алина инстинктивно обхватила его талию ногами, не разрывая поцелуя, пока он нес её в спальню.

Дверь захлопнулась, отрезая их от всего остального мира.

Марк бережно опустил её на край широкой кровати. В полумраке комнаты его глаза горели первобытным огнем желания. Он снимал с неё одежду медленно, словно совершал самый важный ритуал в своей жизни. Каждое прикосновение его горячих пальцев к её обнажённой коже оставляло обжигающий след.

Его губы скользили по её шее, спускаясь к ключицам, к чувствительной коже груди, вырывая из горла Алины сладкие стоны, которые она пыталась приглушить, помня о дочери в соседней комнате. Он изучал её тело заново, отдавая дань каждому миллиметру, заставляя её выгибаться навстречу его обжигающим поцелуям.

Она тянулась к нему, изнывая от желания, шептала его имя, моля не мучить её больше.

И когда Марк, наконец, вошел в нее, они оба судорожно, в один голос выдохнули. Это был момент единения, когда две расколотые половины спустя шесть бесконечных лет пустоты снова стали единым, неразрывным целым.

Они уснули только под утро, абсолютно опустошенные этой сумасшедшей страстью, но до краев наполненные друг другом, так и не разомкнув объятий.

А новый день для Алины начался с запаха свежесваренного кофе и тихого шлепанья маленьких ножек по коридору.

Алина потянулась в кровати. Место рядом было пустым, но простыни еще хранили тепло Марка. Она накинула его футболку, которая оказалась ближе всего, и, улыбаясь собственным мыслям, пошла на кухню.

Марк стоял у плиты в одних спортивных штанах, ловко переворачивая на сковороде полуфабрикатные сырники. Завидев Алину, он отложил лопатку, подошел к ней, обнял за талию и нежно поцеловал в макушку.

— Доброе утро, будущая жена Соколова, — прошептал он, и от этих слов у Алины сладко замерло сердце.

В этот момент на кухню влетела Соня. Она была уже умыта, причесана и сжимала в руках альбомный лист. — Мама, папа, смотрите! — звонко крикнула девочка, подбегая к ним.

Она протянула Алине свой рисунок. На белом листе яркими фломастерами были нарисованы три фигурки: высокий мужчина, женщина и маленькая девочка между ними. Они крепко держались за руки, а над ними светило огромное желтое солнце. Внизу печатными, чуть кривоватыми буквами было выведено: «МОЯ СЕМЬЯ».

Алина долго смотрела на рисунок. Раньше она обязательно бы мягко поправила дочь, сказала бы какую-нибудь правильную, отстраненную фразу про то, что папа просто живет в другом доме.

Но сейчас она подняла глаза на Марка. Он смотрел на неё с затаенным дыханием, крепко обнимая за плечи.

Алина перевела взгляд на сияющую Соню, широко улыбнулась и не стала ничего исправлять. — Это очень красивый рисунок, солнышко, — мягко сказала она, прижимая листок к груди. — Самая настоящая, самая лучшая семья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.